

январь – февраль
1 (87) 2019 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

- ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ** **10 САРАФ М. Я., САРАФ С. М.**
ЛОГИКА КУЛЬТУРЫ И ТЕХНИКО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС:
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
- 17 ПУГАЧЕВА Л. Г.**
ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СДВИГ: ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ «ИНТЕРПРЕТАЦИИ»
К ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ
«ПОНИМАНИЯ»
- 25 ЗОЛУТУХИНА-АБОЛИНА Е. В.**
МИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ: СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ
- 37 БОРИСОВ С. Н., ГОРЯИНОВА А. С.**
НАКАЗАНИЕ КАК ФИЛОСОФСКИЙ КОНЦЕПТ.
ПРОБЛЕМА УСКОЛЬЗАЮЩИХ КОНТЕКСТОВ
- 45 ТРУБНИКОВА К. Н.**
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА
ТЕРРОРИЗМА: ПОИСКИ НОВЫХ ПОДХОДОВ

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

54 МИРОНОВ А. С.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В БЫЛИНОВЕДЕНИИ:
ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОГО ЭПОСА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА.
ЧАСТЬ 1, 1950–1960 ГОДЫ

74 БОНДАРЕВ А. В., ЛЕОНОВ И. В.

ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫЙ АНСАМБЛЬ ЦАРСКОГО СЕЛА
КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ГЕШТАЛТ:
МОРФОГЕНЕЗ И АРХИТЕКТОНИКА.
СТАТЬЯ ВТОРАЯ

86 ПАВЛОВ П. В.

ЭСТЕТИКА И ТРАГЕДИЯ РЕВОЛЮЦИИ:
ВЗГЛЯДЫ ГЕОРГА ЛУКАЧА В «МОСКОВСКИЙ»
ПЕРИОД 1930-Х ГОДОВ

95 КУЗНЕЦОВА А. В., КУРГАНСКАЯ О. А.

ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ СВОБОДА В КОНТЕКСТЕ
РОМАНТИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ:
ОТ Ф. ЛИСТА К Н. К. МЕТНЕРУ

ЭСТЕТИКА 106 РЕЗАНЦЕВА М. С.

ИМПРОВИЗАЦИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ
ЭЛЕМЕНТ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

112 КОЩЕЕВ А. Е.

ТРИВИАЛИЗАЦИЯ ЭСТРАДНОГО ТВОРЧЕСТВА
КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

- СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**
- 122 МОРОЗОВА О. Ф., НОЗДРЕНКО Е. А., ЖУКОВСКАЯ Л. Н., КОСТЫЛЕВ С. В.**
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СФЕРНОГО ПОДХОДА
- 133 РЯБКОВ В. М.**
АНТИЧНЫЕ ИДЕАЛЫ ДОСУГА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК
- 139 ТРОФИМОВ М. Ю.**
ТАНАТАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ИНДУСТРИИ РАЗВЛЕЧЕНИЙ: ПОИСК ПУТЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ
- 147 СЕКРЕТОВА Л. В.**
ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ИНДУСТРИИ ДОСУГА: ОПЫТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
- ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**
- 156 САВЕНКОВА Л. Г.**
ПОЛИХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ВВЕДЕНИЯ РЕБЁНКА В КУЛЬТУРУ
- 164 САХАРЧУК Е. С.**
РЕАЛИЗАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРЕБОВАНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

173 МАЙКОВСКАЯ Л. С., СЛАВИНА О. С.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ГОТОВНОСТИ ВОКАЛИСТОВ
К ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В КЛАССЕ СОЛЬНОГО НАРОДНОГО ПЕНИЯ

**БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

180 ГЛАЗКОВ М. Н.

БИБЛИОТЕЧНАЯ СФЕРА СССР В 1953–1964 ГОДЫ

НОВЫЕ КНИГИ 130 МАРЕЕВА Е. В.

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
ОТ МИФА К РЕАЛЬНОСТИ

Рецензия на книгу: Климова С. М. Интеллигенция
в поисках идентичности: Достоевский – Толстой.
Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. 248 с.

January – February
1 (87) 2019
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

THE THEORY OF CULTURE

10 SARAF M. YA., SARAF S. M.

THE LOGIC OF CULTURE AND TECHNICAL
AND TECHNOLOGICAL PROGRESS:
CIVILIZATIONAL CONTRADICTIONS

17 PUGACHEVA L. G.

PARADIGM SHIFT: FROM THE CLASSICAL
CULTURE OF "INTERPRETATION"
TO THE POST-NON-CLASSICAL CULTURE
OF "UNDERSTANDING"

25 ZOLOTUKHINA-ABOLINA E. V.

THE MYSTICAL EXPERIENCE OF MODERN PERSON:
WAYS TO DESCRIBE

37 BORISOV S. N., GORYAINOVA A. S.

PUNISHMENT AS A PHILOSOPHICAL CONCEPT.
THE PROBLEM OF ESCAPING CONTEXTS

45 TRUBNIKOVA K. N.

CULTURAL STUDIES OF TERRORISM:
THE SEARCH FOR NEW APPROACHES

**ART CULTURE:
HISTORY AND
MODERNITY**

54 MIRONOV A. S.

AXIOLOGICAL APPROACH IN EPIC STUDIES:
VALUE ANALYSIS OF THE RUSSIAN EPIC
IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY.
PART 1, 1950–1960

74 BONDAREV A. V., LEONOV I. V.

PALACE AND PARK ENSEMBLE
OF TSARSKOYE SELO AS A HISTORICAL
AND CULTURAL GESTALT: MORPHOGENESIS
AND ARCHITECTONICS. PART TWO

86 PAVLOV P. V.

AESTHETICS AND TRAGEDY OF THE REVOLUTION:
THE VIEWS OF GEORG LUKÁCS
IN THE "MOSCOW" PERIOD OF THE 1930TH

95 KUZNETSOVA A. V., KURGANSKAYA O. A.

PERFORMING FREEDOM IN THE CONTEXT
OF A ROMANTIC WORLDVIEW:
FROM FRANZ LISZT TO NIKOLAY MEDTNER

AESTHETICS 106 REZANTSEVA M. S.

IMPROVISATION AS THE SPECIFIC ELEMENT
OF CREATIVE ACTIVITY

112 KOSCHEEV A. E.

TRIVIALIZATION OF VARIETY CREATIVITY
AS AESTHETIC PROBLEM

**SOCIAL AND
CULTURAL
ACTIVITY**

**122 MOROZOVA O. F., NOZDRENKO E. A.,
ZHUKOVSKAYA L. N., KOSTYLEV S. V.**

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE THEORY
OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY:
THE HEURISTIC SIGNIFICANCE
OF THE SPHERE APPROACH

133 RYABKOV V. M.

THE ANCIENT IDEALS OF LEISURE IN THE CONTEXT
OF CONTEMPORARY SOCIAL AND CULTURAL
PRACTICES

139 TROFIMOV M. YU.

ORIENTATION TO DEATH OF ENTERTAINMENT
INDUSTRIES

147 SEKRETOVA L. V.

ENSURING SAFETY IN THE LEISURE INDUSTRY:
THE EXPERIENCE OF PEDAGOGICAL
UNDERSTANDING

**EDUCATION
IN THE FIELD
OF CULTURE**

156 SAVENKOVA L. G.

POLY-ARTISTIC EDUCATION AS A CONDITION
FOR INTRODUCING A CHILD INTO THE CULTURE

164 SAKHARCHUK E. S.

IMPLEMENTATION OF FEDERAL STATE
EDUCATIONAL STANDARDS OF HIGHER EDUCATION
IN THE CONTEXT OF REQUIREMENTS
OF PROFESSIONAL STANDARDS:
SOCIAL AND CULTURAL ASPECT

173 MAYKOVSKAYA L. S., SLAVINA O. S.

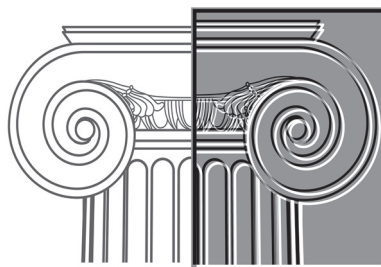
THEORETICAL-METHODICAL MODEL
OF FORMATION OF PROFESSIONAL READINESS
OF SINGERS TO PERFORMING ACTIVITY
IN THE CLASS OF SOLO FOLK SINGING

**LIBRARY AND INFORMATION
ACTIVITY** **180 GLAZKOV M. N.**

LIBRARY AREA IN USSR 1953–1964th

NEW BOOKS **190 MAREEVA E. V.**

THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA:
FROM MYTH TO REALITY
REVIEW OF THE EDITION:
Klimova S. M. *Intelligentsiya in search
of the identity: Dostoevsky – Tolstoy.*
Sankt-Petersburg, Aletheia Publishing House,
2018. 248 p. (In Russian)

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ЛОГИКА КУЛЬТУРЫ И ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

УДК 130.2

М. Я. Сараф¹, С. М. Сараф²

¹Московский государственный институт культуры

²МИРЭА – Российский технологический университет

В основу рассмотрения своей темы авторы положили идею известного российского философа и культуролога В. С. Библера об исторической необходимости перехода от техногенной цивилизации, инструментом которой послужило научное познание предметного мира для удовлетворения потребностей человека, к цивилизации, формирующейся как «логика культуры», как способ воспроизводства общественного бытия посредством создания артефактов в процессе диалога его суверенных субъектов. Такая идея, как и идея ноосферы, весьма конструктивна в плане общеисторического понимания движения культуры, но нынешние цивилизационные реалии пришли с ними в глубокое противоречие. Однако если гуманистическая идея оказывается всё же доминантой для исторического процесса, то именно логика культуры создаёт условия для оптимального нововизантизационного развития научно-технического прогресса.

Ключевые слова: культура, способ понимания, способ мышления, логика культуры, цивилизация, научно-технический прогресс, гуманизм.

M. Ya. Saraf¹, S. M. Saraf²

¹Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

²MIREA – Russian Technological University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Vernadsky Avenue, 78, Block A, Office A-300, 119454, Moscow, Russian Federation

THE LOGIC OF CULTURE AND TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL PROGRESS: CIVILIZATIONAL CONTRADICTIONS

Theme is based on the idea of famous Russian philosopher and culturologist V. Bibler regarding historical necessity of transfer from technogenic civilization, which instrument was scientific knowledge of objective world for satisfying human's needs, to "logic of culture" – based civilization as the way of

САРАФ МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Московский государственный институт культуры

SARAF MIKHAIL YAKOVLEVICH – Full Doctor of Philosophy, Professor, Honored worker of higher school of the Russian Federation, the Moscow State Institute of Culture

САРАФ СВЯТОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ – кандидат технических наук, МИРЭА – Российский технологический университет

SARAF SVYATOSLAV MIKHAYLOVICH – Ph.D. (Technical Sciences), the MIREA – Russian Technological University

e-mail: ssaraf@yandex.ru

© Сараф М. Я., Сараф С. М., 2019

reproduction social being by creation of artifacts within independent subjects' interaction. The idea of noosphere is quite meaningful for general historical understanding of culture movement, but nowadays civilization process is in deep contradiction with it. If humanistic idea is a dominant of historical process, then just logic of culture creates conditions for optimal development of technologic advantages.

Keywords: culture, civilization, the way of understanding, the way of thinking, logic of culture, technologic advantages (scientific and technologic progress), humanism.

Для цитирования: Сараф М. Я., Сараф С. М. Логика культуры и технико-технологический прогресс: цивилизационные противоречия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 10–16.

В своей книге «От наукоучения к логике культуры» известный российский философ и культуролог В. С. Библер разработал глубоко продуманную концепцию цивилизационного развития как принципиально изменения способов понимания бытия и, следовательно, разумения, то есть изменения образа целостности мира и способности строить свою деятельность в соответствии с принципами такой целостности. Культура, согласно такой позиции, есть способ, форма и условие бытия человека, его встроенности в социум, его мышления и деятельности, его самодетерминации. Их изменение определяет цивилизационные этапы движения культуры.

Так, для Античности это означало определить мир (понять его пределы), отделить космос (организованный мир как место пребывания человека) от хаоса (отсутствия каких-либо связей и взаимодействий) и способность «эйдетического» ума воплотить любые образы бесконечно-возможного бытия. Для средневекового ума это означало приобщить предмет разумения к всеобщему субъекту, к сверхсущему (творцу). Для Нового времени «понять» стало означать «познать», раскрыть сущность предмета через процедуры познавательных и верифицируемых операций, формирование научного (теоретического) знания [1]. Отсюда такое внимание к науке и научному методу (наукоучению), служившим эффективны-

ми инструментами деятельности, результатом которой и стала современная техногенная цивилизация.

Научно-технический прогресс со второй половины XIX века стал оказывать системное влияние на течение культурного процесса, тем не менее приходя с ним во всё более глубокое противоречие, которое стало существенным фактором в сформировавшемся постиндустриальном обществе, или так называемом обществе потребления. Доминирующее отношение к науке в её укorenившемся традиционном нововременном понимании как средству подчинения природы потребительским интересам человека привело к тому, что главной целью общественного производства стало безудержное производство предметов потребления для получения прибыли, тогда как его действительной сущностной целью должно было бы быть воспроизводство общественного человека. В результате логика процессов научного познания и его технико-технологического воплощения и логика движения культуры как системы воспроизводства человека пришли едва ли не во взаимоисключающее противоречие. Ещё М. Хайдеггер в работе «Бытие и время» заметил, что чем шире и произвольнее человек распоряжается миром как покорённой территорией, выдвигая приоритетом свою субъективность, тем всё определённое наука о мире превращается в науку о человеке.

Обострение этого противоречия и его осознание обусловили так называемый культурологический поворот в науке последней трети прошлого века – как понимание необходимости гуманитарного изменения и координации научно-технического прогресса. В. С. Библер приходит к выводу, что логика технико-технологического мышления, ориентированная на преобразование предметного мира, подошла к пределам своих цивилизационных возможностей и должна смениться логикой культуры, то есть новым способом мышления и деятельности, новым способом самодетерминации человека, содержанием и целью которых будет создание артефактов, возможное лишь в процессе диалога как результата взаимопонимания и взаимодействия с «другим», равновеликим и суверенным. Движение в этом направлении и выступает как логика культуры, ибо центром становятся не изменения тех или иных внешних обстоятельств бытия разумеющего ума (индивида, общности), но его превращение в самостоятельную и самодостаточную деятельность воспроизводства человека, способного к созданию любых собственных логик начала логики, то есть оснований всеобщности мышления. Таким образом, через диалог культур, через усвоение и освоение его содержания индивид становится подлинным субъектом культуры, что ведёт к формированию новой цивилизации, приходящей на смену техногенной.

Однако предвиденный В. С. Библером и утверждаемый им в качестве исторической необходимости «диалог культур» в начале XXI века почти перестал быть «диалогом», а «культура» уступила место «традиции», причём, как считает С. С. Неретина, в худшем её варианте: традиция как опора на нужную государству историю, как скрепы, патриотизм в глянцевого обёртке [2]. Уж

слишком великие выгоды и соблазны для субъектов нынешнего этапа исторического процесса предоставляет действующая модель общественного производства, при которой миллиарды людей оказываются ничем иным, как потребительским балластом.

Как отмечают А. В. Дьяков и А. М. Соколов [3], на этапе классического капитализма население, или рабочая сила, рассматривались как один из материальных ресурсов, связанных с производственным процессом. Посткапитализм же встраивает человека, включая самые интимные стороны его существа, в процесс производства не только благ, но и прибавочной стоимости, имеющей отношение не к человеку, а к капиталу. Другими словами, труд сегодня утратил своё прежнее значение, а на первое место вышли потребности людей, и надо подчеркнуть – естественные, биологические потребности, желания. Желания людей и возможность их удовлетворять оказались выражением суверенности индивида. Тот, кто не имеет желания, причём непрерывно возрастающего, утрачивает определённую своего статуса.

Делая вывод об умалении ценностного статуса личностной суверенности, А. В. Дьяков и А. М. Соколов полагают, что это становится непосредственной угрозой политического суверенитета как базового элемента современной цивилизационной системы. Труд перестаёт быть необходимым условием бытия человека, он становится излишним и даже ненужным, а вместе с этим излишними и ненужными становятся и люди.

Сходные выводы получает в своих исследованиях и экономист С. Д. Бодрунов [2]. Согласно его пониманию техноквицизационного процесса, человек уйдёт из непосредственного производства, уже не будет непосредственно включён в материально-производственную деятельность, а зна-

чит, и отношения между людьми по поводу неё возникать уже не будут. Он целиком заставит работать на себя порождения техносферы, технетические существа. Этот процесс уже происходит, человек уже удаляется от непосредственного производства. Об этом говорит стоящая у порога «индустрия 4.0.», основанная на робототехнике, «Интернете вещей» и т.п.

Интересно при этом отметить, что лавинообразное увеличение населения планеты до семи миллиардов за столетие является следствием именно массового потребительского сознания, а вовсе не культурного воспроизводства, ибо с ослаблением роли труда в структуре общественного воспроизводства ослабляется, а то и вовсе разрушается фундамент культуры – общественная нравственность как основа общежития и сотрудничества.

Не случайно, что в современном общественном и научном сознании, воспитанном на идеалах гуманизма Нового времени, где человек помещался в центр понимания бытия как его высшая ценность, принцип гуманизма как вектор культурного развития всё более и более утрачивает свою непреложность, подвергается сомнению, а то и вовсе отвергается. Если сюда добавить, что научно-технический прогресс сопряжён с существенным ограничением поприща человеческой деятельности (и не только в плане экологическом), открывает возможности создавать биотехнические химеры, действия которых не координируются общественной нравственностью или вовсе находятся вне её сферы, создаёт серьёзные экзистенциальные угрозы, то понятны тревоги или даже призывы остановить этот самый прогресс.

Остановить, разумеется, нельзя, тем более что наука стала необходимым, системообразующим фактором общественного бы-

тия современной цивилизации и культуры. И наиболее существенный вопрос заключается именно в понимании их структурных и функциональных соотношений, которое расходится в диапазоне от признания полной зависимости культуры от науки до исключения науки из системы культуры.

Руководитель научного центра ИНИОН РАН Л. В. Скворцов приходит к выводу, что культурная антропология открывает перед человеком возможность нахождения основной истины бытия в своей субъективности, поскольку она соединяет в себе картину мира и волю субъекта, из чего следует, что представление о сакральных и научных истинах, диктующих человеку его поведение, теряет свою силу. Только если субъект признаёт необходимость духовности и обретает способность принять лестницу восхождения духовности, он получает возможность воздействовать на смысл поведения других субъектов. Такие возможности определяются уровнем культуры и нравственности [5].

С. Д. Бодрунов [2] видит основания реконструкции общественного бытия в так называемом ноовоспроизводстве, то есть в развитии знаниеёмкого, «умного» производства. Для этого необходима интеграция производства, науки и образования в рамках единых воспроизводственных контуров, постепенное снижение роли утилитарных и симулятивных потребностей и возвышение нового класса потребностей – потребностей «человека разумного», или ноопотребностей, с соответствующими им ценностями и мотивами деятельности основных субъектов материального и духовного производства, а в целом – возвышение культуры как сферы, обеспечивающей решение ключевых цивилизационных задач нооразвития, или нового индустриального общества второго поколения.

Такие выводы вполне сопрягаются с философией культуры В. С. Библера, ценность которой состоит именно в том, что она позволяет понять развитие науки, научного мышления и научной деятельности как органических составляющих культурно-цивилизационного процесса, осмыслить историческую потребность смены способов достижения всеобщности мышления и представить наукоучение познающего Ума в нововременной традиции необходимой предпосылкой становления логики культуры как подлинно культурного мышления, оборачивающейся в деятельности созданием единого культурного пространства человечества, открывающего через всеобщность диалогичности возможность для каждого индивида вырваться из дурной бесконечности потребительства и стать субъектом культуры.

Однако углубляющиеся и обостряющиеся в начале нового века упомянутые выше противоречия социокультурного развития чреватые тем, что без коренных изменений социальной структуры современного общества объективный процесс влияния логики культуры на формирование новой цивилизации будет осуществляться в условиях нового сословного расслоения социума, где относительно небольшой контингент, имеющий доступ к получению знаний и знаниеёмкой деятельности, сможет самодетерминироваться в исторического субъекта, будучи окружён социальной функциональной потребительской массой.

Во-первых, современный уровень обязательного всеобщего образования может обеспечить разве что социально необходимый уровень грамотности населения, но не подготовленность к усвоению современного массива и содержания научного знания, сложного и дифференцированного. Да и в самом производстве научного знания веду-

щую роль играют, как показывают исследования, примерно лишь двадцать процентов от всего числа в нём занятых (что, разумеется, не означает бесполезность оставшихся восьмидесяти). Но при всём том, что наука и зависящее от него производство становятся системным условием социального развития и число занятых здесь работников значительно возрастает, оно всё же относительно невелико по отношению ко всему социальному контингенту.

Во-вторых, остаётся вопрос о том, кто управляет развитием научного знания и кто его контролирует, в чьих интересах оно используется и как обеспечить, чтобы этот интерес действительно был общесоциальным не в общем смысле, а именно и прежде всего.

В-третьих, как преодолеть или, по крайней мере, существенно ограничить (поскольку избавиться невозможно) в структуре социального поведения роль массово формируемого фрагментарного, стереотипизированного, клипового индивидуального и группового сознания, техник и технологий манипулирования им. А без этого никакое культурное мышление и процессы самодетерминации субъекта невозможны. Это вопрос о так называемой массовой культуре и её месте в ноосферном обществе. Ведь, с одной стороны, она создаётся, существует и функционирует как массовое производство и потребление иллюзий и симулякров, а с другой – как неизбежный структурный элемент цивилизационного общественного производства вообще, который отсутствует разве что в замкнутых этнических племенных культурах.

Другими словами, противоречие состоит в том, что научный и им определяемый технико-технологический прогресс является необходимым условием общественного воспроизводства, но воспроизводство са-

модельного человека перестаёт быть его центральной целью. Заметим, что все предшествующие цивилизационные сдвиги расширяли культурное пространство, делая его поприщем активности всё больших социальных контингентов, что выразилось в признании принципов демократизма высшей ценностью. При этом каждая историческая эпоха выдвигала авангардную социальную группу (класс), исполнявшую роль субъекта исторического процесса, поскольку активное и успешное достижение её интересов объективно повышало социальные возможности (трудовые, поселенческие, гражданские, политические и пр.) и других основных социальных групп.

В современном постиндустриальном, или потребительском, обществе (если можно пользоваться этими терминами) эта интенция, конечно же, не исчезла, но сильно ослабела, ушла под спуд, стала плохо различимой за сиюминутной калейдоскопической массой событий, процессов, конфликтов, которая к тому же достаточно чётко моделируется ангажированными средствами массмедиа в образы социально значимых целей. А какое место занимает в структуре этих образов нравственная ценность труда (которую М. Вебер объявлял краеугольным камнем капитализма), осуждение праздности и безделья, ценность сотрудничества и миролюбия (без чего нет христианской морали), ценность высокого профессионализма и добросовестной конкурентности (основные постулаты либерализма)? Увы, второстепенное, если не маргинальное.

Повышение уровня социального единства уступает место процессам социальной конгломератности, центростремительность которых определяется возможностями потребительской распределённости. Это условия исторической стагнации, характерным признаком которой является сохранение го-

сподствующих имущественных и политических систем.

Одним из главных механизмов такого сохранения выступает глобализация как диктат единого для всех образа мышления и понимания, способа деятельности, отношения к природе, что приводит, с одной стороны, к снижению и нивелированию многообразия культур, а с другой – к регионализации, росту значения национальных и религиозных идеологий. Однако для решения задачи, стоящей сейчас перед человечеством, такая обращённость к прошлым, консервированным формам культуры бесплодна.

Ещё одним механизмом противодействия цивилизационной стагнации, реконструкции общественного бытия может стать модернизация социально-экономических и политических институтов с тем, чтобы резко активизировать имеющиеся у данного социума (нации) резервы для сохранения своей самостоятельности и самобытности. Однако такое обновление, скорее всего, укрепит и, возможно, возвысит культуру, но не поменяет её типа, поскольку для смены типа культуры необходимо изменить в первую очередь её матрицу, по которой осуществляется процесс воспроизводства культуры, а именно – ценности.

И пока нет ответа на один из наиболее существенных вопросов о том, какая социальная группа в современном обществе может и должна стать ведущей силой предвидимого цивилизационного перехода, для чего нужно, чтобы её интересы совпадали с его объективными закономерностями и имплицитно сопрягались с коренными жизненными интересами значительных социальных контингентов. Господствующие элиты борются за имеющиеся ресурсы, так называемый средний класс в направлении своих интересов преимущественно ориен-

тируется на те же элиты. Достижение общности интересов для всех остальных групп не представляется возможным в ближайшей перспективе в силу их чрезвычайной разделённости и разобщённости. Это выражается в глубоком кризисе порождённых техногенной цивилизацией политических и гражданских институтов (политических партий, общественных организаций и движений), в деятельности которых совершенно смешалось, утратило содержание исторически сложившееся представление о правой и левой ориентации, что, собственно, и говорит о кризисе гуманистического общественного идеала, декларированного в качестве руководящего принципа современной

цивилизации. Признание личности высшей ценностью (где оно – учение о всесторонне развитой, гармонической личности будущего?) в условиях постиндустриального потребительского общества привело к культуре неограниченного индивидуализма, когда исчезает представление о социальной и нравственной норме, часть может оказаться больше целого, перестают действовать механизмы социальной самозащиты.

В открывающейся довольно неуютной и пугающей перспективе XXI века необходимо снова искать ответ на основной вопрос культуры: кто есть человек. Потребность в образе модели «нового мира» и его субъекта снова обретает свою актуальность.

Примечания

1. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры : Два философских введения в двадцать первый век. Москва : Политиздат, 1991. 412 с.
2. Бодрунов С. Д. От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. Научно-теоретический журнал. 2018. № 7. С. 109–118.
3. Дьяков А. В., Соколов А. М. Государственный суверенитет в пространстве философской рефлексии: цивилизационные стратегии и биополитика // Вопросы философии. Научно-теоретический журнал. 2018. № 11. С. 25–34.
4. Неретина С. С. Библер и «нулевое время» // Вопросы философии. Научно-теоретический журнал. 2018. № 9. С. 154–160.
5. Скворцов Л. В. Цивилизационное конструирование и самосознание человека // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Выпуск 1. Часть 2. Москва : РАН ИНИОН, 2018. С. 655.

References

1. Bibler V. S. *Ot naukouchenia – k logike kultury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek [From teaching of science to logic of culture: Two philosophical introductions to the twenty-first century]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1991. 412 p. (In Russian)
2. Bodrunov S. D. *Ot ZOO k NOO: chelovek, obshchestvo i proizvodstvo v usloviyakh novoy tekhnologicheskoy revolutsii [From ZOO to NOO: Man, Society and Production in the Conditions of a New Technological Revolution]*. *Voprosy Filosofii [Problems of Philosophy]*. 2018, no. 7, pp. 109–118. (In Russian)
3. Dyakov A. V., Sokolov A. M. *Gosudarstvennyy suverenitet v prostranstve filosofskoy refleksii: tsivilizatsionnye strategii i biopolitika [The State Sovereignty in the Realm of the Philosophical Reflexion: the Civilization Strategies and the Biopolitics]*. *Voprosy Filosofii [Problems of Philosophy]*. 2018, no. 11, pp. 25–34. (In Russian)
4. Neretina S. S. *Bibler i "nulevoe vremya" [Bibler and "Zero Time"]*. *Voprosy Filosofii [Problems of Philosophy]*. 2018, no. 9, pp. 154–160. (In Russian)
5. Skvortsov L. V. *Tsivilizatsionnoe konstruirovaniye i samosoznanie cheloveka [Civilization construction and human self-consciousness]*. *Bol'shaya Evrazia: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegodnik. Vypusk 1, chast' 2 [Greater Eurasia: development, security, cooperation. Yearbook. Issue 1, part 2]*. Moscow, Published by Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS, 2018. (In Russian)

*

П

П А Р А Д И Г М А Л Ъ Н Ы Й С Д В И Г : О Т К Л А С С И Ч Е С К О Й К У Л Ъ Т У Р Ъ « И Н Т Е Р П Р Е Т А Ц И И » К П О С Т Н Е К Л А С С И Ч Е С К О Й К У Л Ъ Т У Р Е « П О Н И М А Н И Я »

УДК 130.2

Л. Г. Пугачева

Московский государственный институт культуры

Развитие культуры XX и XXI веков тесно связано с изменением представления о том, что такое разум и каковы пределы знаний и возможного опыта. В современных науках о человеке проблемы сознания, понимания и интерпретации находятся на переднем крае актуальных исследований. Научное мышление XX–XXI веков как часть общекультурного мышления особенно открыто новому опыту, что определяет огромные возможности в расширении взгляда на сознание (процессы понимания и интерпретации) и создании новой парадигмы понимания сознания и мышления. Современные синкретические научные направления рассматривают эти проблемы в связи с языком, когнитивными процессами, физиологией, неврологией, социальной коммуникативной и инструментально-деятельностной природой человека, базовой телесностью человека как отдельного живого существа. Автор рассматривает связь телесности и процессов понимания и интерпретации с целью описания индивидуального измерения сознания, поскольку индивид, как атом жизни и сознания, стоит у истоков познания, саморазвития и жизни. Индивид, используя телесность, идентифицирует реальность на основе процесса понимания, которую потом дифференцирует интеллект при помощи процесса интерпретации, производя концептуализацию опыта.

Ключевые слова: сознание, понимание, интерпретация, новая парадигма мышления, онтология от «первого лица», психофизическая проблема (the mind-body problem), тело, телесность, индивид.

L. G. Pugacheva

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

P A R A D I G M S H I F T : F R O M T H E C L A S S I C A L C U L T U R E O F “ I N T E R P R E T A T I O N ” T O T H E P O S T - N O N - C L A S S I C A L C U L T U R E O F “ U N D E R S T A N D I N G ”

The development of the culture of the 20th and 21st centuries is closely connected with a change in the concept of what mind is and what are the limits of knowledge and possible experience. The problems of consciousness, understanding and interpretation are the forefront of current research in modern

ПУГАЧЕВА ЛЮДМИЛА ГЕННАДИЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

PUGACHEVA LYUDMILA GENNADIEVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of philosophy, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: lgpugacheva@yandex.ru

© Пугачева Л. Г., 2019

human sciences. Scientific thinking of the 20th and 21st centuries is especially open to new experience, which provides tremendous opportunities for expanding the view on the problem of consciousness (understanding and interpretation) and creating a new paradigm of understanding consciousness and intellection. Modern syncretic research directions consider these problems in connection with language, cognitive processes, physiology, neurology, social communicative and instrumental-activity of human nature, as well as with basic human bodyness as a separate living being. The author considers the relationship of bodyness and the processes of understanding and interpretation in order to determine the individual dimension of consciousness, since the individual as an atom of life and consciousness is at the source of knowledge, self-development and life. The individual uses bodyness and understanding process to identify reality, which then the intellect differentiates through the process of interpretation and thus produces conceptualization of experience.

Keywords: consciousness, understanding, interpretation, new paradigm of intellection, first-person ontology, the mind-body problem, body, bodyness, individual.

Для цитирования: Пугачева Л. Г. Парадигмальный сдвиг: от классической культуры «интерпретации» к постнеклассической культуре «понимания» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 17–24.

Современная культура в её эпистемологическом измерении характеризуется определённого рода фазовым переходом: от долгого, практически 2,5-тысячелетнего периода ориентации на Текст как основного механизма развития и передачи знания – к чему-то новому, учитывающему в качестве познавательного инструмента специфический аспект телесности индивида, связанный с мышлением. Классические корни современной культуры всегда служили и служат развитию массовых социально-культурных практик. Это значит, что в массе, на уровне социума, человек классической культуры переживает безусловный успех. Он развивается и продолжается во времени: население Земли растёт. Однако сегодня достигнут определённого рода порог такого текстоориентированного способа бытия. В структуре знания уже происходят изменения – прорисовывается новая конфигурация. А именно: индивид – не как определённая смысловая структура или концепция в рамках гуманитарных наук, а как конкретный живой человек – выходит на арену истории благодаря массовым изменениям самого способа мыслить мир.

Развитие культуры в XX и XXI веках тесно связано с изменением представления человека о том, что такое разум и каковы границы познания и возможного опыта. Новое понимание отношений между знанием, языком, вещами, смыслами и мышлением отличают открытость и высокая степень подвижности. Изобразительное искусство, танец, театр, кино, музыка, литература, философия – эти и другие формы духовного поиска в Новейшее время устремляются за пределы обыденного переживания и описания мира, чьи границы в большой степени остаются определёнными в рамках классической идеи разума и соответствующей логики, заложенных ещё эпохой Просвещения.

Возникает исторически новая ситуация – современный образованный человек, «среднестатистический» интеллектуал, заинтересованный (как и во все времена) в поддержании культуры, оказывается жителем двух миров: в достаточной мере предсказуемого мира обыденности и фантастического, непредсказуемого мира современной высокотехнологической и с возрастающей скоростью меняющейся культуры. Не-

вольно восприятие современного человека начинает работать как многофокусная оптика, соединяющая в соответствии с принципом дополнительности Н. Бора несовместимые по своей внутренней логике описания реальности.

Таким образом, не онтология (то есть не фундаментальные представления об устройстве мира, как было в «классические» времена) определяет ценности и цели человека и культуры, но спонтанно возникающие из практической жизни задачи для своего скорейшего решения заставляют формироваться новые онтологии и целые культурные миры (примером может служить растущее многообразие субкультур XXI века, в которых реализуют свои потребности современные творческие люди всех возрастов и социальных слоёв).

З. Фрейд, К.-Г. Юнг, А. Адлер, А. Коржибский, Гр. Бейтсон, Н. Винер, Н. Хомский, Ю. Кристева, Д. Джойс, Д. Хармс, С. Дали, П. Пикассо, М. Шагал, О. Хаксли, К. Кастанеда, Л. Бунюэль, Д. Линч, М. Фуко, Ф. Гваттари, Ж. Делёз, Ж. Деррида, Р. Лабан, М. Грэхем, М. Каннигем – эти и другие философы и деятели культуры подготовили почву для тектонического сдвига в культуре: от попыток построить совершенную модель реальности – к смирению жить в потоке становления, в мире, чье постоянство состоит в тотальной непредсказуемости и изменчивости. После культурных экспериментов и исследований горизонтов возможного в XX веке XXI век с его высокой технологичностью и практической направленностью, на наш взгляд, демонстрирует рост уровня рефлексии и ответственности: современный человек в повседневном мире не просто использует открывающиеся возможности, но он хочет понимать, каковы условия и куда направлено развитие – его и культуры в целом.

Чтобы ответить на вопросы, связанные с пониманием, естественно, необходимо исследовать возможности самого понимания, настроить инструмент понимания и определить пути его совершенствования.

Очевидно, чтобы говорить о понимании, нужно обозначить границы самого феномена. В данном случае к вопросу о том, что такое понимание, мы подойдем с двух сторон.

Во-первых, рассмотрим понимание как феномен в сфере языка, имеющий диалогическую (и, что то же самое в данном случае, принципиально интерпретационную), следовательно, социальную природу. Во-вторых, обратимся к связи понимания и модальностей восприятия индивида, чтобы прояснить роль телесности человека в этом процессе как того обстоятельства, благодаря которому индивид проявляется во времени и пространстве. Итак, мы коснёмся понимания в двух аспектах: социально-коммуникативном (понимаемом в духе прагматики языка как раздела семиотики (Ч. У. Моррис)) и индивидуально-телесном (когнитивном).

Начнём с социального пласта понимания – естественным образом погружённого в язык. В сложноорганизованном семиотико-семантическом пространстве культуры, философии и науки XX века благодаря усилиям интроспекции (философской рефлексии) выявляется, как никогда до этого, механизм образования реальности на основе феномена понимания. Абстрактные идеи благодаря массовому «пониманию» преодолевают свою умозрительную замкнутость и переходят по принципу положительной обратной связи в социально-культурные практики.

Живой пример – психологические идеи XX века, развивавшиеся в рамках экзистенциально-феноменологической культур-

ной парадигмы. Широко известны случаи массового изменения поведения и состояния людей в соответствии с новомодными на какой-то момент теориями: истерия по З. Фрейду и расстройство множественной личности – популярная культурная идея 50–90-х годов XX века, в XXI веке становится отчасти даже культурной нормой. В современном культурном пространстве имеют место многочисленные флэш- и смартмобы, когда запущенная кем-то мысль благодаря информационным сетям начинает работать как аттрактор, вокруг которого самоорганизуется социально-культурный процесс. Вспомним, например, массовый флэш-моб, занесённый в книгу рекордов Гиннеса. Он состоялся 8 сентября 2009 года в Чикаго на шоу Опры Уинфри с музыкальной группой “Black Eyed Peas”, исполнявшей песню “I Gotta Feeling”¹. Если пытаться описать смысл флэш-моба, который сегодня каждый может увидеть в Интернете, то это, конечно, радость, любовь, свобода, подлинное единство – проявления истинной природы человека в самом чистом и первоначальном смысле слова. Именно личностное, индивидуальное понимание и свободное решение участвовать – именно оно, а не команда сверху – создаёт культурно-социальную практику флэш-моба. При всей своей кажущейся простоте подобные практики требуют от индивида философского осознания своей позиции в мире, выходящего за рамки конфликта индивидуальных интересов в область универсальной онтологии, которая, в свою очередь, выходит за рамки дискурса (уровня речи), за рамки индивидуальных или групповых интерпретаций, которые всегда будут сохранять различия, но не за рамки понимания-переживания ин-

дивидом своей причастности к ней (уровень онтологии).

В данном случае при разнице интерпретаций (ответов на вопрос, почему я принимаю участие в данном флэш-мобе) участники обладают единым и объединяющим их пониманием – принятием данной ситуации, что выражается в совместном действии. В этом смысле подобные социально-культурные практики современности самим своим существованием выходят за рамки позиции П. Рикёра, когда именно конфликт объявляется основой и интерпретации, и понимания: «только в конфликте соперничающих друг с другом герменевтик мы оказываемся способными выявлять те или иные грани интерпретированного бытия: унифицированная онтология так же недоступна нашему методу, как и онтология обособленная» [3, с. 52].

Современность, уставшая от практик, основанных на конфликте, изобретает способ преодоления его (а не ухода или избегания): для этого человек должен перейти на уровень глубоко личного понимания, осознания реальности. На этом уровне обнаруживается чистая внутренняя свобода человека, его метафизическая независимость от внешних рамок и границ (источников конфликта), и, как следствие этого, радость, единство, любовь становятся естественным выражением состояния человека. Ещё одним хорошим примером самоорганизации на основе понимания и свободы выбора может служить неконфликтное по своей сути движение (возможно, даже субкультура) «митьков», последователей художника Дмитрия Шагина, с их программным лозунгом «Митьки никого не хотят победить».

Таким образом, благодаря феномену понимания как личностного и свободного акта индивидуальности умозрительные идеи, приходящие с социального (речевого)

¹ См.: <https://www.youtube.com/watch?v=rMywl7XrVqU>

уровня, выходят в область личной (индивидуальной) философии и практики – в потоке самоорганизации бытия, свободно осознаваемого вовлечённым в него индивидом. Индивид в качестве онтологического уровня, обладающего социальной по своей природе способностью «речи», становится центром особого – знаково-символического – вида проявленности, фундированной вне-речевым, но не внеразумным личностным феноменом понимания.

Но сам «эмпирический» индивид остаётся жителем двух миров: семиотического мира и телесного мира. Он обитает на границе речи, у самой поверхности текста, состоящей из ячеек как классических, так и постнеклассических (фрактально-, ризома-, номадоподобных) методологий и социальных практик (мир семиотики), сквозь которые уникальное событие бытия проваливается в иную реальность (мир телесного), где описания молчат, но именно там разворачивается феномен понимания. Там же, в области молчания, присутствует смысл во всей своей полноте, поскольку присутствует само «воплощённое бытие» – индивид (как «тело-объект», которое должно умереть в соответствии с родовым «надо» [4, с. 499], и как «тело-субъект» (умение быть субъектом вменения [4, с. 504] – П. Рикёр)). Но о теле и телесности как индивидуальном измерении человека и как оно связано с пониманием поговорим немного ниже.

Надо заметить, что индивид в его истории взаимоотношений с глубокой реальностью не впервые оказывается «наедине» со смыслом – вне поддержки социума через инструмент текста (неоплатонизм, апофатическое богословие, исихазм, суфизм, дзогчен (буддизм), даосизм и т.д.). Но впервые в современности эта ситуация имеет такое масштабное – парадигмальное – выражение. Новизна ситуации в том, что индивид

впервые входит в неё необратимо осознанно, на уровне общекультурной нормы.

Это выражается, во-первых, в масштабном кризисе прежних экзистенциальных убежищ индивида – многообразных идеологий, порождений осевого времени культуры (по К. Ясперсу): политических, религиозных, художественных. И во-вторых – в масштабном же развитии всевозможных культурных форм, опирающихся на индивидуальность человека, например в области искусства, когда личность становится частью или даже самим произведением искусства (всевозможные перформансы и хеппенинги). В более широком контексте данное явление известно как массовый индивидуализм современного человека, когда «я», «индивидуальное», «личность» и «собственная точка зрения» становятся едва ли не ведущей ценностью.

Другими словами, эту ситуацию можно охарактеризовать как первый массовый, общекультурный – со времён установления классической культуры Текста с большой буквы – кризис Концептуального и попытку Живого остаться живым. В том смысле живым, если под «жизнью» понимать свободу индивида, как её атома, изменяться и спонтанно расти, перерастая любые рамки. Б. Гройс в книге «В потоке» [2] описывает современное искусство как торжество акционизма, когда произведение искусства не объект и не предмет, а процесс, который инициирован потребностью конкретных индивидов выразить себя, сыграть роль живых – в качестве деятелей-производителей искусства. Очевидно, что это невозможно вне феномена понимания как личностного действия каждого участника процесса творчества.

П. Рикёр рассматривает понимание как отправной пункт взаимоотношений человека и мира, изначально обнаруживаемых

в поле осознания. Интерпретация у него включает два полюса: понимание и объяснение, причём только второй методологичен. Первый же свидетельствует о «нашей принадлежности бытию, оно предшествует субъект-объектному отношению» и, по сути, стимулирует объяснение (И. С. Вдовина) [3, с. 28] и, тем самым, проявленное, воплощённое, феноменальное существование мира.

Чтобы состояться, мир, как пространство интеракций между живыми участниками процесса (субъектами вменения, по П. Рикёру), требует объяснения – так же, как язык требует перевода. По сути, это одна и та же проблема в онтологической и герменевтической развёртке. Но при всей очевидной важности интерпретации понимание остаётся её необходимой базой, которая принадлежит живому – телесному индивиду.

Чем же является понимание во внутреннем измерении сознания индивида как телесного существа? В рамках системы, выстраиваемой в данной работе, с опорой на сопряжённые оппозиции «социальное – индивидуальное» и «речь – тело», логичным будет представить тело как среду, в которой проявляется феномен понимания индивида, или инструмент, с помощью которого понимание, имеющее, в отличие от интерпретации, индивидуальную природу, осуществляется. Понимание, таким образом, не принадлежит полностью как смысловому полю «социального – индивидуального», так и другому смысловому полю – «речевому – телесному», хотя обеспечивает и то, и другое. Понимание является феноменом сферы разума, принадлежит области сознания, которая не может быть сведена ни к знаковым, ни к телесным, ни к коммуникативным явлениям, но служит областью чистой открытости, пустым пространством,

из которого появляются и куда уходят любые явления и процессы, культурные формы. Построить онтологию понимания не представляется возможным, но в свете сказанного выше, логично предположить, что понимание является спонтанным самообнаруживаемым присутствием в ситуации, на основе которого развиваются культурные смыслы и любые их интерпретации. Вероятно, данная позиция в определённой степени соответствует идеям Р. Декарта, Э. Гуссерля, Ж.-П. Сартра; Ч. Трунгпы Ринпоче, Й. Мингьюра Ринпоче, Н. Норбу Ринпоче (буддистская традиция). Но это тема другой статьи.

В завершение темы проясним немного подробнее, что же понимается здесь под «телом» и «телесностью». Речь идёт не о той телесности, которую можно увидеть глазами или пощупать (тело-объект в мире форм в измерении пространства), а о той, которая существует исключительно для индивида в его онтологии первого лица: телесности как осознаваемом потоке ощущений (тело как форма, переживаемая изнутри, в потоке субъективного времени – через боль, удовольствие, безразличие, ясность понимания и т.д.).

Теперь определим, что такое понимание само по себе, в отличие от его отношения к некоему содержанию. Этот вопрос и ответ на него сродни гуссерлевскому или сартровскому вопросу о сознании. В этом смысле очевидно, что понимание не означает никакого конкретного образа или ощущения, но является качеством акта осознания чего-либо вне зависимости от содержания. В терминах буддистской философии в этом случае, имея в виду понимание, принято говорить о переживании ясности. В логике западной психологии (в частности, нейролингвистического программирования [1]) речь идёт о переживании состоя-

ния внутренней конгруэнтности, противоположного замешательству (неконгруэнтности). Конгруэнтное состояние – оно же состояние понимания – делает человека (в данном случае психолога-специалиста по работе с людьми) свободным, открытым для информации и способным на любые действия, необходимые в контексте происходящего. Другими словами, понимание – не являясь ни ощущением, ни конкретным смыслом, ни состоянием, но условием всего этого – освобождает. Оно выводит человека из зависимого состояния в независимое. Разумеется, внутренне независимое. Очевидно, что понимание – это единственное явление в сфере сознания, которое не проходит. Невозможно перестать понимать что-либо, если ты это уже понял однажды. Таким образом, понимание может служить критерием развития человека. Но это тоже тема отдельной работы.

В заключение необходимо сказать несколько слов о специфике современного научного мышления. Она такова, что позволяет рассматривать по большому счёту практически любые модели реальности и модели сознания, модели понимания – вне идеологической цензуры.

В современной культуре достигнуто состояние, когда европейская (и, возможно, даже глобальная) идея толерантности, при всей её политической сложности и практической неоднозначности, приносит неожиданные плоды в сфере науки. Система науки (в той части, которая занимается проблемой сознания – а это целый комплекс человекообразных концепций и прилегающих к ним технологий) находится сегодня в неравновесном состоянии накануне и даже уже в момент проявления ключевых параметров новой парадигмы. Современная общекультурная ситуация плодотворна и полезна научному мышлению и должна быть

им использована для прорыва в области исследования сознания и феномена понимания и распространения полученных результатов за пределы науки – в открытый мир культуры, повседневного знания и практической жизни. В самом общем виде процесс, который сейчас наблюдается в культуре, можно охарактеризовать (и это уже делается в течение ряда лет) как парадигмальный сдвиг.

Классическая культура, основанная на единстве интерпретации священного текста (от текста Библии до произведений Маркса и любой другой идеологии), постепенно дрейфует к опоре на единое понимание при многообразии интерпретаций происходящего каждым человеком индивидуально, чему способствует высокая технологизация коммуникативного пространства. Она обеспечивает публичность понимания и его самоорганизацию вокруг определённых смысловых доминант. Единство понимания обеспечивает совместную деятельность, а разница интерпретаций позволяет сохранить её свободное саморазвитие.

Очевидно, что это крайне непростая ситуация, поскольку культура переживает парадигмальный сдвиг: от внешнего контроля, обеспечиваемого единством интерпретации (например, этические нормы как своего рода интерпретация божественных заповедей), она переходит к внутреннему контролю каждым участником взаимодействия своего поведения на основе общего понимания. Примером второго может служить понимание необходимости сохранения добрососедских отношений между странами и народами без чётких правил, как это делать в конкретных культурно-исторических обстоятельствах. Проблема заключается в том, что общее понимание достигается участниками процесса изнутри и в одиночку, его нельзя обеспечить извне. И только когда

все участники уже «там» – оно становится единым.

И также очевидно, что гарантом успеха в постнеклассическом мире, где каждый имеет право на собственную точку зрения (собственную интерпретацию), может выступать уровень развития каждого человека, степень его внутренней зрелости и человечности, которая достигается благодаря глубоко-

кому пониманию ценности окружающих его людей и мира в целом. Понимание как необратимое состояние человека (в отличие от эмоций или поворотов интерпретационной деятельности интеллекта) служит и мерой развития человека, и его абсолютной внутренней опорой, поскольку, один раз поняв что-то, человек не может вернуться назад и перестать видеть то, что ему открылось.

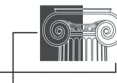
Примечания

1. Бэндлер Р. Используйте свой мозг для изменения / под ред. К. Андреас, С. Андреаса ; пер. [с англ.] Л. Миникеса, Г. Сгонник. Воронеж : МОДЭК, 1998. 224 с.
2. Гройс Б. Е. В потоке / пер. А. Фоменко. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. 206 с.
3. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. : И. И. Блауберг, И. С. Вдовина, О. И. Мачульская, Г. М. Тавризян. Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
4. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / перевод И. С. Вдовиной. Москва : Канон-пресс, Кучково поле, 2002. 272 с.

References

1. Bandler R. [Bandler Richard] *Ispol'zuyte svoj mozg dlya izmeneniya [Use your brain to change]*. Edited by K. Andreas, S. Andreas. Translation [from English] by L. Mimkes, G. Sgonnik. Voronezh, Publishing house "MODEK", 1998. 224 p. (In Russian)
2. Groys B. E. *V potoke [In current]*. Translation by A. Fomenko. Moscow, Ad Marginem Press, 2018. 206 p. (In Russian)
3. Riker P. [Ricoeur Paul] *Pamyat', istoriya, zabvenie [Memory, history, oblivion]*. Translation by I. I. Blauberg, I. S. Vdovina, O. I. Machulskaya, G. M. Tavrizyan. Moscow, Humanities Publishing, 2004. 728 p. (In Russian)
4. Riker P. [Ricoeur Paul] *Konflikt interpretatsiy: ocherki o germenevtike [Conflict of interpretation: essays on hermeneutics]*. Translation by I. S. Vdovina. Moscow, Publishing House "Kanon Press", Publishing house "Kuchkovo Pole", 2002. 272 p. (In Russian)

*

М

ИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ

УДК 130.2:248.2

Е. В. Золотухина-Аболина

Южный федеральный университет

Статья посвящена особенностям передачи впечатлений мистического опыта людьми современной культуры. Автор подчёркивает, что в традиционных религиозных культурах был выработан целый арсенал средств, ритуалов и символов, позволяющих понимать и прочитывать впечатления о мистическом опыте. Однако современная культура, во-первых, растеряла этот ценный багаж, а во-вторых, лишилась религиозной оптики рассмотрения изменённых состояний сознания, она смешивает западные и восточные термины и практики, отсюда возникает потребность говорить о мистическом опыте на ином языке. В статье показано, что рассказ, описывающий мистическое переживание, подчиняется тем же правилам, что и обычный рассказ, при этом в современной культуре вместо отсылки к символам и ритуалам доминируют аналогии, соединение обыденной речи с философскими категориями и описания переживаемых эмоций и состояний. Это в особенности относится к переживанию Ничто.

Ключевые слова: мистический опыт, современный западный мистик, точка зрения, миры опыта, повествование, Единое-Ничто, просветление, тёмная ночь души, переживания, эмоции, экзальтированные чувства.

E. V. Zolotukhina-Abolina

Southern Federal University (SFedU), The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Bolshaya Sadovaya str., 105/42, 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation

THE MYSTICAL EXPERIENCE OF MODERN PERSON: WAYS TO DESCRIBE

The article is devoted to the peculiarities of conveying the impressions of mystical experience by people of modern culture. The author emphasizes that traditional religious cultures have developed an Arsenal of tools, rituals and symbols that allow to understand and read the impressions of the mystical experience. However, modern culture, firstly, has lost this valuable baggage, and, secondly, has lost the religious optics of considering altered States of consciousness, it mixes Western and Eastern terms and practices, hence the need to talk about mystical experience in another language. The article shows

ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА ЕЛЕНА ВСЕВОЛОДОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета

ZOLOTUKHINA-ABOLINA ELENA VSEVOLODOVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of history of philosophy, the Institute of philosophy and Social and Political Studies, the Southern Federal University (SFedU)

e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru
© Золотухина-Аболина Е. В., 2019

that the story describing the mystical experience is subject to the same rules as the usual story, while in modern culture, instead of referring to symbols and rituals, analogies, the connection of everyday speech with philosophical categories and descriptions of the emotions and States experienced dominate. This is especially true of experiencing Nothing.

Keywords: mystical experience, modern Western mystic, point of view, worlds of experience, narration, the One-Nothing, enlightenment, dark night of the soul, experiences, emotions, exalted feelings.

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е. В. Мистический опыт человека современной культуры: способы описания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 25–36.

Постановка проблемы

Задача статьи, предлагаемой вниманию читателя, состоит в рассмотрении того, как именно современные культуры, пережившие мистический опыт и неизбежно толкующие его, склонны излагать свои необычные впечатления. Традиционным и в чём-то неоспоримым является представление о том, что мистический опыт невыразим и остаётся по преимуществу достоянием самого мистика, глубин его внутреннего мира. Нетривиальные, уникальные переживания, далёкие от обыденности, не могут быть адекватно представлены другим людям, оттого удел мистика – молчание и невразумительное мычание, в лучшем случае – поэтические метафоры, загадочные рисунки и нечленораздельные восклицания. Классик философии религии У. Джемс пишет в работе «Многообразие религиозного опыта»: «Самый лучший критерий для распознавания мистических состояний сознания – невозможность со стороны пережившего их найти слова для их описания, вернее сказать, отсутствие слов, способных в полной мере выразить сущность этого рода переживаний; чтобы знать их, нужно испытать их на личном непосредственном опыте и пережить по чужим сообщениям их нельзя» [6, с. 303]. Современный исследователь Т. Лифинцева, размышляя о переживании шуни (пустоты) в буддийской мысли,

также отмечает: «эта реальность невыразима, несемiotична, неописываема и недвойственна ... а следовательно, и невербализуема в языке с его грамматическими и понятийными формами, приспособленными лишь к описанию одних иллюзорных ментальных конструкторов и проекций» [7 с. 18]. Подчёркивая невозможность передать суть мистического опыта через ментальную «трансляцию», умственное освоение, известный американский эзотерик Кен Уилбер акцентирует важность прямого переживания – пути непосредственной трансформации сознания, да и всего человека. И всё-таки во все времена, а сегодня как никогда активно, люди, обладающие мистическим опытом, желают поведать о нём современникам и потомкам, тем, кто не имеет в своём багаже подобных могучих впечатлений.

Описание мистического опыта человеком современной западной культуры, несомненно, отличается от стремления говорить о нём тех людей, которые принадлежат другому времени и другим культурам. Мистики прошлого, как на Востоке, так и на Западе, это узкий круг лиц, необходимо приверженных конкретной вере, определённой конфессии, посвящённых в круг символов своей религии, нередко это монахи и священнослужители, адресующие свои речи единоверцам. Перед ними не прости-

ралась широкая аудитория с невнятными мировоззренческими убеждениями, как это обстоит сегодня. Вероятно, поэтому человек XX и XXI века избирает иные способы повествования, нежели обращение к бытующим в культуре «шифрам» (К. Ясперс), догматическим символам (К.-Г. Юнг), самопонятным аллегориям, которые были характерны для прошлого. Разумеется, в описании мистического опыта вчера и сегодня остаётся много общего, сохраняется «сквозная линия» мистико-поэтического дискурса, но очевидно, что С. Гроф, не принадлежащий конкретной конфессии, или К. Уилбер, создавший «интегральный подход к развитию человека», не могут изъяснять свои впечатления в тех же формах, как это было характерно для традиционной культуры. Заимствование западным человеком восточных медитативных практик также обязывает его разъяснять их ступени не путём апелляции к традиции, в которой они выросли, а по-другому.

Но что такое мистический опыт? *Мистический опыт* в нашем понимании – это опыт изменённых состояний сознания, предполагающий разотождествление с физическим телом, а в ряде случаев – с индивидуальным эго, опыт выхода за пределы наличных социальных условий и условностей, а также за пределы обыденных пространственно-временных характеристик. При подобном к нему подходе мы можем говорить о его иерархическом строении, где есть «высшие этажи» – переживание слияния с духовным первоначалом мира, и «промежуточные этажи» – разного рода «путешествия» по миру форм и эмоционально-ценностные интерпретации эмпирической реальности.

Мистический опыт может быть выражен в таких культурных формах, как сим-

волы, рисунок, пение, танец, пантомима, но наиболее адекватной формой всё же выступает нарратив, особенности которого мы и хотим рассмотреть. Ближе к теме посвящена вышедшая в 2014 году обширная монография Т. В. Малевич «Теории мистического опыта: историография и перспективы» [8], однако мы выбираем для рассмотрения собственный ракурс.

Как «творяются миры опыта» в повествовании?

Рассказ о мистическом опыте – это *рассказ*, который подчиняется всем законам нарративного жанра, включая подробные описания переживаемых состояний. Нередко авторы сознательно вписывают повествование о своём мистическом опыте в контекст своей более широкой жизненной истории, усиливая тем самым момент нарративности (работы Р. Монро, К. Уилбера, Л. Рампы, Дж. Лилли и других). Узнать о тех «мирах опыта» (У. Джемс), которые посетил мистик, мы можем только из его повествования. При этом, перефразируя слова Н. Гудмена, можно сказать, что сам описываемый мир мистического опыта *буквально состоит из способов его описания*, ибо, как считает Н. Гудмен, «сам разговор налагает структуру, концептуализирует, приписывает свойства ... Мы можем иметь слова без мира, но никакого мира без слов или других символов» [5, с. 123].

Развивая свою мысль о специфике презентации любых переживаемых реалий через того или иного рода текст, Н. Гудмен выделяет несколько сформировавшихся в культуре приёмов, практически всегда присутствующих при превращении впечатлений в рассказ («создающих миры»). Во-первых, это *композиция* и *декомпозиция*, которые включают идентификацию предметов

как «тех же» или «не тех же», их пересечение, интерпретацию, релевантность опыту других или её отсутствие. Во-вторых, *нагрузка*, под которой понимается акцентировка определённых элементов описываемого мира, яркое выделение определённых приёмов, создающих описание (акцент на высказывании и представлении либо на показе и иллюстрировании), различные акцентировки могут помещать предметы в разные категориальные схемы. В-третьих, *упорядочение, удаление и дополнение*. Н. Гудмен подчёркивает, что «мы находим то, к обнаружению чего мы подготовлены (то, что мы ищем, или то, что бросает серьёзный вызов нашим ожиданиям) и склонны игнорировать то, что ни способствует, ни препятствует нашему поиску...» [5, с. 131]. Перечисление приёмов завершается фрагментом о *деформации*, которой подвергаются впечатления при попытке передать их словесно или в иной форме (например, в рисунке). Н. Гудмен касается также проблемы истины. Он подчёркивает, что изложенная кем-либо версия реальности принимается за истинную тогда, когда она не ущемляет ничьих верований, но в то же время замечает, что даже если чьё-либо верование чрезвычайно устойчиво, оно в состоянии смириться с наличием альтернативных позиций. Таким образом, мы видим, что «построение» определённого мира опыта в знаково-символических (да и образных) системах предполагает *внутреннюю переработку прямых переживаний*, а иначе опыт не может быть передан.

Близкие идеи можно найти в книге В. Шмида «Нарратология» [13], посвящённой созданию художественных текстов. Описывая создание нарративного текста, автор говорит о том, что создатель повествования прежде всего производит отбор

элементов, который призван создать смысловую линию текста. При этом ряд моментов с необходимостью остаются в стороне, оставляя место тому, что значимо для замысла. Отбор элементов формирует перцептивную, пространственную, временную, идеологическую и языковую точки зрения, с которых ведётся повествование. В описании происходит «растяжение» и «сжатие» времени, образуются многочисленные лакуны и неопределённые места. Время изложения может фундаментально расходиться со временем событий: оно растягивается за счёт описания деталей мира или переживания, но может и сокращаться, когда в повествовании пропускаются не только часы или дни, но годы и десятилетия (прошло двадцать лет, и вот...). Могут быть пропущены не только вторичные детали, но даже психологическая мотивация, что постоянно и происходит при создании текстов, например приключенческого жанра, где персонажи много действуют, но мало переживают и рефлексиируют. При построении нарратива совершается линейзация, при которой одновременные события излагаются последовательно, причём параллельно происходящие эпизоды соединяются фразой «а в это время...». Другими словами, повествуемый мир является миром впечатлений, пропущенных через несколько решёток, облекается в особые формы построения текста, рассказывается с конкретных точек зрения, выступает результатом целенаправленного, хотя и не всегда понятного самому автору отбора сцен и эпизодов, принимает форму образов и метафор. В случаях, о которых говорят Н. Гудмен и В. Шмид, это прежде всего повседневный мир, обычный, разделяемый опыт, обстановка – эмпирическая. Но дело в том, что мистический опыт разных уровней тоже не может быть донесён уст-

ной и письменной речью по-другому. Он в большей или меньшей степени предполагает все перечисленные приёмы, только «излагаемый материал» вовсе не похож на впечатления обыденного опыта, и это создаёт ряд трудностей, уже упомянутых выше.

Рассмотрим коротко те способы, какими в первую очередь современные западные мистики, а также в какой-то мере и аналитики мистицизма, опирающиеся на свидетельства разных эпох, стремятся донести до «не мистиков» взгляд на мистический опыт. Заметим, что порой им это неплохо удаётся, и «несказуемое» оказывается сказано, причём за пределами догматики и сложной культурной символики.

Путь ищущего:

что оказывается в центре внимания?

Собственно, к чему стремится мистик? В разных культурах цель мистического поиска задаётся по-разному. В традиционном европейском варианте мы можем сказать, что он стремится к Богу и последующему спасению души, в вариантах брахманизма и буддизма – это задача личного освобождения через растворение в Брахмане или в Пустоте-шуньяте, в суфизме – это личное общение с Богом и познание Его. При этом высшие состояния, переживаемые мистиками, нередко квалифицируются как встреча с Единым-Ничто. Далее мы воспользуемся в нашем тексте этим достаточно абстрактным, но неизбежным определением, тем более что в речи современных ищущих оно часто повторяется, будучи освобождено от тех символических и догматических одежд, которыми оно окутано в рамках любого конкретного верования. Необходимо сразу же отметить, что в современном западном дискурсе Единое-Ничто получает также имя Абсолюта, Первоначала, Бытия (ко-

торое тождественно Небытию, например, у М. Хайдеггера) и даже Космического или Мирового сознания, порой – Чистого сознания, а вот слово «Бог» встречается редко.

Путь мистика, взыскующего высших состояний соединения с Единым-Ничто, пролегает как минимум через две территории: медитативную и молитвенную. Соответственно, описания этих путей различны, и этапы описываемого пути оставляют за пределами описания диаметрально разные моменты внешнего и внутреннего мира.

Увлечение медитативными практиками Востока заставляет западных ищущих, нередко принимающих индийские имена, повествовать о духовном пути в такой лексике и с такими разъяснениями, которые делают движение внутрь сознания доступным для понимания среднего читателя и не вызывают у него отторжения. Так, траектория буддийской медитации подробно описана современным автором Д. Голменом в работе «Многообразие медитативного опыта» [3]. Эта траектория представлена как постепенный спуск «вглубь себя» по ступеням, каждая из которых оказывается всё большим отказом не только от внешнего мира, но и от образов, эмоций и вообще от любых различий, что, впрочем, не освобождает автора до конца от традиционной терминологии. «Таким образом, – пишет Д. Голмен, – седьмая дхиана – это растворение в “ничто” или в пустоте. Ум медитирующего при этом берёт в качестве объекта своего сознания отсутствие каких-либо объектов ... Затем он переключает своё внимание на аспект умиротворенности и уходит от восприятия пустоты» [3, с. 41]. Так, шаг за шагом удаляются возможные объекты внимания. Для западного интеллектуала, знакомого с работами Э. Гуссерля, эта тропа может представиться знакомой и без термина «дхьяна».

Существенное различие состоит в том, что буддиста должно сопровождать переживание непостоянства и болезненности мира вкупе с чувством пустотности Я и отсутствия души. Это в конечном счёте должно привести к нирване – «запредельной реальности», о которой можно только апофатически сказать, что она «не то, не то и не то...» Думается, само выражение «запредельная реальность» пришло в текст Д. Голмена из западного лексикона, потому что слово «нирвана» мало что говорит западным светским людям. Переживание нирваны впоследствии вызывает «полную смерть эго» и угасание желаний, поэтому «точка зрения», с которой смотрел на процесс медитации ищущий, как бы тоже растворяется, лишая того, кто побывал в нирване, обычных человеческих интересов и желаний.

Прямо противоположным по пафосу, направленности и лексике является описание молитвенного пути, присущего западному мистицизму, и «пути любви», характерному для классической бхакти-йоги и описанному Свами Вивеканандой. Современные западные авторы, среди которых практически нет сегодня пылких верующих христиан, по большей части апеллируют в своём описании мистических экстазов к материалу прошлого (хотя бы к тому же Рудольфу Отто, а чаще – к католическим святым), описание же пути бхакта оставляют индийцам.

Воспроизводимый сегодня по источникам «мир западного мистика» – это «вечный голод по Несотворённому Свету» (Рейсбрук), это обращение к Богу как Божественному Другу, Возлюбленному. Здесь в центре изложения – стремление, которое делает излишними все предметы и характеристики внешнего мира. Х. Ортега-и-Гассет, опираясь на тексты католических святых,

сравнивает отношение мистика к Богу с отношением влюблённого к возлюбленной: «Мистическое состояние и впрямь напоминает влюблённость ... Ступая на мистический путь, мы изгоняем из нашего внутреннего мира множество объектов, позволявших вниманию свободно перемещаться с одного из них на другой» [9, с. 386–387]. Молитвенный поиск – страстное стремление, где всё остальное может получить смысл только в свете искомого, отсюда страстная напряжённость рассказа, далёкая от любого «угасания»: «Как же искать мне тебя, Господи? Когда я ищу тебя, Боже мой, я ищу счастливой жизни. Буду искать тебя, чтобы жила душа моя! Душа моя живит тело, а душу мою живишь Ты. Как же искать мне счастливую жизнь?» [1, с. 255]. Таким образом, рассказ о поиске трансцендентного является описанием двух противоположных состояний, хотя ведут они, скорее всего, к общему для обоих путей эффекту – к высшему мистическому переживанию Единого-Ничто. И если в первом случае точка зрения ищущего непрерывно шаг за шагом меняется, то второе, активное, состояние ведёт к внезапному и острому изменению партикулярной точки зрения. К её исчезновению и растворению в Первоначале.

Необходимо подчеркнуть, что на обоих путях, как молитвенном, так и медитативном, встречаются глубокие эмоциональные провалы в негативные переживания, получающие полноценное выражение в текстах мистиков. Эти «обрушения настроения» возникают как на пути к искомому высшему блаженству, так и при возвращении с духовных высот в обычную жизнь. Известны слова Шри Ауробиндо: «Йога – это битва». В христианской литературе это состояние получило название «тёмная ночь души». Тогда письменные свидетельства мистиков

становятся описанием глубокого страдания, когда Я ищущего проваливается в чувство богооставленности, одиночества. «Око, прозревающее Вечность, закрылось, – говорит Майстер Экхарт, – и на месте прежнего отрадного ощущения близости и взаимной любви открылась ужасная зияющая пустота» [2, с. 379].

«Мир мистического опыта» предстаёт перед нами в работах современных мистиков и исследователей мистицизма как сфера полярной эмоциональности, захваченности неконтролируемыми состояниями, которые даны субъекту прямо и непосредственно. Все культурные, символические, семиотические средства просто не упоминаются, художественно-образная форма сводится к минимуму перед лицом открытого мощного чувства.

Как описать Единое -Ничто?

Как рассказать о Едином-Ничто? Казалось бы, можно лишь повторить апофатическое «не то и не то» или лишь назвать особое переживаемое состояние этим загадочным словом. Третий возможный вариант – привести житейские примеры, составляющие отдалённую аналогию переживания Ничто. Так поступает Майстер Экхарт в работе «Об отрешённости»: «И вот, когда отрешённое сердце покоится на высшем, оно пребывает в ничто, ибо здесь есть полная восприимчивость ... Если я хочу писать на восковой доске, то не может быть ничего столь благого, начертанного на доске, что не помешало бы мне, – вплоть до совершенной невозможности написать. Коль скоро я желаю писать, я должен стереть и уничтожить всё, что есть на доске. Доска подходит мне для письма только тогда, когда на ней ничего нет. Точно так же если Бог хочет наивысшим образом писать в моём сердце,

то из сердца подобает выйти всему, что может именоваться этим и тем, – как и бывает в отрешённом сердце» [14, с. 217].

Однако рассказ Иоганна Экхарта – лишь наглядная аналогия, в немалой степени обращённая к здравому рассудку, поскольку в этом пояснении остаются доступные для эмпирической точки зрения понятия доски, сердца и письма. Современные авторы пытаются передать ощущение высшего мистического подъёма без прямых аналогий с обыденностью. Следуя путём определённой «игры с сознанием», экспериментирования, применения чужой традиции в рамках своей культуры, современный западный мистик идёт по пути фиксации и регистрации переживаний и ощущений, однако не апеллирует к какой-либо конкретной символике или догматике. Это вынуждает его соединять фигуры повседневной речи с философско-теологическим понятийным аппаратом, ибо иначе он останется «без языка». Поскольку опыт Единого-Ничто нельзя описать через рассказ об «окрестностях происходящего», а ни событий, ни субъекта как бы не существует, в ход идут *как эмпирические характеристики, данные в модусе отрицания (не то, не это...), так и философские категории*. При рассказе о высших формах мистического опыта фигурируют, кроме слова «Ничто», также выражения «Пустота», «Бездна». Слово «бездна» (*Ungrund, Abgrund*) характерно для западных мистических классиков Майстера Экхарта и Якоба Бёме, а в современных описаниях оно нередко соединяется по смыслу с «Пустотой-шуньятой», заимствованной из буддизма. Что касается термина «Единое», то он восходит к Плотину.

«Когда мы сталкиваемся с Пустотой, – пишет С. Гроф, – мы ощущаем её как изначальную пустотность космического масштаба.

Мы становимся чистым сознанием. Воспринимающим это абсолютное ничто, но в то же время испытываем парадоксальное ощущение его сущностной наполненности, насыщенности. Этот космический вакуум являет собой абсолютную полноту, ибо в нём, кажется, присутствует всё. Он ничего не содержит в конкретной явленной форме, но словно бы заключает в себе всё бытие в его потенциальной форме...» [4, с. 37–38]. В предъявленном пассаже присутствует достаточно богатый категориальный аппарат, присущий философии, а само описание построено на парадоксальном впечатлении «пустоты-полноты», понятий, затрагивающих обычный опыт, но усиленных грандиозностью их масштабов. Примечательно применение термина «вакуум», который в духе исканий современной физики понимается как «изнанка мира вещей».

Другой путь для передачи высшего мистического переживания избирает Кен Уилбер, описывающий его через акцент на теме *свободы*, понятия, весьма характерного для западного менталитета и высоко ценимого: «... вы вырываетесь из плена эго, так как оно едва существует в тонком и вовсе не существует в каузальной пустоте ... Вы перестаёте отождествляться с эго и отождествляетесь с чистым бесформенным сознанием как таковым, в котором нет ни цвета, ни пространства, времени, формы – только чистая ясная пустота» [10, с. 68]. Ему вторит Дэвид Хокинс, который к переживанию свободы, известного нам по обыденной жизни, добавляет не менее знакомое каждому *чувство радости* и указывает на его причины: «То, что тело когда-то считалось “Я”, кажется абсурдом, ошибкой, вызванной забывчивостью. Как будто человек забыл, кто он такой на самом деле, а теперь радостно вспомнил. Все страхи и преврат-

ности жизни исчезают, и теперь, *освободившись даже от жизни* (выделено нами. – Е. З.-А.), он помнит, что всегда был и всегда будет и что выживание никогда не было проблемой» [12, с. 80].

Стоит заметить, что в современной литературе, посвящённой изменённым состояниям сознания, особо отмечается, что главный образ, связанный с «предметной пустотой», это *течение, сияние, свечения* [11, с. 39–41], *свет, просвет*, а также *открытость*, но нередко на первый план выходят именно чувства – высшая степень поистине райского блаженства. Об этом можно подробно прочитать в книге Эвелин Андерхилл «Мистицизм» [2], где собраны многие свидетельства «небесных восторгов» мистиков прошлого, пребывающих в высших состояниях. Однако в любом случае человек переживает вместе с восторгом и блаженством также отрешённость и умиротворённость. Радость идёт в сплаве с созерцательностью, ясностью, безмятежностью, с тем, что по-немецки звучит как *Gelassenheit*, а по-французски как *sérenité* и о чём и сегодня вдохновенно пишут немецкие и французские авторы [см.: 15; 16].

Описание пребывания в Пустоте, пусть даже живой и полной потенциальности, тем не менее не единственное изложение высшего опыта. Современные авторы подчёркивают, что пустота – это ещё не всё. Книга К. Уилбера называется «Один вкус», и речь в ней идёт о состоянии органичного соединения целостности и партикулярности. В этом состоянии в сознание мистика *возвращаются все вещи мира* и мистик «глядит глазами всех вещей», что прекрасно описано в рассказе Х.-Л. Борхеса «Алеф» и в «Этюдах о любви» Х. Ортеги-и-Гассета. Но, что называется, «из первых рук» об этом свидетельствует сам Кен Уилбер: «Вы просто *являе-*

тесь всем, что возникает от момента к моменту. Вы не видите небо – вы и есть небо. Вы не касаетесь земли – вы земля. Вы не слышите шум дождя – вы и есть дождь. Вы и вселенная представляете собой то, что мистики называют “Одним Вкусом” [10, с. 68]. Это описание, данное К. Уилбером, принципиально несимволично, а метафора, которую оно содержит, обращена к чувству вкуса, менее всего связанному со знаковым выражением.

Как утверждает К. Уилбер, это высшее состояние *таковости, тождества*, где пустота равна форме, а форма – пустоте, можно постичь без всяких ухищрений в гуще обыденной жизни. Собственно, в этом переживании есть нечто простое и детское. Д. Хокинс же, в свою очередь, подчёркивает, что в подобном случае мир как бы оказывается «внутри субъекта». Таким образом, утраченные в описании вещи становятся на свои места, а точка зрения наблюдателя и повествователя в очередной раз претерпевает трансформацию: сначала от обычного партикулярного *Я* произошёл переход к отождествлению с Пустотой-потенциальностью, а затем *Я* наблюдателя («вечного свидетеля» в терминологии современных мистиков) рассыпалось на бесконечное множество позиций, оставаясь тем не менее тем же ощущающим себя *Я* и сохраняя единство со всем.

Возвращение вещей в чём-то радостно для современного западного человека, который не нацелен на «Бога» как такового и всегда испытывает некий дискомфорт перед состоянием деперсонализации. Описание «Одного Вкуса» – это рассказ об «ощущении Бытия», когда есть только одна Самость, смотрящая множеством глаз. «Быть ничем» превращается в «быть всем» (забавное совпадение с известным утвердени-

ем «Интернационала»: «кто был ничем, тот станет всем»). Очень важно, что это «всё» – единое «всё».

Однако и К. Уилбер, и С. Гроф, повествуя о высших состояниях, не могут не задаваться чисто человеческим вопросом о том, почему – и для человека, и для Бытия-Абсолюта – оказывается недостаточно Одного Вкуса? Почему есть мир с его приключениями, пертурбациями, перипетиями? И здесь авторы, стремящиеся передать высший опыт, неизбежно переходят от описания опыта к объяснительным версиям, как ни странно, почти одинаковым для Бога и человека. Современных западных мистиков очень волнует вопрос о закономерности и неизбежности перехода от Бога к миру, об эволюции и инволюции, потому что в силу активистского импульса западной культуры они всё равно, как нам представляется, не могут принять полностью «тишину нирваны» и «отрешённость Пустоты».

О человеке К. Уилбер пишет: «Ах, но мы, люди, не хотим просто Духа, нам нужно ещё и волнение. Мы не хотим простого Ощущения Бытия, мы хотим ощущать ... *нечто*. Нечто *особое* ... И потому вместо того, чтобы быть миром, мы хотим быть кем-то. То есть мы хотим мучиться от конечных ограничений, и именно это с нами ужасающим образом происходит, когда мы становимся кем-то...» [10, с. 348]. С. Гроф тоже связывает существование «смертного мира», который с позиций бессмертного Духа смертен лишь условно, со стремлением «быть кем-то», но это уже стремление не человека, а Абсолютного: «В бесконечных циклах творения, сохранения и разрушения Абсолютное Сознание преодолевает чувство однообразия и запредельной тоски. Временное отрицание и утрата его изначального состояния чередуются с эпи-

зодами нового обнаружения и возрождения. Периоды агонии, муки и отчаяния сменяются эпизодами блаженства и экстатического восторга ... Для такого понимания космического процесса необходимо допустить, что Вселенский Разум сознательно переживает все аспекты творения – как наблюдаемые объекты, так и субъективные состояния» [4, с. 99].

Из объяснительных конструкций современных мистиков-практиков следует высокая значимость *переживания, эмоций, чувств* вообще при характеристике как человеческой жизни, так и трансцендентного, воспринятого в личном опыте. Абсолютное, явленное индивиду как блаженство, само тем не менее *хочет* душевных приключений, его *желание* воплощается в человеческой жизни со всеми её страстями, стремится ко всей гамме сложных и богатых чувств. И мистик, жаждущий избавления от страданий, отрешаясь от того, что связано с ве-

щами и земными ограничениями, всё равно остаётся в сфере напряжённой эмоциональности, пусть даже сугубо позитивной: ясность, восторг, радость, чувство бессмертия. Переживание – тоже действие, приключение, интерес и смысл.

Краткое заключение

Тексты современных мистиков говорят нам о том, что даже если все вещи мира исчезнут, то останется единственная реальность – *реальность приключений души*. Разве не ради этого Трансцендентное создаёт мир? Разве глубокие душевные состояния – восторг и блаженство, ни присутствуют даже там, где нет ни вещей, ни Я, ни Бога? Вот почему практически все стадии повествований о высшем опыте производятся прежде всего *в терминах переживания*, и лишь уровень, открывающий миры, похожие на земной, предметный, повествуется ещё и в терминах сущностей, существ и вещей.

Примечания

1. *Августин Аврелий (еп. Иппонийский)* Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского : [пер. с латин.] / изд. подгот. [и вступ. ст., с. 5–50] А. А. Столяров ; [примеч. М. Е. Сергеевко]. Москва : Ренессанс, 1991. 486 с. : ил.
2. *Андерхилл Э.* Мистицизм. Опыт исследования духовного сознания человека / [пер. с англ. под ред. И. Старых]. Москва : София, 2016. 464 с.
3. *Голмен Д.* Многообразие медитативного опыта. Киев : София, 1993. 137 с.
4. *Гроф С.* Космическая игра / пер. с англ. Ольги Цветковой. Москва : Издательство Трансперсонального Института, 1997. 256 с. (Серия «Тексты трансперсональной психологии»).
5. *Гудмен Н.* Факт, фантазия и предсказание : Способы создания миров ; Статьи / пер. с англ. [Т. А. Дмитриев и др.]. Москва : ЛогоΣ и др., 2001. 376 с. : ил.
6. *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта : [пер. с англ.]. [Репринт. изд.]. Санкт-Петербург : Андреев и сыновья, 1992. 418 с. (Серия эзотерической литературы «Свет на пути»)
7. *Лифинцева Т. П.* Онтологические основания негативности в буддизме Махаяны и учении Нагарджуны // Онтология негативности : [сборник научных трудов] / Высшая школа экономики – Национальный исследовательский университет ; [отв. ред. Е. Г. Драгалина-Черная]. Москва : Канон+, 2015. С. 5–24.
8. *Малевич Т. В.* Теории мистического опыта: историография и перспективы / Российская академия наук, Институт философии. Москва : ИФ РАН, 2014. 175 с.
9. *Ортега-и-Гассет Х.* Этюды о любви / перевод В. Е. Багно // Эстетика. Философия культуры. Москва : Искусство 1991. С. 350–432.
10. *Уилбер К.* Один вкус : Дневники Кена Уилбера / пер. с англ. А. Киселева. Москва : АСТ и др. 2004. 427 с.

11. Хант Г. Т. О природе сознания : С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения / пер. с англ. А. Киселева. Москва : АСТ и др. 2004. 555 с.
12. Хокинс Д. Глаз «Я», от которого ничего не скрыто. О природе сознания / [пер. с англ. О. П. Бурмаковой]. Санкт-Петербург : Весь, 2010. 342 с. (Путь Духа).
13. Шмид В. Нарратология. 2-е, испр. и доп. изд. Москва : Языки славянской культуры, 2008. 302 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
14. Экхарт И. Об отрешённости. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001. 432 с.
15. Haas A. M. *Mystik als Aussage – Erfahrungs-, Denk- und Redeformen christlicher Mystik. Suhrkampf.* Frankfurt am Main, Leipzig, Verlag der Weltreligionen, 2007. 615 s. (In German)
16. Cattin E. *Sérénité: Eckhart, Schelling, Heidegger.* Paris, Librairie philosophique J. Vrin, 2012. 255 p. (In French)

References

1. Stolyarov A. A., comp. Avgustin Avreliy, episkop Ipponiysky [Augustine Aurelius, bp. of Hippo] *Ispoved' Blazhennogo Avgustina, episkopa Gipponskogo [The Confessions (of St. Augustine)]*. Moscow, 1991. 486 p. (In Russian)
2. Underhill Evelyn. *Mysticism. A study in the nature and development of man's spiritual consciousness*, 1912. (In Rus. ed.: Anderkhill E. *Mistitsizm. Opyt issledovaniya dukhovnogo soznaniya cheloveka [Mysticism. A Study in the nature and development of man's spiritual consciousness]*. Moscow, Publishing house "Sophia", 2016. 464 p.)
3. Golmen D. [Goleman D.] *Mnogoobrazie meditativnogo opyta [The varieties of the meditative experience]*. Kiev, Publishing house "Sophia", 1993. 137 p. (In Russian)
4. Grof S. [Grof Stanislav] *Kosmicheskaya igra. Perevod Olgi Tsvetkovoy [The cosmic game. Translation by Olga Tsvetkova]*. Moscow, Publishing House of the Transpersonal Institute, 1997. 256 p. (In Russian)
5. Gudmen N. [Goodman Nelson] *Fakt, fantaziya i predskazanie: Sposoby sozdaniya mirov; Stat'I [Fact, fantasy and prediction: Ways to create worlds; Articles]*. Moscow, Publishing house "LogoΣ" fn d etc., 2001. 376 p. (In Russian)
6. William James *The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature Being the Gifford Lectures on Natural Religion Delivered at Edinburgh in 1901–1902* (In Rus. ed.: Dzheyms V. *Mnogoobrazie religioznogo opyta [The Varieties of Religious Experience]*. St Petersburg, Publisher Andreev and sons, 1992. 418 p.)
7. Lifintseva T. P. *Ontologicheskie osnovaniya negativnosti v buddizme Makhayany i uchenii Nagardzhuny [Ontological foundations of negativity in Mahayana Buddhism and the teachings of Nagarjuna]*. In: Dragalina-Chernaya E. G., ed. *Ontologiya negativnosti. Sbornik nauchnykh trudov [The ontology of negativity. A collection of scientific papers]*. Moscow, Publishing house "Kanonplus" 2015. Pp. 5–24. (In Russian)
8. Malevich T. V. *Teorii misticheskogo opyta: istoriografiya i perspektivy [Theories of mystical experience: historiography and prospects]*. Moscow, Publishing house of Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2014. 175 p. (In Russian)
9. Ortega-i-Gasset Kh. [Ortega y Gasset José] *Etyudy o lyubvi. Perevod V. E. Bagno [Etudes about love. Translation by V. E. Bagno]*. In: Ortega-i-Gasset Kh. [Ortega y Gasset José] *Eстетика. Filosofiya kul'tury [Aesthetics. Culture philosophy]*. Moscow, Art Publishing House, 1991. Pp. 350–432. (In Russian)
10. Wilber Ken *One taste. The Journals of Ken Wilber*, 1999. (In Rus. ed.: Uilber K. *Odin vkus: Dnevnik Kena Uilbera. Perevod A. Kiseleva [One Taste: Ken Wilber Diaries. Translation by A. Kiselev]*. Moscow, Ast Press Publishing House, etc., 2004. 427 p.
11. Hunt Harry T. *On the nature of consciousness: cognitive, phenomenological, and transpersonal perspectives*. New Haven, Yale University Press, 1995. [In Rus. ed.: Khant G. T. *O prirode soznaniya: s kognitivnoy, fenomenologicheskoy i transpersonal'noy toчек zreniya. Perevod A. Kiseleva [On the nature of consciousness: from the cognitive, phenomenological and transpersonal points of view. Translation by A. Kiselev]*. Moscow, Ast Press Publishing House, etc., 2004. 555 p.)

12. Khokins D [Hawkins David R.] *Glaz "Ya", ot kotorogo nichego ne skryto. O prirode soznaniya. Perevod O. P. Burmakovoy [The eye of "I", from which nothing is hidden. On the nature of consciousness. Translation by O. P. Burmakova].* St. Petersburg, Ves Publishing, 2010. 342 p. (In Russian)
13. Schmid V. [Schmid Wolf] *Narratologiya [Narratology].* 2nd edition. Moscow, LRC Publishing House, 2008. 302 p. (In Russian)
14. Ekkhart I. [Eckhart Johannes] *Ob otreshennosti [On Detachment].* Moscow, St. Petersburg, University Book Publishing House, 2001. 432 p. (In Russian)
15. Haas A. M. *Mystik als Aussage – Erfahrungs-, Denk- und Redeformen christlicher Mystik. Suhrkampf.* Frankfurt am Main, Leipzig, Verlag der Weltreligionen, 2007. 615 s. (In German)
16. Cattin E. *Sérénité: Eckhart, Schelling, Heidegger.* Paris, Librairie philosophique J. Vrin, 2012. 255 p. (In French)

*

НАКАЗАНИЕ КАК ФИЛОСОФСКИЙ КОНЦЕПТ. ПРОБЛЕМА УСКОЛЬЗАЮЩИХ КОНТЕКСТОВ

УДК 130.2:123

С. Н. Борисов^{1 2}, А. С. Горяинова²

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет

²Белгородский государственный институт искусств и культуры

В статье даётся общая характеристика наказания как философского концепта, который изначально предполагает свою диалектическую противоположность – преступление. Показана взаимосвязь концепта наказания с проблемой насилия, свободы, справедливости, раскрыта неоднозначность вопроса о карающем субъекте, пределах и мере наказания в разных социокультурных обстоятельствах. Выделяются группы социокультурных контекстов, которые связаны с проблемой наказания. Среди них исторический, политико-воспитательный, религиозно-экзистенциальный, биополитический. Отмечается, что в основе проблемы наказания лежит неразрешимое противоречие между сохранением и уничтожением человеческой жизни. В статье рассмотрена трансформация концепта наказания в русской культуре, где до Октябрьской революции 1917 года был глубоко осмыслен религиозно-экзистенциальный аспект проблемы, а в советский период в философии и лагерной прозе продолжалась проработка политической, воспитательной и экзистенциально-психологической сторон проблемы наказания.

Ключевые слова: наказание, преступление, власть, государство, религия, этика, биополитика, философский концепт, социокультурный контекст.

¹БОРИСОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры

BORISOV SERGEI NIKOLAEVICH – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Theology, the Belgorod State National Research University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science History, the Faculty of Music Art, the Belgorod State Institute of Art and Culture

²ГОРЯИНОВА АНГЕЛИНА СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры философии, культурологии, науковедения факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры

GORYAINOVA ANGELINA SERGEEVNA – graduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science History, the Faculty of Music Art, the Belgorod State Institute of Art and Culture

e-mail: snborisov31@gmail.com¹, fin@bgiik.ru²

© Борисов С. Н., Горяинова А. С., 2019

S. N. Borisov^{1 2}, A. S. Goryainova²

¹Belgorod State National Research University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Pobedy st., 85, 308015, Belgorod, Belgorod Region, Russian Federation

²Belgorod State Institute of Arts and Culture, Koroleva str., 7, 308033, Belgorod, Belgorod region, Russian Federation

PUNISHMENT AS A PHILOSOPHICAL CONCEPT. THE PROBLEM OF ESCAPING CONTEXTS

The article represents a general description of a punishment as a philosophical concept, which initially implies its dialectical opposite – a crime. The interrelation of the punishment concept with the problem of violence, freedom, justice is shown. The irregularity of the issue of the punishing subject, of the extent and degree of punishment in different socio-cultural circumstances is revealed. There are social and cultural contexts associated with the problem of punishment. The historical, political, educational, religious, existential, biopolitical contexts are the most significant among them. The core problem of the punishment issue is the insoluble contradiction between the preservation and destruction of human life. The article considers the transformation of the concept of punishment in Russian culture, where before the revolution of 1917 the religious-existential aspect of the problem was deeply understood, and in the Soviet period, where the political, educational and existential-psychological aspects of the problem of punishment and camp prose were considered by philosophers.

Keywords: punishment, crime, power, state, religion, ethics, biopolitics, philosophical concept, social and cultural context.

Для цитирования: Борисов С. Н., Горяинова А. С. Наказание как философский концепт. Проблема ускользающих контекстов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 37–44.

Проблема наказания всегда была не только практической, но и теоретической проблемой, а рефлексия наказания как феномена культуры создавала традицию осмысления наказания как философского концепта, который изначально предполагает свою диалектическую противоположность – преступление. И большей частью цель иницилируемых размышлений заключается в попытке обнаружить адекватный способ и меру наказания применительно к человеку как к субъекту. Наказание как философский концепт предполагает отношение к преступнику не только как к активному и даже агрессивному началу, но как субъекту духовно-нравственного выбора, чем и должна в конечном счёте определяться мера наказания.

В истории культуры отношение к наказанию определялось конкретно-историче-

скими обстоятельствами. От эпохи к эпохе отношение к тому или иному наказанию могло быть полярным: от предпочтения наиболее жёсткого вида кары, возложения миссии карать на богов – до поиска наиболее гуманных способов воздействия на преступника, поисков возможностей предотвратить преступление и обойтись минимальным наказанием. Современная «гуманная» цивилизация уже не мыслит нормальной ситуацию насильственного лишения жизни человека, но и найти другие возможности решить проблему преступности и наказания пока не может. Сложность философско-культурологической рефлексии состоит, таким образом, в том, что она, всё более проблематизируя наказание как физическое воздействие, изначально устанавливает неоднозначный статус наказания, начиная с парадигмальной, но так и не ос-

мысленной в полной мере казни Сократа. Задача актуального философского исследования состоит в обозначении некоторого круга проблем и аспектов, с которыми связан философский концепт наказания сегодня, а также в выявлении тех контекстов, которые могут быть перспективны для его дальнейшего осмысления.

Сегодня дискуссия вокруг проблемы наказания выстраивается по ряду направлений, наиболее влиятельное из которых связано с более фундаментальными феноменами насилия и власти. В этом контексте наказание есть не что иное, как применение насилия, санкционированное некой легитимной властью. Неразрывно связанная с проблемой легитимности власти и насилия, в первую очередь со стороны государства, эта линия осмысления проблемы наказания продолжает быть актуальной. Речь идёт прежде всего о мере насилия государства по отношению к индивиду. Философский концепт наказания в этом контексте неотделим от представлений о гуманизме. Соответственно, история гуманизма, его теории и практики, актуализирует тему неполной изоляции преступников от общества, неполного поражение их прав.

Гуманное отношение к личности преступника (до определённой степени, которую устанавливает само общество) влечёт за собой попытку избежать причинения ему лишних страданий, и поэтому начинается постепенный пересмотр способов наказания. Проблема выбора наказания и его пределов есть вторая линия контекстов, которая порождается невозможностью гарантии того, что преступник не вернётся к своей криминальной деятельности вновь. Именно это обстоятельство в первую очередь рождает ощущение бессилия общества перед криминалом, впечатление того, что наказания неправильны или неэффективны,

а следовательно, утрачивают изначальный смысл. Экзистенциально и генетически эта линия восходит к феномену мести и протекает из первой проблемы и обозначенной нами контекстуальной линии. Более того, она бросает тень или подрывает первоначальные смыслы, ставя под сомнение легитимность власти, дебатировав его бездеятельность, равно как и деятельность.

Третья линия актуализации проблемы наказания также связана с предыдущими и продолжает их через привлечение ряда других концептов, разработанных, в частности, применительно к проблеме наказания в работах М. Фуко. Его произведения «Надзирать и наказывать», «Управление собой и другими», «Биополитика» не только выявляют подоплёку эволюции наказаний. Фуко настаивает на том, что современное общество постепенно переходит от контроля тела к контролю сознания и при этом под судом оказываются страсти, инстинкты, аномалии, физические недостатки, непригодность, последствия воздействия среды или наследственность. Он вычленяет четыре типа обществ по типу «избавления» от живых людей: общества бойни и ритуальных убийств, общества ссылки, общества реабилитации, общества заключения [8, с. 10]. Работы Фуко являются если не отправной точкой этой линии осмысления наказания, то уж точно некой «точкой сборки» смыслов и контекстов, связывающих наказание с практикой, технологией и управлением, а также с воспитанием.

Здесь стоит уточнить, что исторически наказание выступало в нескольких сменяющихся ипостасях, каждая из которых соотносилась с проблемой воспитания через категорию блага. Смысл такой связки в том, что наказывающая санкция (насилие) должна отличаться от преступления. Тогда эволюция или некие весьма условные эта-

пы понимания насилия могут представлять собой следующее: наказание как благо для жертвы преступления, благо для рода, благо для божества (в традиционных культурах); наказание преступника как благо для общества (в культуре модерна); наказание преступника как благо для государства, власти и законности (например, в тоталитарном обществе); наказание преступника как благо для истории (в переломные исторические моменты).

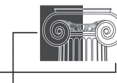
Таким образом, через категорию «благо», идею положительных результатов в виде исправления личности преступника христианское, а впоследствии и современное европейское общество оправдывает необходимость наказания, нивелирует возможное чувство вины перед преступником, фактически оставаясь на стороне жертвы, но декларируя и милосердие, адресованное осуждённому преступнику, уравнивает ситуацию нравственного выбора. Обратим внимание ещё на один аспект проблемы, который выделяет А. К. Судаков, подготовивший в «Новой философской энциклопедии» статью о наказании. Он следующим образом характеризует позицию государства как субъекта осуществления наказания: «Отношение власти к преступнику оказывается тогда возможно вывести за рамки моральной оценки, представив как отношение к человеку, лишившему себя своим преступным деянием статуса полноценного члена общества; законопослушный же гражданин должен укрепиться на примере наказания преступника в своём умонастроении справедливости, поэтому наказание должно быть публичным» [3, с. 11].

Однако сегодня связь наказания и блага не столь очевидна. Преобладающие «технологические» моменты в осмыслении наказания вытесняют этот контекст, как и этиче-

ское, экзистенциальное измерение проблемы в целом. Наказание перестаёт быть глубоко человеческим феноменом, становясь всё более технологическим. Объектом наказания становится не человек, а жизнь, «биос», как его понимает Дж. Агамбен [1]. Для отечественной традиции осмысления наказания такое смещение фокуса рефлексии означает весьма серьёзную трансформацию (возможно, даже более серьёзную, чем для западной традиции). В России, пережившей так много потрясений в XX веке, философская рефлексия наказаний была многократно усилена, причём не только по отношению к отечественным историческим реалиям, но к проблеме наказания в целом. Захватывалась не только тема наказания, но и образы преступника, заключённого, каторжанина, описывалось самое дно общества, о чём пойдёт речь далее.

Одним из первых исследователей, коснувшихся темы наказания в России, наверное, можно назвать О. Горегляда, опубликовавшего в 1815 году (один из самых ранних из найденных нами источников) труд «Опыт начертания российского уголовного права. О преступлениях и наказаниях вообще». В этой работе есть главы, посвящённые и телесным наказаниям, и ссылке и её последствиям, казённым работам, конфискации и т.д.

Большой вклад в осмысление данной проблематики до Октябрьской революции 1917 года внесли русские историки. И здесь нужно выделить работы М. Ступина «История телесных наказаний в России от судебников до настоящего времени» (1887), В. В. Есипова «Преступление и наказание в древнем праве» (1903), Н. Н. Евреинова «История телесных наказаний в России» (1913), П. Кропоткина «Тюрьмы, ссылка и каторга в России» (1906).

Теоретической стороной проблемы занимались представители классической философской мысли, например, Е. Н. Трубецкой «История философии права» (1899).

Интересовались проблемой наказания в нарождающейся социологии. Речь идёт о работе П. А. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (1914), в которой автор ищет причины увеличения количества и степени жестокости наказаний. Это происходит, как показывает учёный, в ситуациях, когда в группе людей обнаруживается антагонистическая гетерогенность, когда происходит дифференциация группы на две и более части, а убеждения людей не совпадают друг с другом. Но и после победы той или иной стороны, по мнению П. А. Сорокина, уровень санкций со стороны победивших в такой ситуации продолжает оставаться высоким и даже идёт вверх [7].

Отдельно нужно выделить интерес литераторов к данной теме, представленный произведениями А. П. Чехова («Остров Сахалин»), Ф. М. Достоевского («Записки из мёртвого дома»), Л. Н. Толстого («Воскресение»). Здесь, как и в осмыслении других экзистенциальных проблем, русские писатели порой опережают философов, для которых существовали серьёзные цензурные запреты в условиях монархического режима. Именно в русской литературной классике присутствует философская рефлексия проблемы наказания, когда тема насилия со стороны преступника и по отношению к нему самому обнаруживает свою связь с проблемами нравственности, экзистенциального переживания, религиозных исканий.

Несмотря на радикальные социально-политические трансформации, указанные выше гуманистические традиции в осмыс-

лении проблемы наказания продолжились в советской исторической науке и философии. При этом в первые десятилетия после Гражданской войны многие жертвы преследований царской России были многократно упомянуты в публичных источниках и фактически возведены в героический статус [2; 4]. Само наказание представляло здесь необходимый этап мученичества на пути к всеобщей (практически мировой) справедливости и благоденствию. Гуманистические традиции русской культуры сочетаются в этот период с классовым подходом к истории и современности. С классовой точки зрения обращались к изучению вопросов о крестьянских бунтах, крупных народных восстаниях, деятельности декабристов, первых революционеров, литераторов, оглядываясь далеко назад. В качестве примера достаточно привести тот факт, что с 1921 года по 1935 год выходил историко-революционный журнал «Каторга и ссылка», издание которого организовало Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В свет вышло порядка 116 выпусков. В журнале был представлен интересный, даже уникальный материал, а среди авторов можно было найти известных деятелей (например, А. М. Коллонтай) [5]. Само Всесоюзное общество было организовано в том числе с подачи Ф. Э. Дзержинского, в его состав входили известные личности (такие, например, как В. Н. Фигнер).

Изучение революционных событий в России, истории царской тюрьмы и ссылки проводилось в эти годы сквозь призму человеческих судеб и биографий, что вносило в изыскания более героический и в то же время гуманистический смысл. Последний был важен в контексте не только анализа прошлого, но также настоящего и будущего, поскольку наказание нуждалось в обосновании уже советской властной систе-

мы. В концептуальном плане в этот период проблема наказания утрачивает религиозно-нравственный смысл, как это было в романах «Преступление и наказание» Достоевского и «Воскресение» Толстого. На первый план выходят не просто светские моменты, связанные с идеями свободы, справедливости, воспитания личности, но именно политические и классовые аспекты проблемы. Причём классовый аспект или, если взять шире, политический аспект наказания по большому счёту также является одним из утраченных сегодня контекстов.

Интересно, что в советский период экзистенциальный контекст обсуждения проблемы наказания окончательно вытесняется из пространства философского дискурса в область художественной литературы. У целого ряда советских поэтов и писателей, в своё время переживших опыт заключения, существует своя интерпретация наказания. В произведениях В. Шаламова наказание связано с жёсткой установкой на выживание, а само оно предстаёт как бессмысленное, жестокое и ненужное. Наказание ведёт к радикальной трансформации человека, заключающейся в потере им всего человеческого. В. Шаламов выделяет два пути изъятия человеческого, во-первых, посредством физического насилия, а также через принятие языка преступной среды: «Молодой крестьянин, попавший в заключение, видит, что в этом аду только урки живут сравнительно хорошо ... Ему начинает казаться, что правда лагерной жизни – у блатарей, что, только подражая им в своём поведении, он встанет на путь реального спасения своей жизни. Есть, оказывается, люди, которые могут жить и на самом дне. И крестьянин начинает подражать блатарям в своём поведении, в своих поступках. Он поддакивает каждому слову блатарей, готов выполнить все их поручения, говорит о них со страхом

и благоговением. Он спешит украсить свою речь блатными словечками – без этих блатных словечек не остался ни один человек мужского или женского пола, заключённый или вольный, побывавший на Колыме. Слова эти – отравы, яд, влезающий в душу человека, и именно с овладения блатным диалектом и начинается сближение фраера с блатным миром» [9, с. 165–167]. В творчестве В. Шаламова представлена этико-отрицающая модель интерпретации наказания. В другом произведении автор воспринимает наказание как дополнительную возможность совершенствования человека, появляются практически педагогические смыслы: «Там были прекрасные условия для обдумывания жизни, и я благодарю Бутырскую тюрьму за то, что в поисках нужной формулы моей жизни я очутился один в тюремной камере» [10].

Во многом схожее понимание наказания, сдвигающегося в экзистенциально-психологическую плоскость, мы находим в творчестве А. И. Солженицына, где жизнь «на зоне» раскрывается как череда мелких забот, обстоятельств, радостей, случайностей. Автор пишет: «Здесь, ребята, закон – тайга. Но люди и здесь живут. В лагере вот кто подышает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать» [6]. Наказание расслаивается на мир «маленьких» предметов, сама лагерная среда выступает как незлобная, неопасная, создающая спокойствие и обычные привычки (что рождает в читателе подозрение в обратном), некоторую пассивность, но не сытую, а наоборот, рождённую голодным бессилием, усталостью. Эта минимальная энергия заключённых, способная лишь немного поддерживать жизнь, как будто заставляет их оперировать «маленькими» предметами, глубоко не рефлексировав над какими-то глобальными философскими вопросами.

Круг мыслей отбывающего наказание – это ближайшие заботы, такие как рассчитать еду на несколько дней, добыть побольше пищи. В этой рутине теряется человек, возможность его полноценной жизни, остаётся лишь место для «голой жизни», физического выживания. Человек – смертное существо, ему надо питаться и постоянно задумывать над тем, где добыть ещё немного жизненной энергии – в больнице, в лишней порции баланды.

Именно в произведениях А. И. Солженицына обнаруживает себя экзистенциальная линия интерпретации наказания в советской литературе и культуре как глубокого опыта выживания и перенесения страданий, а также попытки сохранения человека как человека, а не просто как некоего «живого», простой жизни или «голой жизни». Наказание сужается здесь до непосредственной угрозы человеческому и не только посредством физического насилия, уничтожения, но также насилия символического, что увидел В. Шаламов в усвоении криминального языка.

Таким образом, в осмыслении проблемы наказания нельзя фиксировать однопольной общей эволюции смыслов наказания и присущих им контекстов. Но нель-

зя и сказать, что в отношении концепта наказания работает только логика вычитания, когда контексты утрачиваются и ничего не возникает взамен. Проблематика наказания в культуре оказывается одним из центров, который стягивает смыслы и организует поля контекстов, которые исторически меняются. Эта проблема имеет академический ракурс, но её содержание в качестве философского концепта обогащается за счёт экзистенциальных смыслов, выявляемых художественным образом, религиозной практикой, воспитательным действием.

На смену религиозно-экзистенциальным смыслам в XX веке приходят политико-воспитательные, а в наши дни, скорее, биополитические, как понимал их М. Фуко, или постполитические, связанные с управлением и контролем над жизнью. Сутью проблемы наказания в современной постполитической реальности можно считать приоритет сохранения человеческой жизни через её уничтожение или ограничение, отсроченную смерть в качестве полумеры. Здесь находится центр осмысления этой проблемы в современной культуре, где она вписывается в актуальные контексты, предполагающие своеобразную экономику смерти и её отсрочки за вычетом человека, оставляя в качестве объекта саму жизнь как таковую.

Примечания

1. Агамбен Дж. Homo Sacer. Чрезвычайное положение : пер. с итал. Москва : Европа, 2011. 148 с.
2. Лебедев Д. Л. Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Всемирная история» : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/obshchestvo_byvshikh_politichieskikh_katorzhan_i_ssylnoposielientsiev
3. Новая философская энциклопедия : в 4 томах / научно.-ред. совет: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов ; Институт философии РАН. 2-е изд., испр. и допол. Москва : Мысль, 2010. Том 3. 692 с.
4. Папков С. А. Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Сибири (1924–1935 гг.) // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.). / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 94–107. URL: <http://zaimka.ru/papkov-exiles/>
5. Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Москва : Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. 686 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/157#page/1/mode/grid/zoom/1>

6. Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича [Электронный ресурс] // Православная художественная литература : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <https://azbyka.ru/fiction/odin-den-ivana-denisovicha/>
7. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда : социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали : К 110-й годовщине со дня рождения / подгот. В. В. Сапов. Санкт-Петербург : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. 446 с. (Серия «Русская социология XX века» / Русский христианский гуманитарный институт)
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / пер. с фр. И. Окуневой под общей ред. Б. М. Скуратова. Москва : Праксис, 2005. 320 с.
9. Шаламов В. Т. Колымские рассказы. Москва : Эксмо, 2008. 687 с.
10. Шаламов В. Т. Вишера. Антироман // Собрание сочинений : в 4 томах / сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. Москва : Художественная литература, Вагриус, 1998. Том 4. URL: http://www.belousenko.com/books/Shalamov/shalamov_vishera.htm

References

1. Agamben Giorgio *Homo Sacer. Stato di esazione*. Torino, Bollati Boringhieri editore s.r.l., 2003. (In Rus. ed.: Agamben Dzh. *Homo Sacer. Chrezvychaynoe polozhenie [Homo Sacer. State of emergency]*. Moscow, Publishing house “Europe”, 2011. 148 p.) (In Russian)
2. Lebedev D. L. *Obshchestvo byvshikh politicheskikh katorzhan i ssyl'noposelentsev* [Society of former political convicts and deportees]. Available at: https://w.histrf.ru/articles/article/show/obshchestvo_byvshikh_politicheskikh_katorzhan_i_ssyl'noposelentsev (In Russian)
3. Stepin V. S., Guseynov A. A., Semigin G. Yu., Ogurtzov A. P., eds. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4 tomakh, tom 3 [New philosophical encyclopedia. In 4 vol., vol. 3]*. 2nd edition. Moscow, Mysl Publishers, 2010. 692 p. (In Russian)
4. Papkov S. A. *Obshchestvo byvshikh politkatorzhan i ssyl'noposelentsev v Sibiri (1924–1935 gg.) [Society of former political prisoners and exiled settlers in Siberia (1924–1935)]*. Available at: <http://zaimka.ru/papkov-exiles/> (In Russian)
5. *Politicheskaya katorga i ssylka: Biograficheskiy spravochnik chlenov obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev [Political hard labor and link: Biographical directory of members of the society of political prisoners and exiled settlers]*. Moscow, Published by All-Union society of political convicts and exiled settlers, 1929. 686 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/157#page/1/mode/grid/zoom/1> (In Russian)
6. Solzhenitsyn A. I. *Odin den' Ivana Denisovicha [One day of Ivan Denisovich]*. Available at: <https://azbyka.ru/fiction/odin-den-ivana-denisovicha/> (In Russian)
7. Sorokin P. A. *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali. K 110-yu godovshchine so dnya rozhdeniya. Podgotovil V. V. Sapov [Crime and punishment, feat and reward: a sociological study of the main forms of social behavior and morality: By the 110th anniversary of the birth. Comp. V. V. Sapov]*. St. Petersburg, Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1999. 446 p. (In Russian)
8. Фуко М. [Foucault Paul-Michel] *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2. Перевод И. Окуневой под ред. В. М. Скуратова [Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews. Part 2. Translation by I. Okuneva, edited by V. M. Skuratov]*. Moscow, Publishing house “Praxis”, 2005. 320 p. (In Russian)
9. Shalamov V. T. *Kolymskie rasskazy [Kolyma stories]*. Moscow, Publishing house “Eksmo”, 2008. 687 p. (In Russian)
10. Shalamov V. T. *Vishera. Antroman [Vishera. Antinovel]*. In: *Shalamov V. T. Sobranie sochineniy. V 4 tomakh, tom 4 [Collected works. In 4 vol., vol. 4]*. Moscow, Publishing house “Imaginative literature”, Publishing house “Vagrius”, 1998. Available at: http://www.belousenko.com/books/Shalamov/shalamov_vishera.htm (In Russian)

*

К

УЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА ТЕРРОРИЗМА: ПОИСКИ НОВЫХ ПОДХОДОВ

УДК 130.2:343.61

К. Н. Трубникова

Московский государственный институт культуры

В статье рассматривается проблематика изучения в гуманитарных науках терроризма как феномена, в частности анализируются особенности, современное состояние и перспективы культурологических исследований этого явления. Автором предпринята попытка критического подхода к дефиниции «терроризм» и её вариантам. На основе анализа сделан вывод, что однозначные формулировки не соответствуют требованиям времени и не отражают всю сложность и огромный спектр смыслов и оттенков, содержащихся в исследовательском пространстве культурологического подхода к проблеме террора, долгое время остававшейся «чёрно-белой». В статье акцентировано внимание на специфике дискурсивного подхода, обращающегося к неочевидным мотивам терроризма, а также его мифографии и ритуально-символическим аспектам. Итогом работы становится мысль о том, что смысловая и культурная многомерность и многозначность современного терроризма выводят его далеко за рамки собственно политической сферы и включают в качестве полноценного объекта изучения в сферу культурологических исследований.

Ключевые слова: террор, терроризм, культурологические исследования, дефиниция, символ, ритуал, текст, мифография, дискурсивный подход.

K. N. Trubnikova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

CULTURAL STUDIES OF TERRORISM: THE SEARCH FOR NEW APPROACHES

The article deals with the problems of studying terrorism as a phenomenon in the human Sciences, in particular, analyzes the features, current state and prospects of cultural studies of this phenomenon. The author has taken a critical approach to the definition of “terrorism” and its variants. Based on the analysis, it is concluded that the unambiguous formulations do not meet the requirements of the time and do not reflect the complexity and the huge range of meanings and meanings contained in the research space of the cultural approach to the problem of terror, which has long remained “black and white”. The article draws attention to the specifics of the discursive approach to the non-obvious motives

ТРУБНИКОВА КСЕНИЯ НИКОЛАЕВНА – соискатель кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

TRUBNIKOVA KSENIYA NIKOLAEVNA – graduate student of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: adamsit-ksu@mail.ru
© Трубникова К. Н., 2019

of terrorism, as well as its mythology and ritual-symbolic aspects. The result of the work is the idea that the semantic and cultural multidimensionality and significance of modern terrorism take it far beyond the actual political sphere and include it as a full-fledged object of study in the sphere of cultural and logical research.

Keywords: terror, terrorism, cultural studies, definition, symbol, ritual, text, mythography, discourse approach

Для цитирования: Трубникова К. Н. Культурологические исследования дискурса терроризма: поиски новых подходов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 45–52.

В начале XXI века, когда весь мир так или иначе пронизан и озабочен глобализационными процессами и связанными с ними проблемами, терроризм, как и сто лет назад, остаётся одним из самых серьёзных цивилизационных вызовов, хотя и изменившим в современных условиях многие свои характеристики, но не ставшим менее серьёзным и менее опасным. Напротив, мы с полной уверенностью можем говорить о том, что борьба с терроризмом на всех уровнях приобретает сегодня особое значение, затрагивая даже те сферы, которые никогда ранее специалисты не ассоциировали с проблематикой террора либо не придавали им должного значения в соответствующем аспекте.

Следует отметить (и в свете вышесказанного это вполне объяснимо), что в современных гуманитарных науках не существует общей историко-культурологической (её можно также назвать культурно-антропологической) теории терроризма: нет удовлетворительного объяснения или классификации причин и мотивов происхождения, нет анализа форм существования, только намечаются попытки разработки специального тезауруса, а следовательно, нет и глубоких прогнозов в отношении искоренения этого явления. Кроме того, если задаться целью сформулировать проблему, следует сказать и о том, что очень мало исследований, посвящённых взаимосвязям терроризма и цивилизационных процессов, терроризма и

изменений социальной сферы, терроризма и коммуникаций и т.п.

Если пристально взглянуть на разнородность подходов к проблеме и определений интересующего нас феномена в гуманитарной сфере, сразу же удивит то, сколь разнородны явления и процессы, объединённые термином «терроризм». По мнению многих ведущих экспертов в данной области, именно отсутствие согласия в том, что понимать под террором и терроризмом, и преграждает путь к созданию общей теории и истории терроризма как феномена. Исследователи достаточно давно пришли к выводу, что определений слишком много, и они зачастую противоречат друг другу, что необходимо покончить с понятием «терроризм как таковой» и говорить, скорее, о «терроризмах» [см., например: 13, р. 9], подобно тому, как уже говорится о «национализмах» вместо одного «национализма» [1]. В частности, это ещё в 80-х годах прошлого века отмечал итальянский правовед Антонио Кассезе, предложивший вариант типологии террористической деятельности (включающий четыре её разновидности), основанный на мотивах и целях [11, р. 12]. Кассезе подчёркивает, что говорит о разных «терроризмах». И хоть на сегодняшний день данную типологию можно назвать устаревшей, мы приведем её в качестве примера, прежде чем перейти к анализу определений терроризма в исторической перспективе.

1. *Терроризм, движущей силой которого является идеология. Это деятельность террористов, заявляющих о своей принадлежности к марксистской идеологии (РАФ в Западной Германии, «Красные бригады» в Италии и т.д.), исламских фундаменталистов, другие религиозные течения экстремистского толка.*

2. *Терроризм, имеющий целью достижение национальной независимости. Эту разновидность составляет террористическая деятельность, направленная на изменение статуса этнических групп внутри суверенных государств (ИРА в Северной Ирландии, баскские сепаратисты в Испании и другие).*

3. *Терроризм «во имя самоопределения народов». Это деятельность Африканского Национального Конгресса, Организации Освобождения Палестины и других национально-освободительных движений.*

4. *Терроризм вооружённых групп и движений, борющихся против репрессивных режимов.*

Обратившись за примерами дефиниций исследуемого объекта только к самым известным словарям, мы получим ряд противоречивых формулировок, которые, скорее всего, покажутся неудовлетворительными в современном контексте.

Так, В. И. Даль ещё в первой половине XIX века даёт следующее определение: «*Терроризм – устрашивание, устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства*» [2, с. 393], а в актуальной редакции толкового словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой читаем: «*Террор – 1) устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения, убийства, по отношению к политическим противникам; 2) жесткое запугивание, насилие... Терроризм – политика и практика террора*» [6, с. 796].

Кроме словарных, в настоящее время можно выделить множественные определения терроризма, данные представителями науки, сотрудниками органов борьбы с терроризмом, самими террористами, а также сочувствующими их точке зрения.

Авторитетный западный исследователь проблемы, редактор журнала «*Perspectives of terrorism*» Алекс Шмид в первом издании фундаментальной работы «*Политический терроризм: методика исследования*» на более чем ста страницах проанализировал имеющиеся в его распоряжении определения терроризма, уделив каждому не менее страницы, надеясь таким образом выделить наиболее глубокое и охватывающее все ракурсы явления. Спустя несколько лет, во второй редакции исследования Шмид писал, указывая на то, что ещё не приблизился в полной мере к цели исследования: «... поиск точного определения термина по-прежнему продолжается» [14, р. 5–6]. Как утверждает коллега Шмида – А. Гельке, к 1990-м годам понятие терроризма стало настолько растяжимым, что практически нет предела тому, что можно назвать этим словом [12, р. 1].

Например, формулировка ФБР, организации, непосредственно призванной бороться с террором, рассматривает террористический инцидент «как акт насилия или другой опасный для человеческой жизни акт, нарушающий уголовные законы Соединённых Штатов или любого другого государства и направленный на устрашение или оказание давления на правительства, гражданское население или его часть ради осуществления политических или социальных целей» [цит. по: 3, с. 9].

Если же мы предоставим слово самим сторонникам террористических действий, услышим приблизительно следующее: «... Террор есть то единственное ору-

дие, против которого у правительства нет средств для борьбы ... террор идёт впереди, как показатель накопленной народом революционной энергии, готовой прорваться наружу» [8, с. 5–6]. В Ирландии в 1882 году, когда аграрный терроризм ворвался в городскую жизнь, ошеломив обывателей громким убийством в дублинском Финикс-парке Главного секретаря по делам Ирландии лорда Ф. Кавендиша и его референта Т. Берка, один из активистов террористической организации неофениев «Непобедимые» Мак Кафферти писал: «Терроризм – это законное оружие слабых против сильных» [4, с. 78].

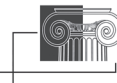
Приведённые рядом, эти формулировки наглядно говорят нам о том, что в наше время даже одна только фраза «для одного человека – террорист, а для другого – борец за свободу» отражает всю сложность и огромный спектр смыслов и оттенков, содержащихся в поле культурологического подхода к проблеме террора, долгое время остававшейся «чёрно-белой». Таким образом, какова бы ни была методологическая парадигма серьёзного гуманитарного исследования, можно констатировать, что одномерные определения уже не поддерживаются самой реальностью мира как таковой в целом и процессами новейшей истории в частности. Говоря другими словами, появилось так много исключений из правил, что стали необходимыми поиски новых правил, которые, возможно, смогут подойти ближе к объяснению того, почему и каким образом террор до сих пор остаётся неотъемлемой частью репертуара современной культурно-политической сцены. Так, например, российский социолог Э. А. Паин, долгое время руководивший центром по изучению ксенофобии и предотвращению экстремизма Института социологии РАН, предложил вообще развести понятия «тер-

рор» и «терроризм», подразумевая, соответственно, в первом случае нелегитимное государственное насилие, во втором – «разновидность политического экстремизма в его крайнем насильственном варианте», совершаемого «группой или ... отдельным индивидом» [7, с. 114].

Наш экскурс в историю определения крайне ограничен рамками статьи, тем не менее даже в этом случае становится ясно, что для понимания культурных корней и характеристик такого явления, как терроризм, важно осмысление конкретных особенностей исторического времени и социокультурного пространства: контекстов, традиций, символов, кодов, идеологий и т.п. Необходимы семантические и дискурсивные «зеркала», выявляющие те глубинные искажения хорошо знакомых и казавшихся правильными структур, которые способствуют рождению террора.

Современные исследования терроризма, базирующиеся на принципах культурологической методологии, должны осторожно относиться к проторенным тропам и клишированным бинарным оппозициям («свой – чужие», «порядок – хаос» и т.д.), на которых чаще всего выстраиваются концепции терроризма так, как они видятся с точки зрения интересов государственной безопасности (предотвращение терроризма и борьба с ним). Именно этот подход по преимуществу замещает собой научное понимание терроризма как исторически сложного социокультурного явления.

«Террор» – способ управления социумом посредством превентивного устрашения», – кратко и ёмко определяют предмет своего исследования современные культурологи М. П. Одесский и Д. М. Фельдман [5, с. 8]. Мы не склонны рассматривать это определение как отвечающее всем необходимым требованиям, но оно содержит

два важных, если не ключевых, для рефлексивной проблемы слова – «управление» и «социум». Они указывают, на *что* претендует и *чем* «питается» терроризм.

В связи с этим обратимся к авторам одной из наиболее признанных на Западе концепций терроризма. Дж. Зулайка и У. Дуглас [17], предлагая дискурсивный подход к феномену терроризма, отмечают существование табу на обсуждение социальных (в отличие от военных или политических) источников терроризма. Они объясняют это тем, что в противном случае пришлось бы признать наличие истоков и корневых систем терроризма в самих устоях и традициях современного общества, в его истории и культуре.

Дискурс терроризма, как бы ни казалось это парадоксальным, рассеян в письменной культуре, несмотря на очевидно упорядочивающую функцию письма. Любой соответствующий нарратив (скажем, об Александре Ульянове), от анекдота до параграфа учебника, – это не просто дискурс о каком-то противостоянии, битве, идеологической борьбе, героизме; это также всегда дискурс, ведущий *кого-то* в бой, будоражащий *чьи-то* эмоции, чувство справедливости, любовь и ненависть, определяющий горизонты *воспринимающего*, выстраивающий иерархию и диалектику признания *в том или ином сообществе*. Зачастую только от текста зависит, будет ли действие персонажа расценено как подвиг или как насилие. То, что в одном тексте – освободительная борьба против тирании, в другом – преступные действия против закона и порядка. Повествование способно превратить обыкновенного бандита в национального героя, избранника бога, подражающего легендарным предкам, и наоборот. Общеизвестно, что якобинцы называли террор «великолепным революционным средством», а себя –

террористами, придавая этому слову самые положительные смыслы; в устах же их противников эпитет «террорист» был равен понятиям «убийца», «преступник».

Таким образом, получается, что при дискурсивном подходе мы сталкиваемся с такими вещами, как достаточно гибкая и перманентно формирующаяся мифография терроризма и его символоориентированность.

Безусловно, границы мифографического поля терроризма довольно широки и расплывчаты: от библейских преданий и откровенной провокативной выдумки до адаптаций и трансформаций реальных событий. В рамках данной мифографии могут в любое время оказаться различные тексты, жанры, сюжеты и т.п. При этом даже неважно будут они приняты за правду или нет. Важно лишь то, что, педалируя определённые «болевы точки», они в какой-то момент сработают как триггеры, запускающие нужный механизм. Мифография встраивается сразу в тело культуры, в первую очередь эксплуатируя её историческое содержание – легенды, идеи, символы, текущие события – словом, всё то, что позволяет манифестативному действию обрести опору в слове и образе, прежде чем явить себя обществу.

Американский писатель и литературовед Кеннет Бёрк в программной работе «Грамматика мотивов» (1945) [10] писал, что любое символическое действие (а Бёрк отмечал, что *террористический акт* по своей природе всегда претендует на роль *символического действия*) представляет собой совокупность элементов так называемого драматургического пентаэдра, включающего собственно действие, сцену, действующее лицо, средства и цель действия.

В каждом действенном акте человек, согласно Бёрку, пытается контролировать всю

совокупность элементов, правда, это возможно только в идеале. В реальной же ситуации согласованность причин, элементов и действий внутри «пентаэдра» практически невозможна, поскольку подчинена ряду факторов, конфликтующих друг с другом, случайных и т.п. Понимаемый и декларируемый как символическое действие, терроризм выдвигает на первый план коммуникативную функцию, обращаясь к социуму, но при этом не рассчитывая на диалогические взаимоотношения, а опираясь на агрессивную монориторику.

Последователь Бёрка, австралийский учёный Г. Уордлоу, развивая эту идею, настаивает на том, что террор сам по себе ещё не есть терроризм. Для того чтобы он им стал, террор должен выступить как символическое действие при помощи экстремальных средств, связанных с угрозой или непосредственным применением насилия, воздействующего на политическую ситуацию: «Такие действия предназначены для создания повышенного беспокойства и / или страха у целевой группы больше, чем у непосредственных жертв, с целью принудить эту группу к выполнению своих политических требований» [16].

Приведём слова одного ирландца, ярко выразившего символическое значение терактов подобного рода. Рассказывая о неудачном покушении на британского представителя властных структур в Ирландии в 1919 году, прямым или косвенным участником которого он, видимо, был, автор текста сообщает, что намеченная жертва представляла собой «корпоративный символ британского правления в Ирландии ... не просто человек, но институт, дьявольский институт английского господства на нашей земле. Он был главной фигурой, представлявшей британскую тиранию в Ирландии, и именно поэтому мы хотели его уничтожить ... Мы

полагали также, что этим убийством привлечём внимание всего мира к ирландской несчастной судьбе, к её доблестной борьбе против мощи огромной империи, к правде о том, что, несмотря на кровавую войну в Европе за свободу малых наций, Ирландия по-прежнему остаётся пленником в паутине Британской империи» [15, р. 110].

Таким образом, согласимся с оценкой современного исследователя: «символический терроризм как одно из самых эффективных средств современной войны нацелен не на максимальное количество жертв, а на максимальный “спецэффект” (театральность) от семиотического ущерба» [9, с. 146].

Терроризм эпохи, в которой мы живём, как бы страшно это ни звучало, смотрит на мир не с позиции некой отстаиваемой умозрительной идеи, он предпочитает активное взаимодействие с живой реальностью, при этом учитывая, насколько сильно эту актуальную реальность волнуют история, мифология и ритуал. Открытые, отзывчивые и гибкие мифографические системы культуры, её дискурсы, высказывания, формы представляют собой в равной степени инструментарий как терроризма, так и борьбы с ним.

Не следует забывать и о том, что творцы современного терроризма (в отличие от большинства его исполнителей) получили столь же хорошее образование, что и его исследователи. Поэтому теоретики террористической деятельности уверенно пользуются плодами гуманитарных наук, опираясь и на принципы ролевого поведения Дж. Мида, и на концепцию «символического взаимодействия» Т. Парсонса, и на психоаналитические выкладки по поводу латентных смыслов в языке, речи, деятельности и т.п.

Резюмируя всё сказанное выше, мы приходим к выводу, что, исследуя терро-

ризм, мы должны рассматривать его не как хорошо видимый глазом объект, поддающийся всевозможным измерениям, в том числе и однозначному дефинированию, а как перманентно изменяющуюся, динамическую систему, доступную лишь в многократном преломлении зеркальных отражений. Побудительные мотивы, пусковые ме-

ханизмы, формы террора, то есть вся его семиотическая картина, объективно говорят о смысловой и культурной многозначности этого явления, выводящей его далеко за рамки сугубо политического и включающей в качестве полноценного объекта изучения в сферу культурологических исследований.

Примечания

1. Абашин С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности : [монография] / Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Санкт-Петербург : Алетейа, 2007. 302 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. Москва : Рипол классик, 2006. Том 4. 672 с.
3. Метелев С. Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности : монография. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 275 с.
4. Мирошников А. В. Ирландия и фении, 1850–1860. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1995. 214 с.
5. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования : пособие по спецкурсу / [Российский государственный гуманитарный университет, Историко-филологический факультет]. Москва : РГГУ, 1997. 202 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Институт русского языка РАН имени В. В. Виноградова. 4-е издание, дополненное. Москва : А ТЕМП, 2006. 944 с.
7. Паин Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 113–124.
8. Памятная книжка социалиста-революционера / Партия социалистов-революционеров. [Б. м. : б. и.], 1911–1914. Вып. 2. 1914. 88 с. : табл.
9. Сидоренко И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту. Минск : БГУ, 2017. 175 с.
10. Burke K. *A Grammar of motives*. Berkeley, University of California Press, 1969. 534 p. (In English). См. перевод отдельных глав: Бёрк К. Грамматика мотивов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология : реферативный журнал / Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам. Москва : ИНИОН РАН. 2006. № 2–4.
11. Cassese A. *Terrorism, Politics and Law: The Achille Lauro Affair*. Cambridge, Polity Press, 1989. (In English)
12. Guelke A. *The Age of Terrorism and the International Political System*. London, Tauris Academic Publishers, 1995. 230 p. (In English)
13. Laqueur W. *The Age of Terrorism*. Boston, Little Brown, 1987. 385 p. (In English)
14. Schmid A. P. [et al.] *Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature*. New Brunswick, N. J. Transaction Books, 1998. 700 p. (In English)
15. *Terrorism in Ireland* / ed. by Y. Alexander & A. O'Day. London, Croom Helm, 1984. 277 p. (In English)
16. Wardlaw G. *Political Terrorism: Theory, Tactics and Counter-Measures*. 2nd ed., rev. and extended. Cambridge University Press, 1989. 246 p. (In English)
17. Zulaika J., Douglass W. *Terror and Taboo: The Follies, Fables, and Faces of Terrorism*. New York, Routledge, 1996. 304 p. (In English)

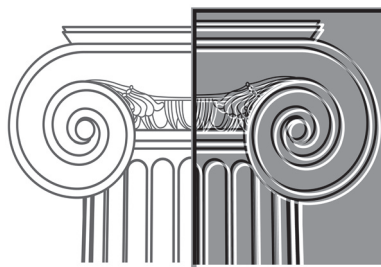
References

1. Abashin S. N. *Natsionalizmy v Sredney Azii: v poiskakh identichnosti [Nationalisms in Central Asia: In Search of Identity]*. St. Petersburg, Aletheia Publishing House, 2007. 302 p. (In Russian)

2. Dalh V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 tomakh, tom 4 [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vol., vol. 4]*. Moscow, RIPOL classic Publishing house, 2006. 672 p. (In Russian)
3. Metelev S. E. *Sovremennyy terrorizm i metody antiterroristicheskoy deyatel'nosti [Modern terrorism and methods of anti-terrorism activity]*. Moscow, Unity-Dana Publishing House, 2008. 275 p. (In Russian)
4. Miroshnikov A. V. *Irlandiya i fenii, 1850–1860 [Ireland and the Fenians, 1850–1860]*. Voronezh, Publishing house of the Voronezh University, 1995. 214 p. (In Russian)
5. Odessky M. P., Fel'dman D. M. *Poetika terrora i novaya administrativnaya mental'nost': ocherki istorii formirovaniya [The Poetics of Terror and the New Administrative Mentality: Essays on the History of Formation]*. Moscow, Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 1997. 202 p. (In Russian)
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]*. 4th edition. Moscow, Publishing House "A TEMP", 2006. 944 p. (In Russian)
7. Pain E. A. *Sotsial'naya priroda ekstremizma i terrorizma [The social nature of extremism and terrorism]. Social Sciences and Contemporary World*. 2002, no. 4, pp. 113–124. (In Russian)
8. *Pamyatnaya knizhka sotsialista-revolutsionera. Vypusk 2 [Commemorative book of a socialist revolutionary. Issue 2]*. 1914. 88 p. (In Russian)
9. Sidorenko I. N. *Filosofiya nasiliya: ot metafory k kontseptu [The philosophy of violence: from metaphor to concept]*. Minsk, Publishing house of the Belarus State University, 2017. 175 p. (In Russian)
10. Burke K. *A Grammar of motives*. Berkeley, University of California Press, 1969. 534 p. (In English)
11. Cassese A. *Terrorism, Politics and Law: The Achille Lauro Affair*. Cambridge, Polity Press, 1989. (In English)
12. Guelke A. *The Age of Terrorism and the International Political System*. London, Tauris Academic Publishers, 1995. 230 p. (In English)
13. Laqueur W. *The Age of Terrorism*. Boston, Little Brown, 1987. 385 p. (In English)
14. Schmid A. P. [et al.] *Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature*. New Brunswick, N. J. Transaction Books, 1998. 700 p. (In English)
15. *Terrorism in Ireland* / ed. by Y. Alexander & A. O'Day. London, Croom Helm, 1984. 277 p. (In English)
16. Wardlaw G. *Political Terrorism: Theory, Tactics and Counter-Measures*. 2nd ed., rev. and extended. Cambridge University Press, 1989. 246 p. (In English)
17. Zulaika J., Douglass W. *Terror and Taboo: The Follies, Fables, and Faces of Terrorism*. New York, Routledge, 1996. 304 p. (In English)

*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

*А*КСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В БЫЛИНОВЕДЕНИИ:
ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОГО ЭПОСА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА.
ЧАСТЬ 1, 1950–1960 годы

УДК 82-131(091)

А. С. Миронов

Московский государственный институт культуры

Автор продолжает цикл статей об истории ценностного анализа в былиноведении и рассматривает период второй половины XX века. Этот период характеризуется утверждением классового подхода к анализу ценностей былин и закреплением принципа партийного «историзма» (В. И. Чичеров, Б. А. Рыбаков и другие), однако сопоставление ценностных кодов былинных и летописных сюжетов не предпринималось, поскольку не свидетельствовало в пользу их отождествления. При таком подходе исследователи исключали из поля зрения ценности, которые нелегко было объяснить спецификой конкретной исторической обстановки (сострадание, дарение, служение, молитва и т.п.), практически не изучалась структура ценностного центра былинных героев, концепты любви-жалости, чести, смелости, сопротивляемости соблазнам и т.д. Ограниченность партийной идеологизации эпоса пытались преодолеть представители историко-типологической школы (В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов и другие), однако и они не прибегали к аксиологическому анализу русского эпоса. Лучшие силы отечественного былиноведения были скованы противостоянием исторической и историко-типологической школ; советским учёным не удавалось раскрыть подлинные ценностно ориентированные смыслы русского эпоса.

Ключевые слова: русский эпос, былина, былиноведение, русский эпический герой, ценности русского эпоса, аксиология русской былины, аксиологический подход, А. М. Астахова, В. М. Жирмунский, Д. С. Лихачёв, Е. М. Мелетинский, Б. А. Рыбаков, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, В. И. Чичеров.

A. S. Mironov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki citi, Moscow region, Russian Federation

AXIOLOGICAL APPROACH IN EPIC STUDIES: VALUE ANALYSIS
OF THE RUSSIAN EPIC IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY.
PART 1, 1950–1960

The author continues a series of articles about the history of value analysis in the epic studies and analyses the period covering the second half of the XX century. This time is characterized by

МИРОНОВ АРСЕНИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ – кандидат филологических наук, ректор Московского государственного института культуры

MIRONOV ARSENY STANISLAVOVICH – Ph.D. (Philology), the Acting Rector of the Moscow State Institute of Culture

e-mail: arsenymir@yandex.ru

© Миронов А. С., 2019

the class approach approval to the analysis of the epics values and the consolidation of the party “historicism” principle (V. I. Chicherov, B. A. Rybakov, etc.), but the comparison of the epics codes value and Chronicles was not undertaken, because it did not indicate in favor of their identification. With this approach, the researchers excluded from the field of view the values that were not easy to explain by the specifics of a particular historical situation (compassion, donation, service, prayer, etc.), the structure of the value center of epic heroes, the concepts of love-pity, honor, courage, resistance to temptations, etc. were not studied. The representatives of the historical and typological school (V. Y. Propp, B. N. Putilov, etc.) attempted to overcome the limitation of the party epics ideologization, however, they did not implement axiological analysis of the Russian epic. The best forces of the history were bound by the confrontation of historical and historical-typological schools; Soviet scientists could not reveal the true value-oriented meanings of the Russian epic.

Keywords: Russian epic, epic, epic studies, Russian epic hero, the values of the Russian epic, the axiology of the Russian epic, the axiological approach, A. M. Astakhov, V. M. Zhirmunsky, D. S. Likhachev, E. M. Meletitsky, B. A. Rybakov, V. Y. Propp, B. N. Putilov, V. I. Chicherov.

Для цитирования: Миронов А. С. Аксиологический подход в былиноведении: ценностный анализ русского эпоса во второй половине XX века. Часть 1, 1950–1960 годы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 54–73.

В первой половине XX века в советской России применение ценностного анализа в работе эпосоведов было затруднено по причинам политического характера: по заказу власти необходимо было отыскивать в былинах заранее заданные ценности социального и антирелигиозного протеста, демократизма, гуманизма, патриотизма [подробнее об этом см.: 17]. В то же время на Западе частные наблюдения ценностного плана не были редкостью в работах Р. Траутмана [40, р. 37], А. Мазона [39], Р. Якобсона и М. Шефтеля [38] и других. Развёрнутый аксиологический анализ был предпринят в труде Гектора и Норы Чедвиков («Развитие литературы», 1935), однако исследователи ограничились указанием на отсутствие в былинах ценностей западноевропейских эпосов (вассальной верности; доблести, выражающейся в отказе от военной хитрости; верности «слову, данному женщине» и т.д.) [см.: 37, pp. 35–41, 87–99].

В 1952 году С. Баура в своём труде «Героическая поэзия» выявляет «религиозную схему ценностей» [36, р. 24] русского эпоса. Он утверждает, что в былинах происходит,

как и в духовных стихах, отрицание «героической концепции человека как самодостаточного существа» [36, р. 24]. Исследователь полагает, что русскому эпосу свойственна – в той же мере, что и «гимнам Гомера» – концепция «низости» человеческой природы и её подчинения божественному.

Следствием подавления в былинах ценностей героизма, своеволия и самодостаточности человека является, по мнению С. Бауры, «слабость характеров» богатырей, которые «развиты даже менее, чем в норвежских песнях» [36, р. 346]. «Русские герои обычно довольно бесцветны, и неудивительно, что одни и те же истории можно петь о разных героях»; по мнению исследователя, «великий воин Илья Муромец имеет мало личных черт в образе, а другие – Дюк, Ставр или Добрыня – и того меньше» [36, р. 346]. Как можно видеть, С. Баура судит о характерах богатырей на основании ценностей западноевропейского эпоса, а также стереотипного представления о дихотомии «покорности / спячки» и «свободы / разгула» [подробнее об этом см.: 18], якобы при-

сущей русскому характеру. Анализу исследователя не доступно духовное измерение былинного сюжета: в отличие от эпического певца, С. Баура не обладает «эпическим знанием» о ценностных кодах былин, в частности – об особенностях былинной силы, которая может покинуть согрешившего богатыря. Поэтому учёный не имеет возможности «увидеть» характер, раскрывающийся в борьбе героя со своими страстями и слабостями (например, у Ильи это – трусость и блуд (эпизод с женой Святогора), гневливость и хвастовство (бой с Сокольников); у Добрыни – сердечная чёрствость и желание избежать богатырской миссии («Добрыня и Змея»), блудная страсть («Добрыня и Маринка» и т.д.). Невнимание к духовной борьбе героя оборачивается недооценкой уровня проработки характеров.

На родине былин к середине XX века интерес к аксиологическому исследованию эпоса угасал на фоне противостояния научных лагерей: историческая школа пыталась отойти от понимания эпоса как отражения народных мечтаний и более жёстко связать былины с памятью народа об исторических событиях. Ещё в 1940 году В. И. Чичеров предложил определение былин, расходившееся с прежней трактовкой эпических смыслов как народных «чаяний»: «Былины – эпические песни, отразившие факты русской истории...» [34, с. 35]. В предельно простой и спорной форме эту мысль выразил академик Б. Греков: былины суть «история, рассказанная самим народом» [7].

Для выявления критериев оценки исторических лиц и событий необходимо было исследовать систему ценностей эпоса. Однако возвращение на позиции дореволюционной исторической школы оказалось возможным лишь в рамках классового подхода. Эпосоведам предлагалось использо-

вать былинный материал исключительно для того, чтобы показать, как чутко народ осознавал свои классовые интересы и как ярко эти интересы отразились в былинах. «Эпические песни о подвигах народных героев-богатырей» возникали, как утверждал А. Никифоров [19], «по поводу конкретных исторических лиц и событий для выражения классовой оценки трудовым народом фактов общественно-политической жизни». Не случайно исследователь называл песни о богатырях «одним из видов народной исторической публицистики», по его мнению, эпические певцы выражали в них своё «активное боевое отношение к исторической действительности» [19, с. 246].

Для каждого периода российской истории А. Никифоров призывал выявлять «правильные» в классовом смысле ценности, отразившиеся в былинах. Например, во время феодальной раздробленности, по его мнению, «центральной идеей русского эпоса» была необходимость «борьбы народа за национальную независимость, за общенародное единство» [19, с. 245]. Такой подход подразумевал высокую степень политической грамотности и классового сознания эпических певцов, как если бы они были своего рода политинформаторами, пропагандистами прогрессивных социально-политических и экономических явлений. Например, академик Д. С. Лихачёв полагал, что даже былина о Садко «посвящена борьбе героя» с «социальной несправедливостью». По мнению учёного, ключевой ценностью этой песни является народное происхождение избранницы героя – Чернавки, чьё прозвание якобы указывает на её происхождение из «чёрного люда» [27, с. 231].

Д. С. Лихачёв писал, что в былинах народ «оценивает своё прошлое» [27, с. 183–184], но в 1950-х годах советских исследователей интересовал лишь классовый аспект

этой оценки. Так, по мнению учёного, осмысливая историю древнего Новгорода, народ осознал и выразил в былинах высокую значимость «народоправства», воспоминаний о временах, когда политический «перевес» получало «эксплуатируемое большинство». В результате исследователю приходилось доказывать, что главной ценностью былины о Садко является «стремление восстановить социальную справедливость» [27, с. 234] и борьба с «устоявшимся социальным укладом» [27, с. 230] – что было, безусловно, нелёгкой задачей.

Ещё сложнее было доказать, что в былине «Вавило и скоморохи» выразились жажда «социальной справедливости» и «настроения русского крестьянства, которые особенно сильно захватывали его накануне и в период крестьянской войны начала XVII века» [27, 342]. Чтобы подобраться к этому выводу, М. О. Скрипилю пришлось доказывать, что в сюжете о противостоянии иноземному «царю Собаке» гусяра Вавилы и его святых покровителей Кузьмы и Демиана выразился протест против царской власти, с которой «народ ведёт борьбу и побеждает» [27, с. 342].

Помимо излюбленного советскими эпосоведами сюжета о ссоре Ильи с князем Владимиром (закончившейся, впрочем, примирением), эпос предоставлял не так много материала для подтверждения тезиса о главенстве социального протеста в системе ценностей былины. Поэтому В. П. Адриановой-Перетц приходилось, например, утверждать, что прозвище Ильи Муромца («старой казак») указывало на «роль казачества в противоправительственных восстаниях» и стремление былинного певца «подчеркнуть, что крестьянский сын Ильи Муромец остаётся свободным и тогда, когда крестьяне уже были окончательно закрепощены» [27, с. 416].

М. О. Скрипиль справедливо полагал, что в эпосе народное творчество «подымалось до выражения раздумий народа о происшедших исторических событиях, до ... глубокой оценки их» [27, с. 264]. Однако при таком подходе исследователям приходилось вовсе исключать из поля зрения ценности, которые нелегко было обусловить специфической конкретной исторической обстановкой (сострадание, дарение, служение, молитва, побратимство и т.п.). В противном случае по необходимости следовало утверждать, что в эпоху татарщины народ понимал сострадание и другие ценности отнюдь не так, как понимал их в период феодальной раздробленности. Поскольку былинный материал не предоставлял достаточных тому доказательств, дело не могло продвинуться дальше голословных утверждений¹. В результате в советском эпосоведении долгое время не появлялось работ, раскрывающих суть «раздумий» народа о чём-либо, кроме «прогрессивных» социально-экономических явлений и необходимости защищать Родину.

Дефицит достижений на этом поприще признавала А. М. Астахова: по её мнению, если «по двум ведущим идейным линиям – героико-патриотическому пафосу и социальной проблематике – общий характер русского эпоса вполне прояснён», то «в толковании отдельных былин ещё много дискуссионных моментов», требующих «дальнейшей разработки» [3, с. 126]. Попытки связать былины с конкретными историческими событиями казались А. М. Астаховой бесперспективными. Она призывала отказаться от поиска в былинах «оценки событий» прошлого и вернуться к выявлению

¹ М. Сперанский писал об «изменении во времени самого мирозерцания носителей» эпоса [25, с. XVIII]; М. Плисецкий утверждал, что в былинах отражено «изменение психологии народных масс» «на протяжении веков» [20, с. 8].

нию народных идеалов и «чаяний»: «совершенно очевидно, что в раскрытии исторических основ русского былинного эпоса единственно плодотворный путь – исходить из уяснения художественного замысла былин и отражённых в них народных идеалов» [3, с. 76]. Сторонники возвращения к поиску народных «чаяний» в эпосе ссылались при этом на слова В. И. Ленина, которые удачно «припомнил» В. Д. Бонч-Бруевич: былины важны «для изучения народной психологии» потому, что в них «отразились чаяния и ожидания народные» [6, с. 118]. Отвергая на этом основании попытки связать содержание былин с воспоминаниями о конкретных исторических фактах, В. Я. Пропп утверждал, что «былины отражают не единичные события истории, они выражают вековые идеалы народа» [24, с. 27].

А. М. Астахова в качестве главной ценности русского эпоса выдвигала «пронизывающую былины идею защиты родины и населения» [3, с. 93], указывая на «оборонительный характер эпоса, патриотическую и гуманистическую направленность подвигов главных богатырей» [3, с. 101]. В рассматриваемый период советская власть нуждалась в патриотизме граждан более, нежели в классовом осмыслении фольклорного наследия, и ставка на идею защиты Родины позволяла учёным отойти от бесперспективной задачи презентации богатырей в качестве революционеров. Самопожертвование ради защиты Отечества – эта ценность была объявлена главной идеей русского эпоса. Как доказывала А. М. Астахова, былины выдвигают «образ народного героя, забывающего личные обиды во имя высокой задачи спасения родной земли и народа» [27, с. 124].

Исследователь возвращается здесь к наблюдению, сделанному русскими славянофилами в середине XIX века. Тогда К. С. Ак-

саков заметил, что сила для русского богатыря – «полезное орудие для доброго дела только»; Л. Н. Майков писал в своей диссертации, что подвиги русского богатыря – не средство достижения личной выгоды, но «защита слабых и угнетённых» [12, с. 119]; наконец, О. Миллер подчёркивал, что «Илья Муромец ... ничего не ищет для себя самого», напротив, чудесная богатырская сила «налагает *обязанность* на того, кто ею владеет, обязанность оборонять вдов и сирот и ту кормилицу их родную мать-землю» [15, с. 803–804]. Русский эпический герой приходит на защиту обиженным, не взирая на их социальное положение, – так, Илья защищает князя Владимира [19, с. 113] и княгиню Апраксию [первая поездка Ильи Муромца: 11], царя Костянтина [12], царя Соломана [30]; выручает из плена царей и королевичей [32]; Алёша жалеет опозоренного князя [1] и т.д. Однако советская идеология требовала самопожертвования ради «народа», а не ради конкретных людей (среди которых могли попасться представители высших классов, а их жалеть не полагалось). Учёным пришлось скорректировать былинные концепты любви-жалости и самоотвержения, заменив сострадание конкретному человеку («слабым и угнетённым», «вдовам и сиротам») на защиту «родины и населения» в целом. В качестве примера приведём утверждение В. М. Жирмунского о том, что «центральной темой» героического эпоса русских является «героика самоотверженной борьбы за национальную независимость против врага-насилльника, угрожающего родине потерей национальной независимости» [10, с. 15].

Классовый подход исключал объективный ценностный анализ былин; даже такой крупный исследователь, как В. Я. Пропп, в своём знаменитом исследовании «Русский героический эпос» вынужден был ограни-

читься исследованием «чаяний» сугубо общенародных. В. Я. Пропп не изучал структуру ценностного центра былинных героев, не выявлял аксиологические концепты любви, чести, молитвы, смелости, сопротивляемости соблазнам и т.д. Говоря о «вековых идеалах и стремлениях народа» [24, с. 225], учёный называл политические задачи, стоявшие, по его мнению, перед русским народом в целом: высочайший приоритет объединения страны вокруг сильного центра и единого властителя, сосредоточение внимания на защите от внешних угроз, классовая ненависть и богоборческий пафос.

Эти идеи были в гораздо большей мере «чаяниями» советских идеологов, нежели смысловыми доминантами русского эпического сознания. Выдвинув определение эпоса как «песен о борьбе и победе», автор «Русского героического эпоса» применяет его односторонне, исключая из поля зрения борьбу и победу не политическую, но нравственную, духовную. Невозможно отрицать, что неотъемлемым, если не ключевым элементом содержания былины является борьба богатыря с его собственными страстями и слабостями. В старинах об Илье это – попытки отвлечь героя от богатырского поприща (самовольно возложенная на себя заповедь, лестные и выгодные предложения освобождённых черниговцев, посулы жены Соловья и другие), испытание смелости героя (падение коня от соловьиного свиста, угроза жены Святогора, поход на Царь-град в одиночку без оружия), блуд (баба Латыргорка и королева с кроватью-ловушкой). В душе Добрыни эпическая аудитория видела явный недостаток сострадания (к русским «полонам») и как следствие – нежелание принять богатырскую миссию (служба в Киеве, за время которой «глупешенький» Добрыня деградирует до привратника и даже до вора), непослушание (визит к Ма-

ринке). В былинах о Потыке такой слабостью является чрезмерная страстность героя, заставляющая лгать князю Владимиру, а также его тяга к вину. В ценностном центре героя по имени Садко обнаруживаем уязвлённое самолюбие, тщеславие, жажду богатства, превозношение и неблагодарность, выразившуюся в неисполнении обета. Васька Буслаев гибнет, сделав ставку на собственную физическую силу, а в песне о Волхе герой, если вдуматься, ради «многой мудрости» (колдовства, оборотничества) отказывается от богатства (он так ни разу и не воспользуется той самой палицей, которую просил в колыбели), более того, отказывается он от самой русскости – оставаясь царствовать в чужой земле. Как можно видеть, аксиологический анализ В. Я. Проппа является избирательным и сводится лишь к выявлению идейно-политических ценностей и мотиваций героев при почти полном игнорировании духовно-нравственных ценностей и связанных с ними мотиваций.

Кроме того, ценностный анализ былины нередко оказывался попросту неудобным, потому что мешал исследователю сближать мотивы былины с гипотетическими «древнейшими» мотивами догосударственного славянского эпоса. Отождествление ценностно различных (а порой противоположных) мотивов и сюжетов было излюбленным приёмом компаративистов в XIX веке (например, В. В. Стасов сближал атакующую любовную магию Маринки, добывавшейся любви Добрыни, с покушением старой ведьмы Путаны на жизнь младенца Кришны [см.: 31]). Жертвой традиции нередко становились советские исследователи. В. М. Жирмунский, приводя примеры из национальных эпосов для иллюстрации «типического» сюжета о бое героя с богатыркой с последующим вступлением в брак, относит к этой «древней теме» былинную

историю о связи Ильи Муромца с бабой Латыгоркой [10]. Ценностный анализ помешал бы такому сближению: былинный сказитель и его аудитория осознавали, что блудная связь с богатыркой – отнюдь не триумф любви, но нравственное падение, за которое придётся расплачиваться самому Илье и его ребёнку, зачинаемому во грехе.

В. М. Жирмунский пытается объяснить это кардинальное различие тем, что в былине «древняя тема приспособлена к представлениям более позднего времени, подверглась бытовой модернизации» [10]. Однако это утверждение остаётся не доказанным; против него говорит различие исходных мотиваций: не только Илья воспринимает связь с Латыгоркой как грех, но и незаконнорождённый сын считает своё происхождение позором (и потому убивает мать). Сюжет задан этими мотивациями, в случае их изменения былина не просто утратит ценностно «заряженный» смысл, но разрушится в композиционном плане.

Ещё один пример сближения ценностно несопоставимых сюжетов – попытка В. М. Жирмунского связать сюжет о Дунае и Настасье с рассказом о сватовстве Кан-Турала огузского эпического цикла «Китаби Коркуд». Эти сюжеты представляются учёному сходными: «основной мотив состязания в обоих случаях одинаковый – уязвлённая мужская гордость: муж-богатырь не хочет, чтобы жена-поленица, которую он победил в брачном состязании, была в глазах “людей” сильнее его».

Однако былина о Дунае и Настасье неотделима в русском эпическом сознании от её предыстории [9], в которой задан ценностный код сюжета: находясь на службе у отца Настасьи, Дунай вступает с ней в тайную связь и похваляется этим на пиру. Хвастовство Настасьи является «расплатой» Дуная за его собственное прежнее хва-

стовство; мотив расплаты за грех героя подчёркивается гибелью во чреве матери детей Дуная и Настасьи, прижитых ими в блуде. Когда Дунай вели на казнь по приказу отца Настасьи, он не смог освободиться собственными силами и прибег к помощи возлюбленной – таким образом, он обязан жизнью Настасье, которая всюду хвастается своим превосходством над мужем. В понимании эпической аудитории Дунай везёт на Русь иноземку, позорящую не персонально Дуная, но в его лице – всё киевское богатырство. Различие ценностных концептов чести (огузского эпического концепта «личной» чести героя и былинного концепта «коллективной» чести богатырского рода, которая является залогом ненападения на Киев иноземных царей) полностью разрушает предложенную В. М. Жирмунским аналогию.

Отсутствие ценностного анализа приводит исследователя к ложным выводам – например, В. М. Жирмунский полагает, что русские певцы применяют «эпические шаблоны» (*moldi epici*) германского происхождения (первый выезд героя, побратимство, похвальба перед боем, вещие сны, богатырский меч, боевой конь и т.п.). Налицо неразличение былинного концепта хвастовства после подвига (для распространения «славы» по миру и недопущения таким образом вражеских вторжений) и концепта хвастовства как демонстрации удали с целью устрашения противника (подбрасывание к небу палицы с последующим подхватыванием у земли и т.п.). В былинах похвальба перед боем есть абсолютный маркер антигероя, русские богатыри хвастаются *после* совершения подвига, в противном же случае подвергаются наказанию (Илья Муромец перед боем с Сокольников, Сухман, Ставр).

Идея о том, что былины отразили народные «чаяния», позволяла учёным отказаться от бесперспективной задачи иллю-

стрировать былинным материалом большевистскую концепцию истории. «Героический былинный эпос лишь определённой своей частью примыкает к историческому фольклору», – писал Б. Н. Путилов [25, с. 22]. Однако удаляясь от Сциллы «историзма», исследователи неминуемо приближались к Харибде предвзятого ценностного анализа былин, предпринимаемого с классовых позиций.

Ближе всего к идее очистить эпос от идеологии эксплуататорских классов, отделить «народные» чаяния от «ненародных» подошёл В. И. Чичеров. По его мнению, подлинно народными являются лишь те былины, в которых налицо «постановка проблем, имеющих народное и общегосударственное значение» [35, с. 241]¹. В «правильных» былинах, утверждал учёный, непременно сочетается «показ борьбы за свободу и независимость родины с отражением классовой борьбы, с социальной оценкой поведения господствующих классов».

«Наряду с эпосом, идеи и образы которого близки нам по своему духу, известны эпические сказания чуждые, иногда враждебные нам», – писал В. И. Чичеров. По его мнению, «феодално-клерикальные эпические сказания, возвеличивая феодалов, углубляя в интересах эксплуататорских классов национальную рознь и разжигая религиозный фанатизм, поддерживают членоконенавистническую идеологию», оказывают «вредное воздействие на сознание масс» [35, с. 241].

Заметим, что применение предложенного В. И. Чичеровым критерия «народности» эпоса не только заставило бы признать антинародный характер большинства былин, но и накладывало запрет на беспристрастное изучение внутреннего мира эпи-

ческих героев. Всякого богатыря, пережившего «партийную чистку», следовало признать «воплощением моральных идеалов» [35, с. 246], а следовательно, ему должны быть чужды какие-либо сомнения и вообще внутренняя борьба (со слабостями, страстями, соблазнами).

«Срединный» (и тернистый) путь, избегающий крайностей партийного «историзма» и партийной идеологизации эпоса приводил исследователей, вслед за В. Я. Проппом, к выводу о том, что эпос отражает не память о конкретных событиях, но типичные для всех народов этапы развития мировоззрения его создателей и носителей. «Эпос есть художественное обобщение ... исторического опыта народа целой эпохи», – вторил своему учителю Б. Н. Путилов [25, с. 23]. Пользуясь уже привычным для советской науки понятием народного «идеала», представители историко-типологической (или «неомифологической», как её иногда называют) школы имели в виду, конечно, не навязываемые сверху «подлинно народные» идеалы классовой борьбы. Они пытались найти в былинах остатки мифологического сознания, черты древнейших верований и обрядов. При этом ключевым методом стало исследование структуры фольклорного текста и сближение сюжетов национальных эпосов в попытке выявления общих культовых, магических, обрядовых функций и рудиментов древнейшего мировоззрения – сближение, предлагаемое, как правило, на основании формального сходства без учёта содержательных различий, в том числе ценностного кода мотивов.

Так, В. Я. Пропп, пытаясь доказать принадлежность былины о Садко к характерному для мифологии многих народов архаическому сюжету о сватовстве героя к девушке из «иноного» мира, игнорирует противоположность мотивации Садко и архаического

¹ Впервые: Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1955. Том XIV. Выпуск I.

героя – искателя невесты. Эпический Садко (в отличие, кстати сказать, от одноимённого персонажа оперы Н. А. Римского-Корсакова) ни в малейшей степени не влюблён в дочь морского царя, ни минуту не помышляет о браке с ней. В образной структуре былины не сохранилось ничего, что указывало бы на симпатию героя к Чернавке. Напротив, герой противится браку и даже, оставшись ночью один на один с навязанной ему невестой, воздерживается от близости.

В. Я. Пропп объясняет это тем, что сватовство «в настоящее время не составляет основного содержания песни» и утверждает наличие в этой былине двух противоположных по смыслу идей: древнейшего смыслового «стержня», связанного с героизацией сватовства (якобы в изначальной версии песни Садко намеренно отправлялся в морское царство за невестой), и более новой идеи, трактующей брак с морской царевной как смертельную угрозу. В качестве доказательства древнейшей «позитивной» мотивации героя учёный ссылается на то, что «морской царь относится к герою отнюдь не враждебно», и полагает, что эта «черта весьма архаическая» [23, с. 88].

Однако сам же Пропп признаёт, что «предложение морского царя полно коварства» [23, с. 107]. Морской царь действует, как и положено бесу, лукаво: он притворяется добрым, чтобы заманить Садко (сначала богатством, затем – перспективой брака с морской царевной). В. Я. Пропп опирается на наблюдение В. Г. Белинского о «покровительственных божествах», оказывающих помощь человеку, и записывает морского царя в число этих дружелюбных «хозяев» [23, с. 36]. Однако «помощь» морского царя приводит Садко на край гибели. Побившись, по совету поддонного владыки, «о велик заклад», загордившийся гуслер ри-

скует в буквальном смысле потерять голову в споре с Великим Новгородом, и только помощь Николы Можайского спасает героя.

Едва ли можно считать «покровительством» то, что морской царь остановил корабль Садко и требует живую душу в вечное служение себе. В известном смысле история Садко есть история русского Фауста, заключившего договор с дьяволом. Аксиологический анализ былины приводит к однозначному выводу: на момент фиксации былины морской царь представлялся сказителю и аутентичной эпической аудитории отнюдь не покровителем Садко, он – коварный искуситель, к тому же губитель корабельщиков. Ничто в былине не указывает на наличие более древнего противоположного смысла.

Чтобы сблизить былину с архаичным сюжетом, В. Я. Проппу приходится пренебречь её ценностным анализом: учёный настаивает, что в былине о Садко «мы узнаём древнейший, знакомый нам сюжет в новой форме. Отправка героя в иной мир по своему происхождению есть поездка за невестой» [23, с. 105]. Заметим, что никакой «отправки» Садко в подводное царство в былине нет. Садко пускается в плаванье по торговым делам, он вовсе не собирается в гости к морскому царю. Герой не ищет на дне никаких благ; оказавшись там поневоле, он всеми силами стремится расстаться с подводным владыкой. Любовная связь с дочерью морского царя ни в малейшей мере не является ценностью ни для героя, ни для сказителя и его аудитории (в отличие, опять-таки, от аудитории оперной, наслаждавшейся любовным дуэтом Садко и Волховы и парадоксальной сценой их венчания «вкруг ракитова куста»).

Принципиальное отличие исходной мотивации нельзя, вслед за В. Я. Проппом, считать простым «видоизменением сюже-

та». Здесь меняется не «вид» сюжета, но его содержание, ключевой смысл, модель поведения. Никакими позднейшими наслоениями невозможно объяснить столь радикального изменения «коренной» мотивации героя. Древний мифологический сюжет здесь не просто «преодолён», как утверждает В. Я. Пропп, – это другой сюжет.

Прыжок Васьки Буслаева через камень В. Я. Пропп тоже считает «весьма архаичным» потому, что этот камень представляется учёному могильной плитой, а скачущие вдоль могилы «делят с покойником его путь» [23, с. 474–475]. Таким образом, в понимании исследователя в былине отразился древний дохристианский запрет, за нарушение которого герой наказывается смертью.

В данном случае исследователь не принимает, к сожалению, ценностный анализ образа Васьки Буслаева, характерной чертой которого является дерзость, упование на собственную физическую силу (герой верит только в свой «червлёный вяз»). Аксиологический анализ привёл бы учёного к выводу о том, что мотивацией Васьки является исключительно желание показать преимущество своей силы, даже если это требует выказать дерзость по отношению к святыне. Нельзя забывать, что Васька прыгает через камень не где-нибудь, а именно на Святой земле, во время паломничества. Ближайшая смысловая ассоциация эпической аудитории в данном случае предопределена знакомством с евангельской историей: Васька скачет через камень-алатырь, то есть алтарь. Это не просто «могильная плита», но образ, связанный с Гробом Господним, и это подчёркивает присутствие в былине черепа (неизменный канонический атрибут Голгофы – «мёртвая голова» Адама).

По мнению В. Я. Проппа, былина указывает на запрет прыгать вдоль *любой* мо-

гильной плиты, но для эпического сознания принципиально важно, что герой «бесчестит» конкретный, единственный в мире камень-алатырь на Святой земле. Таким образом, при формальном тождестве мотива (смерть героя в результате неудачного прыжка через камень) налицо несоответствие ценностных кодов былинного мотива и реконструируемого В. Я. Проппом дохристианского верования.

Последователь В. Я. Проппа Б. Н. Путилов пытается применить к былинному материалу структуралистский метод выявления бинарных оппозиций и выстраивает двоичную модель системы ценностей русского эпического сознания, в которой ключевую роль играет оппозиция «свой» – «чужой». В былинах, утверждал Б. Н. Путилов, «мы имеем дело с чётким разграничением моральных критериев по принципу “свой” – “чужие”». “Чужой” мир противопоставлен “своему” в нравственном плане» [25, с. 23]. К сожалению, исследователь не прибегает в этом случае к развёрнутому аксиологическому анализу былинного материала, результаты которого опровергают сформулированный выше тезис. Негативный ценностный концепт «не честь-хвала богатырская» применяется в русском эпосе в отношении «своих» героев, поступающих бесчестно (например, Сухман Сухментьев хвастает и утрачивает неуязвимость; Илья Муромец гневается на Сокольника и хвастает победой над ним прежде поединка, что приводит его на край гибели). При этом «чужие» нередко получают право если не на победу над русским богатырём, то, по крайней мере, на временное превосходство и нанесение ему существенного ущерба. Так, старшая дочь Соловья, пытаясь защитить отца, наносит Илье страшный удар; Сокольник имеет моральное преимущество над Ильёй из-за «греха» последнего; ино-

земные цари Калин и Вахромей ведут себя благородно по отношению к русским противникам. В былинах духовные законы равно действуют и на «своих», и на «чужих»; не вписывается в предлагаемую Б. Н. Путиловым бинарную оппозицию и замечательная заповедь «не помысли зла на татарина», которую принимает Илья Муромец в начале своего богатырского поприща.

Попытки представителей историко-типологической школы свести ценности русского эпоса к примитивным концептам, связанным с древнейшими обрядами (инициация и т.п.), не увенчались успехом. Это признавал и авторитетный исследователь раннего эпоса Е. М. Мелетинский, которого нередко критиковали за то, что он «допускает натяжки фактов, когда видит в поздних формах эпоса такие архаические следы, которых в действительности у этих народов нет» [8, с. 108]. Е. М. Мелетинский в 1962 году писал, что «эпический Киев русских былин – это и историческое воспоминание, и поэтическое воплощение мечты об идеальном государстве полуродового типа» [15, с. 446]. По его мнению, характер подвигов эпического богатыря коренится «именно в кровно-родовой форме социальных отношений» [15, с. 424]. Однако исследователю не удалось воссоздать «исходное» эпическое мировоззрение, «аксиологически ориентированную модель мира» [14, с. 13] русского эпоса: былины предоставили ничтожно мало материала для выявления в богатырских образах архаических черт тотемного первопредка, культурного героя, шутника-трикстера и т.д.

Задача сближения мотивов русского эпоса с «типическими» мотивами других эпосов, в том числе древних, вполне соответствовала политическому заказу советской власти, которая боролась с любыми налётами на «национальную исключитель-

ность» и требовала от учёных показать общность законов развития национальных культур. Поиск самобытных ценностных концептов не приветствовался. Вместо этого некоторые учёные смешивали материал былин с материалом эпосов других народов и применяли аксиологический анализ уже к этой смеси – чтобы скрыть цивилизационные, религиозные, национальные особенности и выявить гипотетические ценности, «общие для всех народов». К последним обычно относили жажду социальной справедливости и классовую борьбу, физическое здоровье и физическую силу (не зависящую от состояния духовного мира героя), оптимизм, упование на собственные силы, неприятие «божественной» воли, «демократизм», «гуманизм».

Именно такой подход обнаруживаем в труде М. М. Плисецкого «Историзм русских былин» [21]. К универсальным ценностям, якобы свойственным всем эпосам (включая, разумеется, русский), относятся, по его мнению, «стремление бороться за интересы коллектива», «свободолюбие», «мужественность», «борьба с любым угнетением», а также «труд», направленный на «обогащение общины», «мечта о богатом урожае», «мечта о жизни, ограждённой от нападения жестоких врагов», «необходимость единства и сплочения» «рода, племени» [21, с. 14–18]. В этом потоке «общечеловеческих ценностей», отфильтрованных советской идеологией, совершенно теряются уникальные былинные концепты: например, М. М. Плисецкий навязывает былине ценность «физической мощи, выдающегося здоровья», которые «хороши всегда – и в труде, и в бою» [21, с. 17]. Для русского эпоса не характерен герой-великан, наделённый мощным телом; чудесную силу в былинах зачастую обретают сидни, «пьяницы», «хроменькие», а физически крепкие бога-

тыри, напротив, могут легко утратить силу (Сухман из-за хвастовства, Илья из-за блуда с женой Святогора и т.д.), чего не происходит ни с Ахиллом, ни с Зигфридом, ни с героями восточных эпосов.

Былина предоставляет немного доказательств и для благозвучного утверждения М. М. Плисецкого о наличии в русском эпосе «уважения к женщине как проявления гуманистических идей» [21, с. 30], исключительной ценности «знания и опыта», носителем которых являются женщины [21, с. 19] (пожалуй, единственное подтверждение тому – совет Добрыниной матушки не захаживать в «переулки Игнатьевские»). Едва ли можно согласиться с М. М. Плисецким, что высокое место в системе ценностей былин занимает «находчивость и хитрость» [21, с. 22]: в отличие от эпосов других народов, её проявляет исключительно Алёша Попович, которого эпический певец далеко не склонен идеализировать.

Исследователь уверенно пользуется материалом былин, загоняя его в прокрустово ложе «закономерностей», выводимых на основании анализа эпосов других народов. Так, М. М. Плисецкий соглашается с наблюдением О. Т. Туманяна о том, что «обычно герои национальных эпосов сталкиваются со своими родителями и падают под тяжестью их проклятий» [21, с. 20]. Ничего подобного в русском эпосе нет. Учёный утверждает далее, что русский народ особо ценит «умение» [21, с. 18] сражаться – однако и этой ценности, столь ценимой фельдмаршалом А. В. Суворовым, в былинах не находим.

М. М. Плисецкий полагает, что «именно за житейскую мудрость, опытность и основательность особенно полюбился русскому народу Илья Муромец, на второе место после него по тем же в основном причинам поставлен в русском эпосе Добрыня Ни-

китич. Эти герои, очевидно, соответствуют чертам русского национального характера...» [21, 19]. Аксиологический анализ былин не подтверждает этого наблюдения. Главной чертой Ильи Муромца является «богатырское сердце неутерпчивое», умение деятельно сострадать. Следствием этого становится характерная «смелость-ухватка» героя, позволяющая подниматься на защиту обиженных даже тогда, когда шансы на победу минимальны (именно это отличает Илью от могучего калики Иванища, который вдвое сильнее Муромца).

Что же касается Добрыни, то именно этот персонаж, именуемый в былинах «младёшеньким, глупешеньким», будучи хорошо воспитан и обучен, тем не менее совершенно лишён «мудрости» вообще и в особенности житейской. Он постоянно совершает ошибки, вызывая жалость эпической аудитории (не может победить змеёнышей, неудачно служит при князье дворе, становится жертвой Маринки и обращается в тура, заключает постыдный мир со Змеёй; вынужден из-за собственной ошибки расстаться на много лет с молодой женой и т.д.).

М. М. Плисецкий навязывает русскому эпосу идеологию строителя коммунизма: по его мнению, «былинные богатыри находятся в оппозиции и постоянном конфликте с княжеско-боярской верхушкой». Более того, богатыри якобы деятельно встают против эксплуататоров: «многие эпические герои борются против сбора дани и налогов» [21, с. 36] – парадоксальность этого утверждения очевидна каждому, кто знаком с былинами и знает, как часто богатыри выезжают на сбор дани по заданию князя Владимира.

Далее М. М. Плисецкий формулирует общую для эпосов разных народов ценность «добывания женщин», которое «должно

было обеспечить процветание и жизнеспособность рода» [21, с. 21]. Однако в былинном мире добывание женщины за пределами рода грозит вечным пленом (Садко) или оборачивается трагедией (Дунай), предательством избранницы и страданиями героя (Михайло Потык, Иван Гоудинович). Князь Владимир страдает от измен любвеобильной супруги, вывезенной из чужой земли (Апраксия влюбляется в Тугарина, Чурилу, Касьяна). Напротив, счастливы в браке богатыри, женившиеся на соотечественницах, – Добрыня, Ставер, Садко.

В стремлении подогнать былину под «общие» законы развития эпосов разных народов М. М. Плисецкий совершенно отрывается от русского эпического материала. Он утверждает, например, что для эпоса всех народов характерна ценность чудесного рождения героя и приводит примеры из армянского, бурятского, якутского, казахского, южнославянского, нартского, осетинского эпоса, даже из алтайских сказок, но только не из былин, где все герои, за единственным исключением (Волх Всеславович), рождены обычной женщиной от обычного мужчины.

Представителям исторической школы эпосоведения аксиологический анализ затруднял связывать былинные сюжеты с летописными. Случаи, когда имена и топонимы этих параллельных миров русской культуры совпадали, были так редки и так ценны для доказательства «историзма» былин, что учёные предпочитали игнорировать несовпадение мотиваций эпических богатырей и исторических деятелей.

Например, предложенное академиком Б. А. Рыбаковым сближение былины об Иване Гоудиновиче с историческими данными об «отбитии» черниговцами русских полонянок у кочевников-печенегов категорически невозможно в ценностном аспекте:

в названной выше былине девушка принимает сторону иноземца и предаёт русского богатыря. Ещё менее вероятно предлагаемое Б. А. Рыбаковым отождествление Михайлы Потыка и болгарского Михайлы из Потуки [29, с. 48]: первый силой увозит девушку у родителя и впоследствии страдает от коварства избранницы, а второй спасает девушку от змея и после этого живёт с ней в счастливом браке.

Как утверждал академик Б. А. Рыбаков, «русский былинный эпос может стать неопределимым историческим источником, но, разумеется, не для восстановления канвы событий, а для изучения народных оценок тех или иных периодов, отдельных событий и лиц» [29, с. 348]. Утверждение звучало многообещающе, однако сам Б. А. Рыбаков не только не выявил эти «народные оценки», но и вообще игнорировал возможности аксиологического анализа – повсюду, где его результаты заведомо подрывали достоверность сближения эпоса и истории.

Например, учёный утверждал, что былина о Святогоре – это поэтизированное воспоминание о реальном событии (молодые черниговские князья где-то под Тмутороканью «запрятали своего сотоварища под тяжёлую крышку мраморного античного саркофага» [29, с. 134] и не смогли эту крышку поднять). Учёный не уточняет, какова «народная оценка» этого события и почему тмутороканский анекдот оказался поколениям русских людей настолько важным? Казалось бы, невозможно отождествлять пусть печальную, но ничтожную в ценностном плане тмутороканскую историю с исполненным глубокого смысла былинным сюжетом о кончине сильнейшего из богатырей, о смертельной опасности избыточной богатырской силы. Но, к сожалению, исследователь был готов пожертвовать смыслом песни ради сомни-

тельного сходства имён – и потому вынужден опираться на очевидно нетрадиционную авторскую былинную про князя «Олеховича» и богатырей «чернигофских» [22], записанную от певца, прожившего более 20 лет в Петербурге и активно использовавшего при исполнении былин книжные выражения («преловкая ухваточка гимнастика» и другие).

Системы ценностей советского историка и эпического певца не совпадают самым очевидным образом. Так, академик Б. А. Рыбаков утверждает, что дальние военные походы не интересовали народные массы, поэтому о таких походах не складывали былин. Учёный будто забывает про былины о долгих, многолетних походах в чужие края Добрыни Никитича, Михайлы Потыка, Ильи Муромца (дошедшего до Царя-града). Высочайший интерес эпической аудитории к дальним походам героев вполне можно объяснить, если отказаться от логики исторической целесообразности и допустить, что былинных певцов и их слушателей интересовало прежде всего то, что происходит в душе героя, в частности во время дальних и трудных походов.

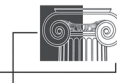
По академику Б. А. Рыбакову, народ воспевал в былинах частные исторические явления и процессы (протест против засилья варягов, строительство засек, борьбу политических династий и т.д.), как если бы старины слагал некий эксперт, получивший образование на историко-этнологическом факультете МГУ, вооружённый к тому же пониманием приоритетов партийной политики. Однако ценностный центр былинного певца не совпадает по структуре с ценностным центром советского историка, поэтому невозможно понять, зачем в середине XIX века крестьянам, рыбакам, монахам и поповнам в Архангельском и Олонецком краю, на Печоре и в Сибири надо было петь

о давно позабытом убийстве Свенальдича на охоте или о свершившейся в середине XII века «победе в Киеве волынской династии» [29, с. 354].

Академик Б. А. Рыбаков сближает былинную об убийстве Идолища в Царьграде (якобы контаминированную сюжетом о поединке Алёши и Тугарина) с летописной историей об убийстве Олбегом печенежского посла Итлара [29, с. 110]. В ценностном плане такое сближение невозможно: Илья приходит к Идолищу безоружным, Идолище окружён огромным войском и свитой; нападение Ильи на великана связано с концептом жалости (сердце богатыря «разгорелось», когда он видит, как Идолище при живом муже позорит царицу). Коварное (если не сказать подлое) убийство летописного Итлара, напротив, не совместимо с эпическим представлением о «чести-хвале богатырской».

Академик Б. А. Рыбаков полагает, что убийца «Итларища» – «Идолища» Олбег является прототипом «Олеши» Поповича, на основании того, что Алёша убивает Тугарина «внутри помещения»: это, по мнению учёного, «единственный в русском эпосе факт убийства знатного чужеземца “царского посла” во дворце, а не в чистом поле» [29, с. 109]. Однако былинный Алёша назначает Идолищу схватку в «чистом поле» именно потому, что не желает кровавить, бесчестить «честные столы», пиршественный зал князя Владимира. Как можно видеть, концепт «чести-хвалы» обнаруживается в былине и совершенно отсутствует в летописном повествовании, аналогия с убийством Итлара разваливается.

Применяя к былинному миру логику исторических закономерностей, Б. А. Рыбаков нередко ставит себя в тупик. Так, он утверждает, что в былине про бой Добрыни с Дунаем [5] суд князя Владимира над Дуна-

Примечания

1. Алёша Попович и Тугарин : [Былина] № 116 // Былины. Свод русского фольклора : в 25 томах / [Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом)] ; [редкол. Свода русского фольклора А. А. Горелов (гл. ред.) и др.] ; [редкол. сер. «Былины» Б. Н. Путилов (гл. ред.) и др.]. Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2001-. Том 1 : Север Европейской России. Былины Печоры / [подгот.: В. И. Еремина и др.]. 2001. С. 527–530.
2. Аникин В. П. Русский богатырский эпос : пособие для учителя. Москва : Просвещение, 1964. 191 с.
3. Астахова А. М. Былины : Итоги и проблемы изучения / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Москва ; Ленинград : Наука [Ленинградское отделение], 1966. 292 с.
4. Астахова А. М. Илья Муромец в русском эпосе // Илья Муромец / подгот. текстов, ст. и коммент. А. М. Астаховой ; отв. ред. Д. С. Лихачев ; ред. изд-ва А. И. Соболева. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. С. 393–419. (Литературные памятники)
5. Бой Добрыни с Дунаем: [Былина] № 138 // Былины. Свод русского фольклора : в 25 томах / [Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом)] ; [редкол. Свода русского фольклора А. А. Горелов (гл. ред.) и др.] ; [редкол. сер. «Былины» Б. Н. Путилов (гл. ред.) и др.]. Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2001-. Том 4 : Былины Мезени : сборник / ред. А. А. Горелов. 2004. С. 254–265.
6. Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве // Советская этнография. 1954. № 4. С. 117–131.
7. Греков Б. Д. Киевская Русь / Академия наук СССР, Институт истории. 4-е издание. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1944. 348 с.
8. Далгат У. Б., Кидайш-Покровская Н. В., Пухов И. В. В плену предвзятой схемы (О книге Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники». Москва, 1963. 460 с) // Советская этнография. 1965. № 5. С. 94–113.
9. Дунай Иванович («Был жил Дунаюшка, не славилсэ...») / записано от Марьи Федоровны Приданниковой // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / РАН. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ; ответственный ред. Т. Г. Иванова ; подгот. издания С. Н. Азбелева, Ю. И. Марченко ; ред. коллегия : С. Н. Азбелев, А. А. Горелов, Л. И. Емельянов. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2002. С. 615–620.
10. Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса : [доклад на IV Международном съезде славистов. Впервые: отд. изд. М., 1958]. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1958. 145 с.
11. Илья Муромец / подгот. текстов, ст. и коммент. А. М. Астаховой ; отв. ред. Д. С. Лихачев ; ред. изд-ва А. И. Соболева. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. 557 с. (Литературные памятники / Академия наук СССР. Отделение литературы и языка).
12. Илья Муровиц и Чудище проклятое в Цареграде («Было у нас во Царе-граде...») / [Кривополенова Марья Дмитриевна] // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : [в 3 томах] / под ред. А. А. Горелова. Санкт-Петербург : Тропа Троянова, 2002–2003. (Полное собрание русских былин; Том 2). Том 1. Часть 1 : Поморье. Часть 2 : Пинега. 2002. С. 348–353.
13. Майков Л. Н. О былинах Владимирова цикла : Исследование Л. Майкова на степень магистра русской словесности. Санкт-Петербург : тип. Департамента внешней торговли, 1863. [4], 142 с.
14. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / [Академия наук СССР, Институт мировой литературы имени А. М. Горького]. Москва : Наука, 1976. 407 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока)
15. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса : ранние формы и архаические памятники. Изд. 2-е, испр. Москва : «Восточная литература» РАН, 2004. 462 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока / Российская академия наук, Отделение историко-филологических наук, Институт мировой литературы имени А. М. Горького, Российский государственный гуманитарный университет, Институт высших гуманитарных исследований)

16. Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское : Сравнительно-критические наблюдения над словесным составом народного русского эпоса. Санкт-Петербург : тип. Н.Н. Михайлова, 1869. 895 с.
17. Миронов А. С. Аксиологический подход в былиноведении: ценностный анализ русского эпоса в первой половине XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 60–77.
18. Миронов А. С. Либеральная интерпретация смыслов русского эпоса в российской науке, педагогике, искусстве // Культура и образование : научно-теоретический журнал вузов культуры и искусств. 2018. № 2 (29). С. 25–38.
19. Никифоров А. И. Фольклор Киевского периода // История русской литературы : в 10 томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ; гл. ред.: М. П. Алексеев, Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.), А. М. Еголин, Н. К. Пиксанов, А. А. Сурков. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941–1956. Том I. Литература XI – начала XIII века / редкол. тома: А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. 1941. С. 237–238.
20. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : в 3 томах / Карельский филиал АН СССР, Институт языка, литературы и истории ; под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск : Карелия, 1989–1991. Том 2 : Былины / [подгот.: А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец]. 1990. 640 с.
21. Плисецкий М. И. Историзм русских былин : учебное пособие для государственных университетов и педагогических институтов СССР. Москва : Высшая школа, 1962. 240 с.
22. Победа богатырей черниговского князя Олега со Святогором Романовичем во главе над войсками князя Додона; купанье Святогора с Ильей Муромцем, Добрыней и Алешей Поповичем; смерть во гробу и погребение Святогора / Аникиев Василий Петрович // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : [в 3 томах] / под ред. А. А. Горелова. Санкт-Петербург : Тропа Троянова, 2002–2003. (Полное собрание русских былин; Том 2). Том III. Часть 4 : Мезень. 2003. С. 239–245.
23. Пропп В. Я. Русский героический эпос. Москва : Лабиринт, 1999. 638 с. (Собрание трудов В. Я. Проппа)
24. Пропп В. Я. Русский героический эпос / Ленинградский ордена Ленина государственный университет имени А. А. Жданова. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. 552 с.
25. Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1960. 300 с.
26. Русская устная словесность / под ред., с введ. ст. и примеч. М. Сперанского. Москва : Издание М. и С. Сабашниковых, 1916–1919. Том 2 : Былины ; Исторические песни. 1919. XLVI, 585 с. : ил.
27. Русское народное поэтическое творчество / [отв. ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц]; Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1953–1956. Том 1 : Очерки по истории русского народного поэтического творчества X – начала XVIII веков. 1953. 540 с. : ил.
28. Русское народное поэтическое творчество / [отв. ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц]; Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1953–1956. Том 2, книга 1 : Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII – первой половины XIX века / отв. ред. чл.-кор. АН СССР Д. С. Лихачев. 1955. 544 с., 2 л. ил.
29. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. Москва, 1963.
30. Соломан и Василий Окулович / Исполн. А. А. Шишолова // Былины Печоры и Зимнего берега : (Новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова [и др.] ; [вступ. статья А. М. Астаховой]. Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1961. С. 91–94. (Памятники русского фольклора / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом) ; глав. ред.: А. М. Астахова и др.).
31. Стасов В. Происхождение русских былин // Вестник Европы. 1868. Том IV. Кн. 7.
32. Три поездки Ильи Муромца : [Былина] № 114 // Былины. Свод русского фольклора : в 25 томах / [Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом)] ; [редкол. Свода русского фольклора А. А. Горелов (гл. ред.) и др.] ; [редкол. сер. «Былины» Б. Н. Путилов (гл. ред.)

- и др.]. Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2001-. Том 1 : Север Европейской России. Былины Печоры / [подгот.: В. И. Еремина и др.]. 2001. С. 518–523.
33. Художественный фольклор. II–V / Орган Фольклорной подсекции Литературной секции ГАХН ; под ред. Юрия Соколова ; Государственная академия художественных наук. Москва : [б. и.], 1927–1929. Вып. II–III. Москва, 1927.
 34. Чичеров В. И. Русское народное творчество. Москва : Изд-во Московского университета, 1959. 522 с.
 35. Чичеров В. И. К проблеме исторической и жанровой специфики русских былин и исторических песен // Вопросы теории и истории народного творчества. Москва : Советский писатель, 1959. 310 с.
 36. Bowra C. M. *Heroic Poetry*. London, Macmillan, 1952. 590 p. (In English)
 37. Chadwick H. M., Chadwick N. Kershaw *The Growth of literature*. Cambridge University Press, 1936. Vol. II. (In English)
 38. Jacobson R., Szeftel M. *The Vseslav Epos. Russian Epic Studies. American Folklore Society*. Philadelphia, 1949. (In English)
 39. Mazon A. Mikula, le prodigieux laboureur. *Revue des Etudes Slaves*. 1931, tome XI, pp. 149–170. (In French)
 40. Trautmann R. *Die Volksdichtung der Grossrussen. Band I. Das Heldenlied (die Byline)*. Heidelberg, C. Winter, 1935. (In German)

References

1. Alesha Popovich and Tugarin. Bylina № 116. In: Gorelov A. A., chief editor *Byliny. Svod russkogo fol'klora. V 25 tomakh. Tom 1: Sever Evropeyskoy Rossii. Byliny Pechory. Podgotovlen V. I. Ereminoy i drugimi [Russian epic. Code of Russian folklore. In 25 volumes. Vol. 1. North European Russia. Russian epic of the Pechora. Ed. by V. I. Eremina, etc.]*. St. Petersburg, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, Moscow, Publishing House “Classica 21”, 2001. Pp. 527–530. (In Russian)
2. Anikin V. P. *Russky bogatyrsky epos [Russian heroic epic]*. Moscow, Publishing House “Prosveshchenie”, 1964. 191 p. (In Russian)
3. Astakhova A. M. *Byliny: Itogi i problemy izucheniya [Russian epics: Results and problems of study]*. Moscow, Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1966. 292 p. (In Russian)
4. Astakhova A. M. Il'ya Muromets v russkom epose [Ilya Muromets in the Russian epic]. In: Astakhova A. I., comp., Likhachev D. S., executive editor, Soboleva A. I., ed. *Ilya Muromets*. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Soviet Academy of Sciences, 1958. Pp. 393–419.
5. Dobryni fight with the Danube. Bylina № 138. In: Gorelov A. A., chief editor *Byliny. Svod russkogo fol'klora. V 25 tomakh. Tom 4: Byliny Mezeni. Redaktor A. A. Gorelov [Russian epic. Code of Russian folklore. In 25 volumes. Vol. 4. Russian epic of the Mezen. Ed. by A. A. Gorelov]*. St. Petersburg, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, Moscow, Publishing House “Classica 21”, 2001. Pp. 254–265. (In Russian)
6. Bonch-Bruevich V. D. V. I. Lenin ob ustnom narodnom tvorchestve [V. I. Lenin about oral folk art]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*. 1954, no. 4, pp. 117–131. (In Russian)
7. Grekov B. D. *Kievskaya Rus' [Kievan Russia]*. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Soviet Academy of Sciences, 1944. 348 p. (In Russian)
8. Dalgat U. B., Kidaysh-Pokrovskaya N. V., Pukhov I. V. V plenu predvzyatoy skhemy (O knige E. M. Meletinskogo “Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arkhaischeskie pamyatniki”. Moskva, 1963. 460 s.) [In captivity of a biased scheme (About the book by E. M. Meletinsky “The Origin of the Heroic Epos. Early Forms and Archaic Monuments”. Moscow, 1963. 460 p.)]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*. 1965, no. 5, pp. 94–113. (In Russian)
9. Dunay Ivanovich (“Byl zhil Dunayushka, ne slavilse...”). Zapisano ot Mar'i Fedorovny Pridannikovoy [Dunay Ivanovich (“Dunyushka lived, was not famous ...”). Written by Maria Fedorovna Pridannikova. In: Ivanova T. G., executive editor *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi. Sobranie A. V. Markova [Belomorsky antiquities and spiritual poems. A collection of A. V. Markov]*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publishing House, 2002. Pp. 615–620. (In Russian)
10. Zhirmunsky V. M. *Epicheskoe tvorchestvo slavyanskikh narodov i problemy sravnitel'nogo izucheniya eposa [Epic creativity of Slavic peoples and the problems of comparative study of the epos]*. Moscow, Publishing house of the Soviet Academy of Sciences, 1958. 145 p. (In Russian)

11. Astakhova A. I., comp., Likhachev D. S., executive editor, Soboleva A. I., ed. *Ilya Muromets*. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Soviet Academy of Sciences, 1958. 557 p.
12. Ilya Murovits' i Chudishche proklyatoye v Tsaregrade ("Bylo u nas vo Tsare-grade..."). [Krivopolenova Marya Dmitrievna] [Ilya Murovyts and the Monster Cursed in Tsar-Grad ("We had in Tsar-Grad ...")] by Krivopolenova Maria Dmitrievna]. In: Gorelov A. A., ed. *Arkhangelskie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigor'yevym v 1899–1901 gg. s napevami, zapisannymi posredstvom fonografa. V 3 tomakh, tom 1 [Arkhangelsk epics and historical songs collected by A. D. Grigoriev in 1899–1901 with melodies recorded by phonograph. V 3 vol., vol. 1]*. St. Petersburg, 2002. Pp. 348–353. (In Russian)
13. Maykov L. N. *O bylinakh Vladimirova tsikla: Issledovaniye L. Maikova na stepen' magistra russkoy slovesnosti [About the Russian epics of the Vladimir cycle: L. Maikov's research for the master's degree in Russian literature]*. St. Petersburg, 1863. 142 p. (In Russian)
14. Meletinsky E. M. *Poetika mifa [Poetics of Myth]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1976. 407 p. (In Russian)
15. Meletinsky E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: rannie formy i arkhaischeskie pamyatniki [The origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments]*. 2nd edition. Moscow, Russian Academy of Sciences "Vostochnaya literatura" ("Oriental Literature") Publishers, 2004. 462 p. (In Russian)
16. Miller O. F. *Ilya Muromets i bogatyrstvo kiyevskoe: Sravnitel'no-kriticheskie nablyudeniya nad sloevym sostavom narodnogo russkogo eposa [Ilya Muromets and the Kiev Bogatyrdom: Comparative Critical Observations on the Layered Composition of the Popular Russian Epos]*. St. Petersburg, 1869. 895 p. (In Russian)
17. Mironov A. S. Axiological approach in epic studies: value analysis of the Russian epic in the first half of the XX century. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2018, no. 6 (86), pp. 60–77. (In Russian)
18. Mironov A. S. Liberal interpretation of the meanings of the Russian epos in Russian epic studies, pedagogy, art. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2018, no. 2 (29), pp. 25–38. (In Russian)
19. Nikiforov A. I. Fol'klor Kievskogo perioda [Folklore of the Kiev period]. In: Belchikov N. F., chief editor *Istoriya russkoy literatury, v 10 tomakh. Tom I. Literatura XI – nachala XIII veka. Redkollegiya toma: A. S. Orlov, V. P. Adrianova-Perets, N. K. Gudzy [History of Russian literature, in 10 volumes. Volume I. Literature XI – the beginning of the XIII century. Ed. by A. S. Orlov, V. P. Adrianova-Perets, N. K. Gudzy]*. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Soviet Academy of Sciences, 1955. Pp. 237–238. (In Russian)
20. Putilov B. N., ed. *Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym. V. 3 tomakh, tom 2 [Songs collected by P. N. Rybnikov. In 3 vol., vol. 2]*. Petrozavodsk, Publishing house "Karelia", 1990. 640 p. (In Russian)
21. Plisetsky M. I. *Istorizm russkikh bylin [Historicism of the Russian epics]*. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1962. 240 p. (In Russian)
22. Pobeda bogatyrey chernigovskogo knyazya Olega so Svyatogorom Romanovichem vo glave nad voyskami knyazya Dodona; kupanye Svyatogora s Ilyey Muromtsem, Dobryney i Aleshey Popovichem; smert' vo grobu i pogrebeniye Svyatogora. [Anikiev Vasily Petrovich] [The victory of the heroes of Chernigov Prince Oleg with Svyatogor Romanovich, led by the troops of Prince Dodon; the bathing of Svyatogor with Ilya Muromets, Dobrynya and Alyosha Popovich; death in the grave and the burial of Svyatogor, by Anikiev Vasily Petrovich]. In: Gorelov A. A., ed. *Arkhangelskie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigor'yevym v 1899–1901 gg. s napevami, zapisannymi posredstvom fonografa. V 3 tomakh, tom 3 [Arkhangelsk epics and historical songs collected by A. D. Grigoriev in 1899–1901 with melodies recorded by phonograph. V 3 vol., vol. 3]*. St. Petersburg, 2003. Pp. 239–245. (In Russian)
23. Propp V. Ya. *Russkii geroicheskii epos [Russian heroic epic]*. Moscow, Labirint Press publishers, 1999. 638 p. (In Russian)
24. Propp V. Ya. *Russky geroicheskyy epos [Russian heroic epic]*. Leningrad, Publishing house of the Leningrad State University, 1955. 552 p. (In Russian)
25. Putilov B. N. *Russky istoriko-pesennyi fol'klor XIII–XVI vekov [Russian historical and song folklore of the 13rd – 16th centuries]*. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 300 p. (In Russian)

26. Speransky M., ed. *Russkaya ustnaya slovesnost'. Tom 2. Byliny; Istoricheskie pesni* [Russian oral literature, Vol. 1. Epics; Historical songs]. Moscow, Publishing House of the M. and S. Sabashnikovs, 1919. 585 p. (In Russian)
27. Adrianova-Perets V. P., ed. *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo. Tom 1: Ocherki po istorii russkogo narodnogo poeticheskogo tvorchestva X – nachala XVIII vekov* [Russian folk poetry. Volume 1: Essays on the history of Russian folk poetic art 10th – early 13rd centuries]. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1953. 540 p. (In Russian)
28. Adrianova-Perets V. P., ed. *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo. Tom 2, kniga 1: Ocherki po istorii russkogo narodnogo poeticheskogo tvorchestva serediny XVIII – pervoy poloviny XIX veka. Otvetstvennyy redactor toma D. S. Likhachev* [Russian folk poetry. Volume 2, Book 1: Essays on the history of Russian folk poetry of the mid 18th – first half of the 19th centuries. Responsible editor D. S. Likhachev]. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. 544 p. (In Russian)
29. Rybakov B. A. *Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi* [Ancient Russia. Legends Bylina. Chronicles]. Moscow, 1963. (In Russian)
30. Soloman i Okulovich. Ispolnitel' A. A. Shisholova [Soloman and Okulovich. Artist A. A. Shisholov]. In: Astakhova A. A., etc., eds. *Byliny Pechory i Zimnego berega (Novye zapisi)* [Bylina Pechora and the Winter Shore (New entries)]. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. Pp. 91–94. (In Russian)
31. Stasov V. Proiskhozhdenie russkikh bylin [The origin of Russian epics]. *Vestnik Evropy* [European Bulletin]. 1868, tom IV, book 7. (In Russian)
32. Tri poezdki Ilyi Muromtsa [Three trips of Ilya Muromets]. In: Gorelov A. A., chief editor *Byliny. Svod russkogo fol'klora. V 25 tomakh. Tom 1: Sever Evropeyskoy Rossii. Byliny Pechory. Podgotovlen V. I. Ereminoy i drugimi* [Russian epic. Code of Russian folklore. In 25 volumes. Vol. 1. North European Russia. Russian epic of the Pechora. Ed. by V. I. Eremina, etc.]. St. Petersburg, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, Moscow, Publishing House “Classica 21”, 2001. Pp. 518–523. (In Russian)
33. Sokolov Yu., ed. *Khudozhestvennyy fol'klor. V II–V vyp., vyp. II–III* [Art Folklore. In II–V issues, issues II–III]. Moscow, 1927. (In Russian)
34. Chicherov V. I. *Russkoe narodnoe tvorchestvo* [Russian folk art]. Moscow, Publishing house of Lomonosov Moscow State University, 1959. 522 p. (In Russian)
35. Chicherov V. I. K probleme istoricheskoy i zhanrovoy spetsifiki russkikh bylin i istoricheskikh pesen [To the problem of historical and genre specifics of Russian epics and historical songs]. *Voprosy teorii i istorii narodnogo tvorchestva* [Questions of the theory and history of folk art]. Moscow, Publishing house “Soviet writer”, 1959. 310 p. (In Russian)
36. Bowra C. M. *Heroic Poetry*. London, Macmillan, 1952. 590 p. (In English)
37. Chadwick H. M., Chadwick N. Kershaw *The Growth of literature*. Cambridge University Press, 1936. Vol. II. (In English)
38. Jacobson R., Szeftel M. *The Vseslav Epos. Russian Epic Studies. American Folklore Society*. Philadelphia, 1949. (In English)
39. Mazon A. Mikula, le prodigieux laboureur. *Revue des Etudes Slaves*. 1931, tome XI, pp. 149–170. (In French)
40. Trautmann R. *Die Volksdichtung der Grossrussen. Band I. Das Heldenlied (die Byline)*. Heidelberg, C. Winter, 1935. (In German)

*

ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫЙ АНСАМБЛЬ ЦАРСКОГО СЕЛА КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ГЕШТАЛТ: МОРФОГЕНЕЗ И АРХИТЕКТОНИКА.

Статья вторая

УДК 930.85:069.8

А. В. Бондарев^{1 3}, И. В. Леонов^{2 3}

¹Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

²Санкт-Петербургский государственный институт культуры

³Государственный литературно-мемориальный музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме

Статья посвящена анализу комплекса теоретико-методологических подходов к изучению памятников культурного наследия, в частности памятников со сложной структурой. В тексте продолжается обзор основных этапов развития Царскосельского дворцово-паркового ансамбля, выступающего в качестве яркого примера анализируемых памятников. Выявляется изначальный «первообраз» Царскосельского ансамбля, раскрывается процесс взаимопроникновения различных «напластований», составляющих его морфогенез, анализируется вопрос фиксации «эталонного слоя» дворцово-паркового ансамбля Царского Села и некоторые другие аспекты. Затрагивается проблема сохранения и экспонирования «многослойных» артефактов, включая анализ различных вариантов её решения.

Ключевые слова: культурное наследие, гештальт, архитектоника, генезис, культурный организм, историко-культурный процесс, дворцово-парковый ансамбль, Царское Село, экспонирование, «многослойный» артефакт.

¹БОНДАРЕВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме

BONDAREV ALEXEY VLADIMIROVICH – Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of Theory and History of Culture, the Herzen State Pedagogical University; senior methodologist, the State Literary and Memorial Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House

²ЛЕОНОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме

LEONOV IVAN VLADIMIROVICH – Full Doctor of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Theory and History of Culture, the St. Petersburg State Institute of Culture; senior methodologist, the State Literary and Memorial Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House

e-mail: aleksej-bondarev@yandex.ru¹, ivaleon@mail.ru²

© Бондарев А. В., Леонов И. В., 2019

A. V. Bondarev^{1 3}, I. V. Leonov^{1 3}

¹Herzen State Pedagogical University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moika Embankment, 48, 191186, St. Petersburg, Russian Federation

²St. Petersburg State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura), Dvortsovaya naberezhnaya, 2, 91186, St. Petersburg, Russian Federation

³State Literary and Memorial Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House, Liteiny prospect, 53, 191014, St. Petersburg, Russian Federation

**PALACE AND PARK ENSEMBLE OF TSARSKOYE SELO
AS A HISTORICAL AND CULTURAL GESTALT:
MORPHOGENESIS AND ARCHITECTONICS. PART TWO**

The article is devoted to the analysis of the complex of theoretical and methodological approaches to the study of monuments of cultural heritage, in particular, monuments with complex structure. The text continues the review of the main stages of development of the Tsarskoye Selo Palace and Park ensemble acting as a vivid example of the analyzed monuments is carried out. The initial “prototype” of the Tsarskoye Selo ensemble is revealed, the process of interpenetration of various “layers” that make up its morphogenesis is revealed, the question of fixing the “reference layer” of the Tsarskoye Selo ensemble and some other aspects are analyzed. The problem of preserving and exposing of “multilayered” artifacts is touched upon, including the analysis of various options for its solution.

Keywords: cultural heritage, gestalt, architectonics, genesis, cultural organism, historical-cultural process, palace and park ensemble, Tsarskoe Selo, exposure, the “multilayered” artifact.

Для цитирования: Бондарев А. В., Леонов И. В. Дворцово-парковый ансамбль Царского Села как историко-культурный гештальт: морфогенез и архитектоника. Статья вторая // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 74–85.

Царскосельский дворцово-парковый ансамбль прошёл в своём развитии через целый ряд метаморфоз. В предшествующей статье нами был рассмотрен период органического роста этого ансамбля в соответствии с единым и целостным стилевым замыслом. Всеобщее восхищение вызывало сказочное великолепие дворцов, увенчанных скульптурными композициям и куполами с золотыми маковками. Захватывали дух уходящие в бесконечную даль торжественные панорамы регулярных парков, украшенных белоснежными мраморными статуями и витиеватыми партерами. Изумляла роскошь, пышность и праздничность декоративного убранства, изысканная красота и блеск внутренних интерьеров, которым не было равных... Вместе с тем следует обратить внимание на то, что многие

постройки и большая часть декоративных украшений Большого дворца, которые успели создать при Елизавете Петровне, были не столько рассчитаны на долговечность, сколько призваны обозначить целостность общего замысла этого грандиозного по своим масштабам ансамбля. Для строительства из долговечных материалов были необходимы время и деньги, а Растрелли и его венценосной заказчице не хватало и того, и другого. Тем не менее императрица очень торопила своего любимого архитектора. Но даже при всей этой лихорадочной спешке строительных работ целостность воплощения замысла была гораздо важнее его долговечности в деталях и конкретных реалиях. Предполагалось, что в дальнейшем им на смену придут постройки и убранство из более долговечных материалов, но с сохранением сво-

его «праобраза» и в тех же стилевых формах. Однако после смерти Елизаветы Петровны этим долгосрочным планам не суждено было сбыться. На рубеже 1760–1770-х годов достаточно стремительно произошла смена доминирующего стиля: барокко и рококо были вытеснены классицизмом. Свою роль сыграли также и личные вкусы и предпочтения новой хозяйки Царского Села – Екатерины II, пришедшей к власти в ходе очередного дворцового переворота. Ей необходимо было идеологически обосновать свои притязания, и это, в частности, отразилось в существенном изменении идейной программы одной из главных императорских резиденций – Царского Села.

Новая императрица испытывала явную нелюбовь ко всему, что было связано с её царственной предшественницей. Именно Екатерина положила начало внесению искажений в уже сложившийся целостный барочный ансамбль «Елисаветинского Парадиса», его различным дополнениям в угоду собственному вкусу, «капризам», веяниям моды, а также предпочтению комфорта и удобства. Показательно письмо Екатерины II госпоже Жоффрен (Marie-Therese Rodet Jeoffrin), с пометкой получателя «15 января 1766», в котором императрица пишет: «Вот уже семь дней, как живу я на даче, в доме который покойная Императрица Елисавета заблагоразсудила вызолотить вне и внутри; в нём нет ни одного удобного кресла, а это не придаёт ума; я вас предупреждаю, что в сегодняшнем письме вы ума не найдёте; нам сегодня будет не ловко, нет даже возможности облокотиться на стол» [8, с. 281]. Как следствие, итогом её вмешательств в доставшейся ей от предшественницы дворцово-парковый ансамбль Царского Села стало нарушение стилевой целостности и его наполнение разнородными пристройками, мемориями и увесели-

тельными сооружениями. В этой разнородности и сформировался новый облик ансамбля. Причём отмеченная традиция преобразований в несколько более деликатной форме стала нормой и для последующих самодержцев, уделявших внимание Царскому Селу. В данном случае сложно судить, насколько оправданны с эстетической точки зрения были многие вмешательства и дополнения, но так или иначе они «отпечатались» в гештальте ансамбля как своеобразные «следы времени».

Неоднозначную оценку вызывают екатерининские вмешательства в архитектуру Большого Царкосельского дворца. Так, в 1779–1784 годах по проекту архитектора Ю. М. Фельтена и при участии В. И. Неелова, Ч. Камерона и Дж. Кваренги к зданию дворца были пристроены два флигеля – у Воскресенской церкви и с противоположной стороны – Zubовский флигель, для чего был уничтожен корпус, увенчанный куполом со звездой, где прежде находились Главный вход во дворец и Парадная лестница [1, с. 80]. Новую Парадную лестницу Екатерина распорядилась соорудить в центральной части дворцового здания, для чего пришлось демонтировать Китайский зал, находившийся там при Елизавете Петровне.

В Zubовском флигеле были размещены покои Екатерины II и комнаты её фаворитов. Эта пристройка в стиле раннего классицизма хоть и гармонировала с английским садом, на который она выходила фасадом, но была абсолютно чужеродна всему дворцовому ансамблю и принципиально противоречила замыслу Растрелли. Кроме того, С. Н. Вильчковский пишет, что в рассматриваемый период «как дворец, так и полуциркуля лишились украшений на крышах ... добавлены подъезды; изменены формы церковных куполов ... нет белой блестящей крыши, нет позолоты; исчезли правиль-

ные, вычурные сады и цветники, занимавшие часть площади между полуциркулями и спускавшиеся по террасам к прелестному Эрмитажу» [2, с. 82]. Эта же ситуация касается дополненных дворец «терм Камерона», включающих Холодную баню с Агатовыми комнатами и Висячий сад, а также Камеронову галерею и Пандус, работы по возведению которых велись в течение 1780–1788 годов.

При всех отдельно взятых художественных достоинствах отмеченные пристройки оказались нагромождены друг на друга, хотя имели бы несомненный эстетический эффект на соответствующем пространственном отдалении от дворца. В результате в силу ограниченности территории Екатерининского парка, а также акцентов на личном удобстве, свойственных Екатерине в последние годы её жизни, сформировалась особая стилевая эклектика, искажавшая барочную целостность гештальта всего дворцово-паркового ансамбля в угоду созданию комфортного жилого пространства для императрицы, а также её личных пристрастий. Примечательно, что А. Н. Бенуа, описывая перестройку парадной лестницы, инициированную Екатериной II, использует формулировку «уничтожила великолепное сооружение» [1, с. 93]. Эта же ситуация касается и мелких строений и меморий, которые создавались при Екатерине II, а также при последующих самодержцах, что вело к своеобразному «уплотнению» и перенасыщению Нового сада и особенно Екатерининского парка. Помимо названного, к рассматриваемому слою относится создание архитекторами В. И. Нееловым, Ч. Камероном, П. В. Нееловым, И. В. Нееловым, А. Ринальди, Ю. М. Фельтеном, Дж. Кваренги, И. К. Герардом множества небольших сооружений, дворцовых построек, павильонов и садово-парковых пространств.

Тем не менее екатерининские начинания по изменению елизаветинского барочного ансамбля, выраженные в переходе к классицизму, в XVIII столетии завершены не были и продолжились в XIX веке, но уже с учётом новых историко-культурных веяний. Однако екатерининское вмешательство, исказившее стилевое единство комплекса, всё же породило пусть и смешанный, но качественно новый облик ансамбля, который обрёл целостность «вплетённых» друг в друга разновременных сооружений, смыслов, «легенд» и ассоциаций. В данном случае проявляется ещё один аспект комплексного подхода к изучению сложных артефактов, связанный с их авторством, поскольку многократно изменяемое творцами и владельцами материальное, художественное и смысловое пространство таких памятников постепенно становится коллективным произведением [см.: 6, с. 20]. В отмеченном ракурсе царскосельский «организм» не создан единожды, напротив, он создаётся и преобразуется на протяжении всего периода существования, включая настоящее время. И Екатерина II в этом смысле – один из его создателей.

Показательным примером екатерининского «авторства» и вмешательства в елизаветинские начинания стало упомянутое выше закрашивание позолоты на архитектурных элементах Большого дворца и Эрмитажа. Этот эпизод, усиливаемый легендой о том, что Екатерина II в ответ на предложение счистить позолоту за деньги, сказала, что «императорских обносков не продаёт» [см: 2, с. 81], стал непременным участником многих обзоров по истории Царского Села. Характерно, что в приведённом примере *отсутствие* стало выступать как *памятник*, войдя в царскосельский гештальт и вступив в игру с его смыслами и формами. То же самое можно сказать и о

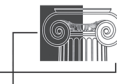
скульптурно-декоративном убранстве крыш Большого дворца, «полуциркулей» и Эрмитажа, которые были «очищены» по приказу Екатерины II, исходившей как из фактора его ветшания, так и из собственных вкусовых предпочтений. И теперь данные *пустоты* выступают свидетелями события в жизни ансамбля, какой бы противоречивый характер оно ни носило. В этом сплетении и соприсутствии слоёв обнаруживается сложная полифония генезиса материальной и смысловой сторон комплекса, слои которого насаживаются на первообраз как на ось пирамиды, но, утрачивая чёткую стратификацию, местами «пропитывают», искажают, усиливают и преломляют друг друга. И в данном случае «игра слоёв» становится тем аспектом, на который в рамках рассматриваемых теоретико-методологических подходов необходимо делать особый акцент, показывая созвучия и противоречия, возникающие между различными этапами морфогенеза сложного артефакта.

Следующий этап метаморфоз царско-сельского ансамбля относится к первой половине XIX века, времени правления Александра I и Николая I, уделявших особое внимание своей любимой летней резиденции. В это время комплекс, отражая основные политические веяния, тенденции европейской художественной культуры, вкусы и моду, постепенно окутывается «ореолом» руин и романтики прошлых эпох. Пейзажные парки окружают дворцовые здания; классицизм удерживает позиции основного стиля и лишь после 1830-х годов начинает их утрачивать.

К этому времени относится слияние Нового сада и Зверинца в единый ансамбль Александровского парка. Здесь архитектор Адам Менелас создал несколько сооружений, формирующих его своеобразный «средневековый слой» и органично впи-

савшихся в окружающий ландшафт. Так, в 1819–1834 годах в центре освободившегося от стен Зверинца радикальным образом перестраивается одна из жемчужин елизаветинского ансамбля – Монбизу, что, по сути, привело к уничтожению этого архитектурного шедевра Растрелли. На месте Монбизу был выстроен новый павильон, напоминавший своим обликом средневековый замок и получивший название «Арсенал», поскольку в нём была размещена коллекция оружия Николая I, состоявшая из 5 000 «номеров» [2, с. 196]. Другими сооружениями, выполненными в средневековом духе, является комплекс Белой башни и готический павильон-руина Шапель. Кроме того, в этот период были построены Гранитная терраса; фонтан «Молочница»; ворота «Любезным моим сослуживцам»; здания Фермы и целый комплекс различных сооружений и павильонов.

Необходимо указать, что представленный слой эволюции Царского Села хоть и содержит дальнейшие искажения замысла Растрелли, начатые Екатериной II, в отдельных случаях не диссонирует с предшествующими состояниями ансамбля, поскольку наподобие «годовых колец» в основном затронул его периферию. Исключение здесь составляет, пожалуй, принесённый в жертву веяниям моды Монбизу – истинный шедевр барокко, «тень» которого не покидает это место, во многом диссонируя с крепостными стенами Арсенала и усиливая «напряжение» его смыслового пространства. Показательно, что, ориентируясь на сложную природу как самого царско-сельского гештальта, так и его составных частей, специалисты, экскурсоводы и журналисты, порой не задумываясь над этим, стараются раскрыть морфогенез его материальных форм и «смысловой ауры» с учётом несохранных слоёв. Это позволяет обогащать и ус-

ложнять памятник, создавая целые «миры» в воображении публики [9; 10]. Причём подобные практики порой не требуют больших материальных затрат, поскольку нередко достаточно сказанного об артефакте (например, нескольких строк стихотворения Пушкина или легенды о часовом, много лет охраняющем цветок в саду), либо демонстрации небольшого участка раскрытия определённого слоя (фрагмента штукатурки или обоев), чтобы слушатель наполнил картину его истории образами и смыслами [5, с. 111–112]. Данное качество сложных артефактов позволяет создавать массу тематических акцентов и многозвучий в рамках историко-культурных «путешествий», осуществляемых в одном пространстве, всего лишь меняя «призмы времени», а точнее совершая «гештальт-переключения», тем самым избегая линейных хрестоматийных клише¹. Отмеченная тактика восприятия множества слоёв через их «улики» в рамках непосредственного контакта с одним состоянием памятника вполне применима к многослойным артефактам любого рода.

В качестве ещё одного историко-культурного состояния анализируемого гештальта предстаёт «пушкинский слой», фиксируемый в рамках александровского периода. Его специфика заключается в том, что он во многом нематериален и затрагивает «семиосферу» ансамбля, невероятно обогащая и расширяя её, наполняя новыми образами, смыслами и сюжетами. В свою очередь, данный пласт накладывается на материальную сторону дворцово-паркового комплекса, усложняя её устойчивые интерпретации и поэтизируя их. Помимо прочего, пушкинское присутствие отражено и в

буквальном смысле, например, в перестроенном в 1811 году В. П. Стасовым для нужд Лицея Великокняжеском флигеле. В данном случае, несколько изменяя и расширяя ракурс, можно говорить и о фиксации «лицейского слоя», тем самым касаясь проблемы «расщепления» и «дробления» больших слоёв, пространственно-временные ритмики которых могут несколько различаться.

После периода относительного затишья, охватывающего середину и конец XIX века, к существенным постройкам которого относится Турецкая баня, созданная по проекту И. Монигетти в 1850–1852 годах, и Собственный садик, разбитый в 1855–1856 годах, следующий этап значимых метаморфоз рассматриваемого ансамбля относится ко времени рубежа веков.

В этот период, во многом по причине внешней и внутрисполитической обстановки, на окраине Александровского и Фермского парков, возле возведённого по проекту С. С. Кричинского в 1909–1912 годах Фёдоровского собора, был создан комплекс сооружений, стилизованных под русскую архитектуру допетровского времени, в частности, в стиле Ростовского кремля. Среди них особенно выделяются Фёдоровский городок, Ратная палата и казармы Собственного Его Императорского Величества конвоя, сооружённые в 1913–1917 годах. Данный неорусский комплекс, тесно связанный с политическими событиями, иллюстрирует яркую слоевую специфику ансамбля.

Рассматривая историогенез царскосельского гештальта, нельзя обойти вниманием его «сквозные структуры», выраженные в неких тематических единствах, пронзающих его историю наподобие «рентгеновских лучей». Среди таких структур обращают на себя внимание военно-политические, историко-культурные, династические, стилевые и другие устойчивые аспекты. Отмеченные

¹ В данном случае особого внимания заслуживают цифровые технологии дополненной реальности, получающие всё большее распространение в современной музейной практике.

«нити времени», выписывая определённые фигуры и зигзаги, временами обрываясь и снова возобновляясь, также представляют собой интерес и могут быть прочерчены в рамках изучения истории сложных артефактов, с учётом широкого спектра внутренних взаимосвязей и контекстуальных процессов. Примером такой структуры является серия военных меморий, трофеев и «ратных» сооружений Царскосельского комплекса, раскрывающих военную историю России XVIII–XX веков.

Особый «след» истории начала XX века связан с концом Российской империи и династии Романовых, поскольку Николай II, находившийся после Февральской революции с марта по август 1917 года под арестом в Царском Селе, был переправлен со своей семьёй в Тобольск из Александровского дворца, который «помнит» один из последних этапов истории царской России. Примечательно, что ещё недавно отмеченный слой был в «тени», поскольку не соответствовал актуальной составляющей наследия советской эпохи. В её контексте время, породившее революционную ситуацию, не должно было иметь какой-либо притягательности. Однако в настоящий период архитектурные сдвиги в сфере культуры и культурного наследия привели к явной актуализации данного времени, имеющего определённые соответствия с постсоветским переходным периодом, а потому вызывающего интерес. Данный пример показывает, что в контексте сложных преобразований культуры и её наследия потенциальную значимость имеют все его аспекты, а потому сохранение и расчистка отдельных составляющих наследия в угоду сиюминутным конъюнктурам может таить опасность утраты других неактуальных сегментов. Как следствие, в сложных артефактах данная проблема получает наиболее острый характер, поскольку вме-

шательство в их структуру в целях сохранения одного слоя, как правило, ведёт к искажению невогребованных состояний.

Отдельный период в истории Царскосельского комплекса связан с Великой Отечественной войной. Так, 15 сентября 1941 года он подвергся артиллерийскому обстрелу, а спустя два дня сюда ворвались фашистские полчища [7, с. 23–24]. Захватчики оставили свой «след» в истории ансамбля. Они разграбили всё, что смогли; Большой дворец был изувечен и сожжён; множество павильонов превращено в руины; в Зубовском флигеле Дворца в подвалах без окон располагалось гестапо, где допрашивали и пытали советских граждан; шло планомерное разграбление шедевров, они вывозились разными германскими ведомствами и воинскими подразделениями в несколько этапов; пострадала большая часть парковых насаждений; перед главным входом в Александровский дворец захватчики хоронили своих офицеров; отступая, они заминировали Большой дворец, Камеронову галерею, а также ряд других памятников и т.д. [7, с. 24]. Причём это лишь малая часть того, что было сделано оккупантами в Царском Селе.

24 января 1944 года город Пушкин был освобождён, но «военный слой» навсегда остался в истории комплекса, как и в истории Отечества. В ансамбле сохранились следы войны и были созданы мемориальные места, связанные с войной. В Александровском парке находится памятник, посвящённый сформированным в Пушкине 76-му и 77-му истребительным батальонам, в состав которых входили работники предприятий и учреждений города, преподаватели вузов, студенты и старшеклассники. Мемориал поставлен на месте гибели 14 сентября 1941 года у посёлка Александровка почти всей группы пушкинских милиционеров,

спешивших на помощь защитникам города. Надпись на мемориале гласит: «Здесь в сентябре приняли неравный бой с немецко-фашистскими захватчиками 76 и 77 истребительные батальоны, сформированные из рабочих и служащих, сотрудников милиции и молодёжи города Пушкина». Сохранена и ухожена могила советского военнослужащего Юлия Чахурского в Баболовском парке, с надписью на памятнике «Здесь похоронен Юлик Чахурский, убитый во время Великой Отеч. Войны 27 июля 1941 г., род. 27 ноября 1913 г.». Рядом с Китайским театром находится могила генерал-лейтенанта Ивана Васильевича Хазова, командовавшего 110-м стрелковым корпусом, освобождавшим город Пушкин, и т.д. Наконец, сами разрушенные полностью или частично павильоны и памятники, которые не восстановлены к настоящему времени, являются собой свидетельства войны. Сохранение данных свидетельств на памятниках даже после их реставрации является особой музейной практикой. Кроме того, в Царском-Сельском ансамбле, помимо ещё не восстановленных памятников, например Китайского театра, хранится множество артефактов, носителей «военных шрамов», которые не удалось эвакуировать и которые послужили основой или прообразами для последующих реставрационных работ. Показательно, что свидетельства войны остаются даже после реставрации: например, на мраморе Парадной лестницы Большого дворца сохранились следы кровельного железа с обвалившейся во время войны крыши.

Специфика данного слоя носит противоречивый характер, поскольку воздействие войны на культурное наследие принципиально неприемлемо и катастрофично. И в случае, если такое воздействие оказано, казалось бы, вполне логично в рамках работы по сохранению культурного наследия

его преодолевать, возвращая пострадавшим артефактам их первоначальный вид. Иначе говоря, в таком ракурсе все следы войны должны «стираться». И вот тут яркое проявление находит феномен сложной архитектуры культурного наследия, представляющего как многогранный комплекс «генетического материала», включающего коллективную память, артефакты, смыслы, ценности, различные программы деятельности, стереотипы поведения и т.д., необходимые для осуществления культурогенеза. В таком видении «шрамы» и мемории, которые оставляют войны, выступают свидетелями событий и носителями смыслов, имеющих мощнейший сакральный заряд. Как следствие, «военные слои» нередко сохраняются фрагментарно, а порой и полностью, дополняя материально-смысловую структуру артефактов. И в данном случае Царское-Сельский комплекс, пройдя через период Великой Отечественной войны, несёт на себе её следы и память, в соответствии с сакральными аспектами отечественной культуры.

Тем не менее разрушения в Царском-Сельском ансамбле были настолько велики, что обойтись без всеобъемлющей реставрации было невозможно, даже ценой вступления в противоречия с некоторыми стратегиями работы с культурным наследием, принятыми в международной практике.

Переходя к периоду долгой и кропотливой реставрации и «воссоздания» дворцово-паркового ансамбля, отметим, что в этом отношении не оценим вклад архитектора-реставратора Александра Александровича Кедринского, руководившего реставрационными работами почти полвека и за это справедливо называемого коллегами «вторым Растрелли». Так, в результате восстановления парков, некоторых павильонов и Большого дворца комплекс стал обретать «вторую жизнь».

Работы, начатые после войны, продолжают до сих пор, и многие сооружения и интерьеры ждут своего «часа возрождения». В наше время всё ещё не восстановлен Баболовский дворец, Китайский театр, Фёдоровский городок и т.д. В определённой степени данные лакуны связаны как со сложностью самих реставрационных работ, так и с их дороговизной. Сейчас данные работы находятся в явной зависимости от экономической конъюнктуры. И тем не менее в постсоветское время воссоздана Янтарная комната; отреставрированы мосты в Александровском парке; Белая башня; Ратная палата; Арсенал; Агатовые комнаты; в настоящее время также идут работы над несколькими проектами.

В данном случае необходимо указать на то, что, по сути, многие объекты «воссоздаются», то есть возводятся на основе малой степени сохранности аутентичной материальной составляющей, однако с соблюдением соответствующих технологий, тождественных материалов, документальных обоснований, принципа научности и принципа ансамблевости, суть которого состоит и в том, чтобы каждый восстанавливаемый архитектурный объект мыслится не сам по себе, а как составная часть окружающей среды в её естественной исторической изменчивости. Отмеченный вид реставрации убедительно обосновал в своих работах и практической деятельности А. А. Кедринский [см.: 3; 4]. Кроме того, данная стратегия восстановления, в силу огромных и порой невозможных утрат, носит исторически оправданный характер. Слишком высок статус и сакральность данных памятников и «свидетельств истории» для отечественной культуры. Ансамбль, будучи национальным достоянием, адаптировавшись к рыночным условиям, восстанавливается и «живёт», сохраняя и раскрывая перед посе-

тителами генетику своего развития и в то же время проявляя в едином «аккорде» все свои историко-культурные состояния.

Подытоживая проведённый анализ, отметим, что в силу формата статьи, некоторые слои (в частности, довоенный советский слой), включая различные формы их «расщеплений», а также целый ряд факторов были оставлены за пределами нашего рассмотрения. Например, изменение территорий парков, садов и их планировки, включая смену их названий; не затрагивались интерьеры дворцовых помещений и павильонов, морфогенез которых тоже сложен и исторически изменчив; а также динамика изменений «слободы дворцовых служителей» (Царское Село, Детское Село, г. Пушкин), органично сочетавшаяся с развитием всего комплекса.

Применение предложенных теоретико-методологических подходов позволяет увидеть в Царскосельском ансамбле не статичный памятник, а *сложный, развивающийся историко-культурный «организм»*, в генезисе которого как в капле воды отразились многие сущностно важные представления о мире, о природе, её преобразованиях человеком, о прекрасном и, конечно, о самих себе и идеальном устройстве общества. На основе этих подходов можно проводить анализ генетически связанных друг с другом слоёв ансамбля, «врастающих» в изначальный первообраз, дополняющих и «расширяющих» его пространство, а также «смысловую ауру», одновременно соприисутствуя в постоянно преобразующемся памятнике. В истории Царскосельского ансамбля значимость имеет каждое «годовое кольцо». Данные «кольца», или слои, могут восприниматься по-разному. Например, они могут «отрываться» друг от друга, контрастировать, вступать в противоречия и даже усиливать друг друга, формируя не-

кие спектры состояний и смыслов. С другой стороны, они могут сплетаться и «размываться», переходя один в другой, утрачивая границы и образуя единую историко-культурную «ризому». Следуя логике Христиана фон Эренфельса, обозначенной им в работе «О гештальт-качествах» (1890) [11], можно сказать, что речь идёт о гештальте в движении – это «историко-культурная музыка», звучание которой проявляет смену всех её состояний. Они соприсутствуют, образуют «складки» и раскрываются в целостности единого и живущего во времени «произведения».

Рассмотренный материал, будучи тесно связанным с проблемой сохранения и реставрации памятников культуры, высвечивает довольно сложный вопрос: *какой должна быть стратегия сохранения и экспонирования памятника, историческое развитие которого включает множество сменяющихся друг друга и сопричастных состояний?*

Данный вопрос имеет несколько путей решения. Во-первых, достаточно распространённый характер носят практики «очищения» одного исторического состояния. Во-вторых, решение приведённого выше вопроса возможно через экспонирование фрагментов изначального или «другого» слоя, а также посредством сбалансированной «двухслойности» памятника. В-третьих, экспонирование динамично развивающегося памятника возможно посредством раскрытия его «многослойности». И Царско-сельский ансамбль в силу своей сложности и масштабности позволяет продемонстрировать все историко-культурные «слои», органично сплетённые друг с другом.

В завершение отметим, что в контексте приведённого анализа открывается целое поле для экспертной и консультативной деятельности в сфере сохранения, вос-

становления и экспонирования сложных и динамично развивающихся историко-культурных объектов. И культурология, как генерализующая наука, способная охватить широкое междисциплинарное пространство данной проблематики, в состоянии выносить компетентные решения рассмотренных вопросов в каждом конкретном случае, наряду с экспертами в сфере искусства и реставраторами.

Таким образом, комплекс предложенных в первой статье и применённых в данной работе культурологических подходов позволяет представить Царско-сельский дворцово-парковый ансамбль как целостный историко-культурный организм, обладающий своеобразным гештальтом и сложной архитектурой. Динамика восприятия гештальта этого ансамбля связана со сложными проявлениями множества контекстуальных процессов, не подпадающих в «тотальную» зависимость ни от одного из них, поскольку с течением времени доминанты и состав данных процессов изменяются. Представленная через призму культурологической оптики холистическая модель развития памятников историко-культурного наследия, выраженная в сохранении, трансляции и обновлении всего спектра пересекающихся и взаимопроникающих слоёв и исторических состояний, позволяет преодолеть позитивистские линейные модели изучения сложных памятников, представляющие их историю как простую хронологическую последовательность фактов, которые нанизываются, как бусины, один за другим. Тем самым на основе разработанной исследовательской оптики раскрывается нелинейный органический генезис памятника, который, изменяясь во времени и покрываясь его «патиной», всегда остаётся собой, сохраняя полифонию смыслов, контекстов и особенностей своего восприятия.

Примечания

1. Бенуа А. Царское Село в царствование императрицы Елисаветы Петровны. Материалы для истории искусства в России в XVIII веке по главнейшим архитектурным памятникам. Санкт-Петербург : Издание товарищества Р. Голике и А. Вильборг, 1910. [22], 262, [4], XLVI, 59 с., с ил.
2. Вильчковский С. Н. Царское Село. Санкт-Петербург : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 278 с.
3. Кедринский А. А. Большой Царскосельский (Екатерининский) дворец: от пригородной усадьбы до парадной резиденции. 1710–1760 / науч. ред. М. Г. Колотов. Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2013. 270 с.
4. Кедринский А. А. Основы реставрации памятников архитектуры. Обобщение опыта школы ленинградских реставраторов. Москва : Изобразительное искусство, 1999. 184 с.: ил.
5. Леонов И. В., Филиппова-Стоян Л. Е. Историко-культурные структуры артефактов: методы изучения, критерии идентификации и практики сохранения // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2 (28). С. 103–117.
6. Никифорова Л. В. Современные подходы к исследованию дворцов как памятников истории и культуры // Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф, 7–9 октября 2013 года. Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2015. С. 13–21.
7. Петров А. Н. Пушкин. Дворцы и парки. Ленинград ; Москва : Искусство, 1964. 232 с.
8. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Том 1 / Печ. под наблюдением чл. о-ва А. Ф. Бычкова и секр. А. А. Половцева. Санкт-Петербург : Тип. Траншеля, 1867. VIII, [1], 558, [3] с.
9. Суворов Н. Н. Наступление воображаемого: воображаемое как феномен культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 73–81.
10. Суворов Н. Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4 (33). С. 76–80.
11. Ehrenfels Ch. Über Gestaltqualitäten. In der: *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*. 14 (1880). Unter Mitwirkung von Max Heinze und Wilhelm Wundt; herausgegeben von Richard Avenarius. Leipzig, O. R. Reisland, s. 249–292. (In German)

References

1. Benua A. *Tsarskoe Selo v tsarstvovanie imperatritsy Elisavety Petrovny. Materialy dlya istorii iskusstva v Rossii v XVIII veke po glavneyshim arkhitekturnym pamyatnikam* [Tsarskoe Selo in the reign of Empress Elizabeth Petrovna. Materials for the history of art in Russia in the XVIII century on the main architectural monuments]. St. Petersburg, Published by Partnership R. Golike and A. Vilborg 1910. [22], 262, [4], XLVI, 59 p. (In Russian)
2. Vilchkovsky S. N. *Tsarskoe Selo*. St. Petersburg, Published by Partnership R. Golike and A. Vilborg 1911. 278 p. (In Russian)
3. Kedrinsky A. A. *Bol'shoy Tsarskosel'sky (Ekaterininsky) dvorets: ot prigorodnoy usad'by do paradnoy rezidentsii. 1710–1760* [The Bolshoi Tsarskoselsky (Catherine) Palace: from the suburban estate to the main residence. 1710–1760]. St. Petersburg, Publishing house “Historical illustration”, 2013. 270 p. (In Russian)
4. Kedrinsky A. A. *Osnovy restavratsii pamyatnikov arkhitektury. Obobshchenie opyta shkoly leningradskikh restavratov* [Basics of restoration of architectural monuments. Summarizing the experience of the school of the Leningrad restorers]. Moscow, 1999. 184 p. (In Russian)
5. Leonov I. V., Filippova-Stoyan L. E. Historical-cultural structures of artifacts: methods of study, identification criteria and conservation practices. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Person. Culture. Education]. 2018, no. 2 (28), pp. 103–117. (In Russian)
6. Nikiforova L. V. *Sovremennye podkhody k issledovaniyu dvortsov kak pamyatnikov istorii i kul'tury* [Modern approaches to the study of palaces as historical and cultural monuments]. *Dvortsy Romanovykh kak pamyatniki istorii i kul'tury. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii. Sankt-Peterburg – Tsarskoe Selo – Peterhof, 7–9 oktyabrya 2013 goda* [Palaces of the Romanovs as historical and cultural monuments. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg – Tsarskoe Selo – Peterhof, October 7–9, 2013]. St. Petersburg, Publishing House “European House”, 2015. Pp. 13–21. (In Russian)

7. Petrov A. N. *Pushkin. Dvortsy i parki [Pushkin. Palaces and Parks]*. Leningrad, Moscow, Art Publishing House, 1964. 232 p. (In Russian)
8. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. Tom 1 [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Volume 1]*. St. Petersburg, 1867. (In Russian)
9. Suvorov N. N. Offensive imaginary: imaginary as a cultural phenomenon. *Bulletin of Saint-Petersburg State University of Culture*. 2016, no. 2 (27), pp. 73–81. (In Russian)
10. Suvorov N. N. Cultural monument as imaginary of reality. *Bulletin of Saint-Petersburg State University of Culture*. 2017, no. 4 (33), pp. 76–80. (In Russian)
11. Ehrenfels Ch. Über Gestaltqualitäten. In der: *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*. 14 (1880). Unter Mitwirkung von Max Heinze und Wilhelm Wundt; herausgegeben von Richard Avenarius. Leipzig, O. R. Reisland, s. 249–292. (In German)

*

ЭСТЕТИКА И ТРАГЕДИЯ РЕВОЛЮЦИИ: ВЗГЛЯДЫ ГЕОРГА ЛУКАЧА В «МОСКОВСКИЙ» ПЕРИОД 1930-х годов

УДК 130.2

П. В. Павлов

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Статья посвящена осмыслению диалектики революции в эстетических работах Георга Лукача 1930-х годов. В отличие от «ультрареволюционного» мессианства «Истории и классового сознания», в московский период своего творчества Лукач обращается к проблеме трагедии революции, предлагая «шекспировский» взгляд на революционную драму. Важное место в работах «московского» Лукача занимает поиск «среднего пути» в истории культуры, который преодолевает крайности исторической эпохи и открывает возможность «взаимного понимания». Этому поиску посвящена, в частности, его фундаментальная работа «Исторический роман». Особое внимание в статье автор уделяет эссе Лукача «“Гиперион” Гельдерлина», в котором рассматриваются мировоззренческие позиции Гельдерлина и Гегеля как выражение двух противоположных стратегий осмысления Французской революции и постреволюционной действительности (термидора). Показано, что через осмысление этих двух стратегий Лукач пытается понять современную ему трагическую действительность 1930-х годов.

Ключевые слова: Георг Лукач, Гельдерлин, Гегель, эстетика, трагедия, история, диалектика, революция, термидор.

P. V. Pavlov

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Prosveshcheniya str., 132, 346428, Novocherkassk, Rostov Region, Russian Federation

AESTHETICS AND TRAGEDY OF THE REVOLUTION: THE VIEWS OF GEORG LUKÁCS IN THE “MOSCOW” PERIOD OF THE 1930th

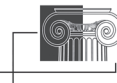
The article is devoted to understanding the dialectic of the revolution in the aesthetic works of Georg Lukács of the 1930s. In contrast to the “ultra-revolutionary” messianism of “History and Class Consciousness”, in the Moscow period of his work, Lukács addresses the problem of the tragedy of the revolution, offering a “Shakespearean” look at the revolutionary drama. An important place in the

ПАВЛОВ ПАВЕЛ ВИКТОРОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры управления персоналом факультета инноватики и организации производства Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

PAVLOV PAVEL VIKTOROVICH – Full Doctor of Philosophy, Professor of Personnel Management Department, Department of Innovation Studies and Industrial Management, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

e-mail: pvpavlov2006@yandex.ru

© Павлов П. В., 2019

works of “Moscow” Lukács takes a search for a “middle path” in the history of culture, which overcomes the extremes of the historical era and opens up the possibility of “mutual understanding”. This search is carried out, in particular, in his fundamental work “The Historical Novel”. The author pays special attention to the essay of Lukács “Hölderlin’s Hyperion”, which considers the ideological positions of Hölderlin and Hegel as an expression of two opposite strategies of understanding the French Revolution and post-revolutionary reality (Thermidor). It is shown that through the comprehension of these two strategies, Lukács is trying to understand the contemporary tragic reality of the 1930s.

Keywords: Georg Lukács, aesthetics, tragedy, history, dialectics, revolution, Thermidor.

Для цитирования: Павлов П. В. Эстетика и трагедия революции: взгляды Георга Лукача в «московский» период 1930-х годов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 86–94.

«Московские» тридцатые годы в творчестве Георга Лукача – крупнейшего философа-марксиста XX века – нередко оцениваются как радикальный «поворот» и противопоставляются его же революционному мессианству периода «Истории и классового сознания». Впрочем, по признанию самого Лукача, московская эмиграция стала своего рода осуществлением «нового начала» и открыла перед ним «перспективу плодотворной деятельности»: вместе с Михаилом Лифшицем он разрабатывает вопросы эстетической теории, которая должна расширить горизонты марксизма и тем самым прояснить его универсальный мировоззренческий характер.

Между тем существуют и менее оптимистические оценки «московского поворота». О «термидорианском повороте» и примирении Лукача с современной ему действительностью 1930-х годов можно, например, прочесть у Славоя Жижека. По его мнению, «жестом личного термидора» является случившийся в начале 1930-х годов «уход» Лукача «в более специализированные области марксистской эстетики и литературной теории» [12, с. 156]. Весьма характерно и то, что некоторые из читателей Лукача, такие как Люсьен Гольдман (автор известной работы «Лукач и Хайдеггер»), отказывались принимать теоретиче-

ские поиски «московского» Лукача, сосредотачиваясь в основном на «революционной» проблематике «Истории и классового сознания» – книги, ставшей, по словам того же Гольдмана, «главным событием» в развитии современного «марксистского мышления» [2, с. 73].

Однако проблема революции вовсе не исчезает в эстетических работах Лукача 1930-х годов, хотя и принимает совершенно иной оборот, нежели в «ультрареволюционные» 1920-е годы. Представляется, что в работах «московского» периода, посвящённых главным образом проблемам литературы и эстетики, Лукач не просто апологетически «примиряется» с «действительностью», но пытается *по-новому* осмыслить диалектику революции – и прежде всего её сложные коллизии и трагическую противоречивость. Попытаемся прояснить сущностные черты этой диалектики.

К концу 1920-х годов Лукач во многом разочаровался в мессианском энтузиазме «Истории и классового сознания»: идея пролетариата как подлинного субъекта-объекта истории, который в своей революционной практике осуществляет «снятие» «греховного» («овеществлённого») мира и приводит его к истине, «тотальности» – наподобие того, как в гегелевской философии дух

возвращается к себе из своего отчуждённого «инобытия» – окажется «метафизической конструкцией».

Разочарование Лукача вполне понятно, поскольку реальность *мировой революции*, которая, как надеялся Лукач, радикально преобразит весь мир культуры, оказалась во многом иллюзорной. По крайней мере, ожидаемая и казавшаяся близкой мировая пролетарская революция откладывалась на неопределённый срок, поэтому и сама идея революции требовала более глубокого и серьёзного переосмысления. Лукачу, по его собственному признанию, пришлось начинать всё заново.

В начале 1930-го года Лукач оказывается в московском Институте Маркса и Энгельса, и здесь ему на помощь приходят «два неожиданных счастливых случая» – «возможность прочесть полностью расшифрованный рукописный текст “Экономическо-философских рукописей 1844 года” Маркса» и знакомство с Михаилом Лифшицем, «что стало началом дружбы на всю жизнь» [8, с. 94], а также началом их «совместной работы».

Мысль молодого Маркса о *предметности* мира глубоко поразила Лукача, вызвала «шок». Оказалось, что предметность, «овеществление» могут выступать не только в качестве «отчуждений», которые необходимо радикально преодолеть, но и объективной характеристикой мира. Как напишет позднее Михаил Лифшиц, критикуя «пролетарский миф» Лукача, чтобы говорить правду, пролетарскому субъекту-объекту «нужны “овеществления”», необходим «ряд доступных *созерцанию* говорящих и верно говорящих объектов» [4, с. 116]. Сам Лукач говорит о разрушении «теоретических устоев» «Истории и классового сознания» (книга станет для него «совершенно чужой») и об обретении новой перспективы,

в свете которой он пытается взглянуть на диалектику истории, прежде всего на диалектику революции.

Уже в своей первой работе «Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу “Зикингена”», относящейся к «московскому повороту», Лукач поднимает проблему *трагедии революции*. Отвергая «ультрареволюционный субъективизм», Лукач обращается к объективной – «*шекспировской*» – точки зрения на революционную драму. И хотя в статье Лукача речь идёт о трагическом опыте немецкой революции 1848 года, но, по сути, в ней «прочитывается» попытка осмыслить драму Октябрьской революции и современного ему революционного движения.

«Шекспировский» взгляд на трагедию революции предполагает понимание объективных исторических противоречий эпохи, их «мощное, реалистическое изображение» [7, с. 63]. И с этой точки зрения суть революционной трагедии видится в *противоречии* между объективной необходимостью революции и столь же объективной невозможностью её полноценного практического осуществления. Находясь «внутри» этого противоречия, революционер с неизбежностью терпит поражение, однако это поражение не следствие его субъективной вины: оно определено объективно-исторической ситуацией, которая обрекает революционера на «необходимость борьбы» и одновременно служит причиной его гибели [7, с. 66]. И быть может, такой «шекспировский» взгляд является ключом к пониманию литературно-философских работ «московского» Лукача.

Для Георга Лукача и Михаила Лифшица тридцатые годы – время осмысления драматизма истории, ясного осознания того, что революция в России, явившаяся для них источником творческого подъёма, вовсе не

является началом «тысячелетнего царства», а представляет собой тяжёлый и противоречивый процесс. «Тридцатые годы, – отмечает Лифшиц, – закрытая эпоха. Это вовсе не значит, что незначительная. Эпоха, когда писали Расин, Мольер, Лафонтен была закрытой, эпоха, когда писал Гегель, была закрытой, Пушкин в зрелые годы – закрытой. Возвращаясь к великим людям: это даже создавало их особый гений, это битва с препятствиями» [4, с. 103]. Лифшиц назовёт тридцатые годы «встречным боем в темноте», а Лукач впоследствии охарактеризует свою творческую деятельность «московского» периода как «настоящую партизанскую борьбу ... против официальных и полуофициальных теорий литературы» [8, с. 96].

В этот сложный период с его внутренним драматизмом Георг Лукач и Михаил Лифшиц обращаются к истории мировой культуры, а именно – к фигурам тех её классических представителей, которые смогли своим творчеством найти выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций времени. Так, пытаясь осмыслить современную ему действительность и отыскать *альтернативный* путь, Лифшиц обращается к «великим консерваторам человечества» – деятелям мировой культуры, которые преодолели своим творчеством «порочный круг» собственной эпохи. «Консерватизм» таких людей, как Г. В. Ф. Гегель и И. Гёте, О. де Бальзак и А. С. Пушкин, был, по сути, *революционным*, позволяющим пройти между одинаково «дурными» крайностями (идея «борьбы на два фронта») – реставрацией самых худших, тёмных черт прошлого и превратными, нигилистическими сторонами прогресса, уничтожающими истину прежней культуры, её подлинные достижения.

Близкие идеи развивает и Лукач в своих многочисленных литературно-эстетических работах 1930-х годов. Так, в «Историческом

романе» – книге, ныне признанной «едва ли не самой известной из всех работ по марксистской теории литературы» [1, с. 11], Лукач, обращаясь к Вальтеру Скотту, показывает, как «величие» писателя «парадоксально связано с его консерватизмом» [6, с. 76]. Родоначальник жанра исторического романа ищет «средний путь» между «борющимися крайностями», представленными в английской истории (в том числе в английской революции XVII века), «стремится доказать художественными средствами историческую реальность этого пути на примере больших кризисов, которые претерпевала Англия в минувшие времена» [6, с. 76].

Лукач специально подчёркивает, что герои романов Скотта – «средние» люди, типичные представители своего времени, лишённые романтического демонизма. Однако исторические кризисы, вторгаясь в жизненные судьбы «обычных» героев, раскрывают в этих «средних» людях «неимоверно-героические возможности». Оказавшись захваченными кризисными ситуациями, заурядные, на первый взгляд, персонажи проявляют поистине героические качества, и тем самым через их индивидуальные судьбы сказывается «величие критических эпох истории». Таковы прежде всего революционные эпохи, которые дают широкий простор для развития человеческих способностей, их «быстрого взлёта». В свете движения фабулы художественного произведения задача этих «средних героев» – «быть посредниками между теми крайностями, борьба которых заполняет роман и через столкновение которых художественно изображён великий общественный кризис» [6, с. 83]. Как подчёркивает Лукач, развитие фабулы романа, которая сосредотачивается «вокруг личности и судьбы» «среднего героя», представляет собой поиск и открытие «нейтральной почвы», «на

которой крайние противостоящие друг другу общественные силы могут быть приведены к взаимному пониманию человеческой связи» [6, с. 83].

Лукач делает важную ремарку: Вальтер Скотт не обращается напрямую к современности, хотя опосредованно, через художественное изображение истории («оживление прошлого») он, по сути, пытается осмыслить современную ему действительность. Когда писатель «испытывает потребность найти ответ на современные вопросы для себя самого, он даёт его косвенно, в художественном изображении важнейших этапов английской истории» [6, с. 75–76]. В известном смысле Лукач говорит и о себе самом: в его литературных работах, посвящённых великим писателям-реалистам прошлого, присутствует содержательное *высказывание* о современности. Впрочем, такое «высказывание» не осталось без внимания официальной литературной критики 1930-х годов, усмотревшей в нём «опасные» идеи «термидора» и отрицания прогрессивного мировоззрения (литературная дискуссия 1939–1940-х годов, в результате которой был закрыт журнал «Литературный критик», объединявший «течение» Лифшица – Лукача, была инициирована нападками на вышедшую в 1939 году книгу Лукача «К истории реализма»).

В осмыслении диалектики революции, включая весьма сложную и дискуссионную проблему «термидора», показательна эссе Георга Лукача «“Гиперион” Гельдерлина», впервые опубликованное в 1934 году, а позднее вошедшее в книгу «К истории реализма», а также «Гёте и его эпоха». Не случайно и весьма характерно, что именно на это эссе – «странное, но очень важное» – обращает особое внимание Славой Жижек в своих «Опытах о Ленине». Причём Жижек полага-

ет, что это эссе, в котором рассматриваются мировоззренческие позиции Гельдерлина и Гегеля, представляет собой глубокую *аллегорию*, которую он интерпретирует следующим образом: Лукач одобряет сталинский термидор и даёт «ответ» Льву Троцкому. Лукач «восхваляет гегелевское одобрение наполеоновского термидора, противопоставляя его бескомпромиссной верности Гельдерлина героической революционной утопии» [3, с. 245]. Поэтому, полагает Жижек, «текст Лукача нужно истолковать как ответ Троцкому: он признаёт данную Троцким характеристику сталинского режима как “термидорианского”, повернув её в позитивном ключе, – вместо стенаний об утрате утопической энергии нужно героически-безропотно признать её последствия в качестве единственно возможного действительного пространства социального прогресса» [3, с. 246–247].

Впрочем, раньше Славоя Жижека подобную мысль высказывал и Михаэль Леви, согласно которому эссе Лукача о Гельдерлине и Гегеле – «утончённое» интеллектуальное «оправдание» сталинизма как «прогрессивной» и необходимой «прозаической» фазы, которой завершается революционный процесс» [10, с. 197]. Подобно тому, как Французская революция обернулась термидором, русская революция обернулась сталинизмом. При этом, полагает Леви, аналогично тому, как Гегель принимает необходимость французского термидора, Лукач принимает необходимость термидора сталинского и даже теоретически его оправдывает.

Такая несколько прямолинейная «расшифровка» «аллегоризма» Лукача, предпринятая Жижеком и Леви, может, конечно, показаться привлекательной, однако сам текст Лукача вряд ли сводится к простой аллегории. В этом эссе действительно ставятся се-

рѣзные вопросы диалектики революционного процесса и постреволюционной действительности, но как раз в свете этой диалектики тезис об однозначной апологии термидора представляется по меньшей мере весьма проблематичным. Итак, что же, собственно, говорится в этой важной работе Лукача?

В своём эссе о «Гиперионе» Лукач показывает, что Гегель и Гельдерлин воплощают два различных пути европейского постреволюционного движения. Оба изначально являются *революционерами*, вдохновлены идеалами Французской революции, и, соответственно, оба – восторженные почитатели античных республик, античной культуры вообще, которая являлась идеалом для французских революционеров. Описывает Лукач и ставшую почти хрестоматийной сцену клятвы верности идеалам Французской революции трёх друзей – Гегеля, Гельдерлина и Шеллинга: «Три молодых студента тюбингенской семинарии с восторгом встретили великие дни освобождения Франции. Они с юношеским воодушевлением сажали дерево свободы, плясали вокруг него и клялись в вечной верности идеалу освободительной борьбы» [5, с. 41].

Тем не менее объективный ход истории таков, что Французская революция обернулась *термидором*, а затем – бонапартизмом. И как показывает Лукач, именно ситуация после термидора стала развилкой двух путей – *путей Гегеля и Гельдерлина*. В отличие от «позднего» Шеллинга (а именно к нему Лукач впоследствии возведёт истоки *иррационализма* XX века в книге «Разрушение разума» [11]), Гегель и Гельдерлин не изменили своим революционным убеждениям, однако их пути оказались принципиально различными.

Для Гегеля ситуация термидора стала поводом для осмысления диалектики исто-

рии, в первую очередь диалектики становления буржуазного общества. Вернувшись из «царства античных иллюзий в мир действительный», он понял логику движения буржуазного общества, его диалектику, в которой революция оборачивается контрреволюцией (термидором), а затем и наполеоновским периодом. Революция, термидор и бонапартизм оказываются последовательными и неизбежными моментами исторического движения.

Гельдерлин же принципиально не признаёт такого пути. Для него ситуация термидора стала *трагическим тупиком*, что выразилось скорбью по утраченной демократической общественности и поэтическим обращением к античным идеалам. Погружаясь в своё творчество в «праздничные таинства древней Греции», Гельдерлин показывает поэтическую возможность «трагической гармонии» человека и мира, индивидуального и общественного. Такая гармония недоступна современной социальной действительности, но тем самым в поэтической скорби Гельдерлина, по сути, звучит обвинительный приговор современной ему буржуазной эпохе.

Дело в том, что, как поясняет Лукач, изначально Французская революция обращалась к идеалу античной демократии, её героике, однако сущностью этой революции было нечто иное и весьма прозаичное – становление буржуазных отношений: античные идеалы якобинцев сменяются капиталистической повседневностью термидорианцев. По словам Маркса, которого цитирует Лукач, идеалы античных республик были необходимы революционерам, чтобы «удержать своё воодушевление на высоте великой исторической трагедии» [5, с. 40]. Но эти идеалы оказались по большей части лишь иллюзорной формой, а их реальным содержанием выступила буржуазная действительность.

Гегель, «примираясь» с действительностью, в которой революционная героика сменяется прозой буржуазной жизни, пытается *понять* эту действительность в её противоречиях. Гельдерлин, напротив, не смог примириться с действительностью, начисто её отрицает и остаётся верным идеалу греческой демократии. Причём весьма характерно, что его радикальный отказ от компромисса с реальностью, собственно, самым серьёзным образом сказался на судьбе самого поэта, определив его личную драму. Об этом очень показательно и с сочувствием пишет Лукач: «Гельдерлин во всём в своей жизни потерпел крушение. Он не сумел подняться над материальным уровнем домашнего учителя и даже в качестве домашнего учителя Гельдерлин не мог создать себе сносного существования. Как поэт он, несмотря на благожелательное покровительство Шиллера, несмотря на похвалу самого значительного критика того времени, А. В. Шлегеля, остался в неизвестности. Его любовь к Сюжете Гонтар окончилась трагическим отречением. Как внешняя, так и внутренняя жизнь Гельдерлина была настолько безнадежна, что многие историки видели нечто фатально-необходимое даже в сумасшествии, которым закончилось его жизненное развитие» [5, с. 53–54].

Впрочем, именно «непримиримость» Гельдерлина способствовала его поэтическому творчеству, проявилась в его лучших произведениях. И тем не менее, подчёркивает Лукач, «непримиримость Гельдерлина привела его в трагический тупик: невдомый и неоплаканный, пал он, защищаясь от мутной волны термидорианства, как поэтический Леонид, верный античным идеалам якобинского периода» [5, с. 42]. Невозможность примирить классический античный идеал и современность неизбежно приводит к «трагическому тупику», однако в

этом «тупике» оказывается и своеобразный *выход*, осуществившийся в *идеальной форме* – поэзии Гельдерлина, его поэтических прозрениях, в которых личная и общественная трагедия возвышается до «трагической гармонии» человека и мира.

Иными словами, Лукач отнюдь не «восхваляет» термидор, «мутные волны термидорианства». Революционер Гельдерлин потерпел поражение, катастрофу, однако как поэт «высокого эллинского идеала» он всё-таки одержал духовную победу, объективным свидетельством которой являются лучшие образцы его творчества, а также тот огромный интерес к его поэзии в будущем. Впрочем, этот интерес весьма неоднозначный, как, например, у Мартина Хайдеггера, которого Лукач считал одним из тех интеллектуалов, кто внёс свой посильный вклад в дело «разрушения разума» в XX веке. Сам же Лукач видел свою задачу в «очищении» Гельдерлина от иррационалистических интерпретаций и даже вслед за Томасом Манном приветствовал идею «сближения», духовной «встречи» Маркса и Гельдерлина [9, с. 28].

В то же время «примирившийся» с действительностью Гегель остаётся революционером: ведь *действительное понимание* противоречий эпохи вовсе не означает её *апологетику*. Более того, как обстоятельно показывает Лукач в «Молодом Гегеле», «Феноменология духа» представляет собой содержательное осмысление опыта революционной Франции, является его «мыслительным выражением»: именно Французская революция оказывается в «Феноменологии» тем *событием*, которое открывает принципиально новую эпоху мировой истории. И даже «поздний» Гегель в свой наиболее «консервативный» период характеризовал Французскую революцию как «великолепный восход солнца», хотя к тому времени

уже не Французская революция, но Реформация становится для Гегеля точкой отсчёта «современности».

Таким образом, Лукач, рассматривая диалектику революции, показывает противоречивость двух различных стратегий осмысления постреволюционной действительности (и не только стратегий осмысления, но, по сути, двух *жизненных стратегий*, определяющих, каким образом *жить* и *действовать* в этой действительности). При этом он не абсолютизирует ни одну из этих стратегий, но пытается *понять* каждую из них. «Непримиримый» Гельдерлин потерпел жизненную катастрофу, однако в дальнейшей временной перспективе это поражение обернулось победой его поэтического творчества. Вместе с тем и «примирившийся» с буржуазной «прозой жизни» Гегель оказывается отнюдь не апологетом, но *мыслителем*, который постигает объективные противоречия истории. Через эти полярные стратегии Лукач стремился *понять* и современную ему трагическую действительность тридцатых годов.

Конечно, обращаясь к фигурам Гегеля и Гельдерлина, Лукач «высказывается» о современной ему постреволюционной действительности – и в этом правы те авторы, которые усматривают в его, казалось бы, сугубо эстетических и литературоведческих «московских» работах «отклик» на социально-политические и культурные реалии 1930-х годов. Однако Лукач отнюдь не предлагает и простые аллегории, «расшифровка» которых однозначно указывает на апологию и «восхваление» термидора (тем более, в его сталинском варианте), как это утверждают Михаэль Леви и Славой Жижек. Мысль Лукача глубже: опыт «прошлого» становится опытом «настоящего», пути Гегеля и Гельдерлина вплетаются в ткань «современности», рельефно высвечивая её драматизм и вместе

с тем открывая в этой современности возможности её *понимания*. И быть может, для Георга Лукача (как и для его друга и единомышленника Михаила Лифшица) трагедия революции позволила, обращаясь к «прошлому», приоткрыть современную «действительность» в её «тотальности», взглянуть на неё с «шекспировской» точки зрения.

Итак, «шекспировский» взгляд на историю, сложившийся у Георга Лукача в «московский» период его творческой деятельности (в том числе и благодаря общению с Михаилом Лифшицем), представляет собой опыт понимания драмы революции и постреволюционной действительности, их объективных противоречий, в свете которых раскрывается смысл этих исторических процессов. Преодолевая утопию революционного мессианства и обращаясь к постреволюционной исторической реальности, Лукач вместе с тем вовсе не оправдывает наличную действительность 1930-х годов, он далёк от банального «примирения» с ней. И тем более далёк он от апологии сталинизма. Речь у Лукача идёт о понимании этой постреволюционной действительности как сложного и трагического этапа исторического движения, диалектику которого он и пытается осмыслить.

В этом движении Лукач стремится отыскать «средний путь» между крайностями, между реставрацией и нигилистическим отрицанием, отыскать в современной исторической действительности возможность «возрождения» подлинного смыслового содержания революции. Революция во многом потерпела поражение, уступая место постреволюционной «прозе жизни», однако идеальное содержание революции, её объективный смысл не исчезли навсегда – этот смысл, будучи сохранённым в истории, оказывается *открытым* для будущего.

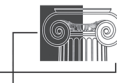

Примечания

1. Андерсон П. Исторический роман: от прогресса к катастрофе // Лукач Г. Исторический роман. Москва.: Commonplace, 2014. С. 9–42.
2. Гольдман Л. Лукач и Хайдеггер. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2009. 292 с.
3. Жижек С. 13 опытов о Ленине / [пер. с англ. А. Смирнов]. Москва: Ad Marginem, 2003. 255 с.
4. Лифшиц Мих. Что такое классика?: онтогносеология, смысл мира, «истинная середина». Москва: Искусство – XXI век, 2004. 512 с. (Философские тетради)
5. Лукач Г. «Гиперион» Гельдерлина // К истории реализма. Москва: Гослитиздат, 1939. С. 40–58.
6. Лукач Г. Исторический роман. Москва: Commonplace, 2014. 178 с.
7. Лукач Г. Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу «Зикингена» // Литературное наследство. Том 3. Москва: Журнально-газетное объединение, 1932. С. 45–74.
8. Лукач Г. Предисловие (1967) // История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Москва: Логос-Альтера, 2003. С. 70–97.
9. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества: [пер. с нем.] / отв. ред. Т. И. Ойзерман, М. А. Хевеши; АН СССР, Институт философии. Москва: Наука, 1987. 616 с.
10. Löwy M. *Georg Lukács – From Romanticism to Bolshevism*. Translation by Patrick Camiller. London, NLB, 1979. 219 p. (In English)
11. Lukács G. *The Destruction of Reason*. Translation by Peter Palmer. London, Merlin Press, 1980. 865 p. (In English)
12. Žižek S. Georg Lukács as the philosopher of Leninism. In: Lukács G. *A Defence of History and Class Consciousness: Tailism and Dialectic*. London, Verso, 2000. Pp. 151–182. (In English)

References

1. Anderson P. Istoricheskiy roman: ot progressa k katastrofe [The Historical Novel: from progress to catastrophe]. In: Lukach G. [Lukács Georg] *Istoricheskiy roman [The Historical Novel]*. Moscow, Common place Publishing House, 2014. Pp. 9–42. (In Russian)
2. Goldman L. [Goldmann Lucien] *Lukach i Khaydegger. Perevod V. Yu. Bystrov [Lukács and Heidegger. Translation by V. Yu. Bystrov]*. St. Petersburg, Publishing house “Vladimir Dahl”, 2009. 292 p. (In Russian)
3. Zhizhek S. [Žižek Slavoj] *13 opytov o Lenine. Perevod A. Smirnova [13 issues about Lenin. Translation by A. Smirnov]*. Moscow, Ad Marginem Press, 2003. 255 p. (In Russian)
4. Lifshits Mikh. *Chto takoe klassika? Ontognoseologiya. Smysl mira. “Istinnaya seredina” [What is classic? Ontognoseology. Meaning of world. “True middle”]*. Moscow, Art Publishing House – XXI, 2004. 512 p. (In Russian)
5. Lukach G. [Lukács Georg] “Giperion” Gel’derlina [Hölderlin’s Hyperion]. In: Lukach G. [Lukács Georg] *K istorii realizma [To the history of realism]*. Moscow, 1939. Pp. 40–58. (In Russian)
6. Lukach G. [Lukács Georg] *Istoricheskiy roman [The Historical Novel]*. Moscow, Common place Publishing House, 2014. 178 p. (In Russian)
7. Lukach G. [Lukács Georg] Marks i Engel’s v polemike s Lassalem po povodu “Zikingena” [The Sickingen debate between Marx–Engels and Lassalle]. *Literaturnoe nasledstvo. Tom 3 [Literary Heritage. Vol. 3]*. Moscow, 1932. Pp. 45–74. (In Russian)
8. Lukach G. [Lukács Georg] Predislovie (1967) [Preface (1967)]. In: Lukach G. [Lukács Georg] *Istoriya i klassovoe soznanie. Issledovaniya po marksistskoy dialektike [History and class consciousness. Marxist dialectic studies]*. Moscow, Logos-Altera Publishing House, 2003. Pp. 70–97. (In Russian)
9. Lukach G. [Lukács Georg] *Molodoy Gegel’ i problemy kapitalisticheskogo obshchestva. Otv. red. T. I. Oyzerman, M. A. Kheveshi [Young Hegel and the problems of capitalist society. Executive editors: T. I. Oyzerman, M. A. Kheveshi]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1987. 616 p. (In Russian)
10. Löwy M. *Georg Lukács – From Romanticism to Bolshevism*. Translation by Patrick Camiller. London, NLB, 1979. 219 p. (In English)
11. Lukács G. *The Destruction of Reason*. Translation by Peter Palmer. London, Merlin Press, 1980. 865 p. (In English)
12. Žižek S. Georg Lukács as the philosopher of Leninism. In: Lukács G. *A Defence of History and Class Consciousness: Tailism and Dialectic*. London, Verso, 2000. Pp. 151–182. (In English)

ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ СВОБОДА В КОНТЕКСТЕ РОМАНТИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ: ОТ Ф. ЛИСТА К Н. К. МЕТНЕРУ

УДК 930.85:781.2

А. В. Кузнецова, О. А. Курганская

Белгородский государственный институт искусств и культуры

Представления о соотношении между нотами гаммы воспринимались со времён Античности до эпохи Просвещения как ключ к познанию устройства Вселенной с характерной аналитической составляющей. Акцентирование внимания на раскрытии человеческого в культуре определило высшие идеалы, связанные с самопознанием человека, с преодолением сковывающих условностей бытия. Изменение музыкальной формы произведения в эпоху романтизма во многом обязано изобретению современной настройки, известной как равномерная темперация, принятие которой было «выстрадано» прежде всего математическим и философским дискурсом на протяжении столетий. Изменение музыкального строя в сочетании с принятыми идеалами эпохи романтизма обусловило появление музыки композиторов-романтиков. Совершенствование механики фортепиано, клавишного строя существенно расширило спектр выразительных средств и предопределило дальнейшее развитие исполнительской техники фортепианной игры. Исполнительская и преподавательская деятельность Ф. Листа и Н. К. Метнера сопряжена с описанием и применением технических приёмов, возникших в эпоху романтизма в связи с новым, романтическим, мироощущением и получивших развитие в дальнейшем. Особое внимание в связи с этим музыканты уделяют анализу пианистического аппарата, который имеет большое значение в совершенствовании исполнительского искусства игры на фортепиано. Преемственность учеников в области основных принципов исполнительской свободы обуславливает актуальность приёмов, основанных на ключевых особенностях фортепианного исполнительского искусства романтиков.

Ключевые слова: романтизм, исполнительская практика, фортепиано, педагогический принцип, темперация, Ференц Лист, Николай Карлович Метнер, исполнительская свобода.

КУЗНЕЦОВА АЛИНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой фортепиано факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры, лауреат международных конкурсов, ORCID: 0000-0003-1853-1697

KUZNETSOVA ALINA VLADIMIROVNA – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Head of the General Piano Department, the Faculty of Music Art, the Belgorod State Institute of Art and Culture, winner of international competitions, ORCID: 0000-0003-1853-1697

2КУРГАНСКАЯ ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры фортепиано факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почётный работник среднего профессионального образования Российской Федерации, ORCID: 0000-0003-1344-3364

KURGANSKAYA OLGA ALEXANDROVNA – Ph.D. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the General Piano Department, the Faculty of Music Art, the Belgorod State Institute of Art and Culture, Honored worker of culture of the Russian Federation, Honorary worker of secondary professional education of the Russian Federation, ORCID: 0000-0003-1344-3364

e-mail: ludvig_14@mail.ru¹, romak55@mail.ru²

© Кузнецова А. В., Курганская О. А., 2019

A. V. Kuznetsova, O. A. Kurganskaya

Belgorod State Institute of Arts and Culture, Koroleva str., 7, 308033, Belgorod, Belgorod region, Russian Federation

PERFORMING FREEDOM IN THE CONTEXT
OF A ROMANTIC WORLDVIEW:
FROM FRANZ LISZT TO NIKOLAY MEDTNER

Ideas about the relationship between the notes of the scale were perceived from antiquity to the Enlightenment as the key to the knowledge of the Universe with a characteristic analytical component. Focusing on the disclosure of the human culture has determined the highest ideals associated with the self-knowledge of man, to overcome the chilling conventions of being. The change in the musical form of the work in the era of romanticism is largely due to the invention of modern tuning, known as a uniform temperament, the adoption of which was “suffered” primarily by mathematical and philosophical discourse for centuries. The change in the musical system, combined with the accepted ideals of the romantic era, led to the emergence of music by romantic composers. Improving the mechanics of the piano, keyboard system significantly expanded the range of expressive means and predetermined the further development of the performing technique of piano playing. Teaching activity of Franz Liszt and Nikolay Medtner is associated with the development of the ideas of romanticism and the basic principles of the performing art of romantics. In this regard, the musicians-teachers pay special attention to the analysis of the pianistic apparatus, which is of great importance in improving the performing art of playing the piano. The continuity of students in the field of basic principles of performing freedom determines the relevance of techniques based on the key features of the piano performing art of romantics

Keywords: romanticism, performing practice, piano, pedagogical principle, temperament, Franz Liszt, Nikolay Karlovich Medtner, performing freedom.

Для цитирования: Кузнецова А. В., Курганская О. А. Исполнительская свобода в контексте романтического мироощущения: от Ф. Листа к Н. К. Метнеру // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 95–104.

Музыкальная форма произведения, его границы, существенно зависят от типа темперации музыкального произведения. Создание современного равномерно темперированного строя, господствующего в европейской профессиональной академической музыке, стало возможно в результате разработки к 1887 году метода «прослушивания ровной последовательности биений на протяжении всей хроматической гаммы» [6, с. 230]. Конечно, сама потребность в таком методе была «выстрадана» философским и математическим дискурсом на протяжении столетий и в какой-то мере стала философским идеалом преодоления сковывающих условностей бытия. Но конечной фазе обоснования «правильности» и необ-

ходимости (агитации) подобного строя мы обязаны во многом композитору и теоретику музыки Жан-Филиппу Рамо. Д’Аламбер, популяризуя идеи Рамо о гармонии в книге «Элементы теоретической и практической музыки согласно принципам г. Рамо» (1752), отмечал заслуги композитора и теоретика в упрощении исполнения музыки, которое позволило музыкантам рассуждать логически и пользоваться аналогиями. Это помогло не только сделать музыку наукой, достойной изучения философами, но и воплотить стремления к выразительности глубочайших идей эпохи романтизма. Благодаря книге идеи композитора стали известны широкой публике, однако, справедливости ради, отметим, что пожилому Рамо не по-

нравился слишком упрощённый взгляд на свои идеи, что впоследствии отразилось в известной полемике с Д'Аламбером.

Разумеется, совершенствование механики фортепиано, клавишного строя существенно расширило возможности инструмента и обусловило поиск новых выразительных средств, развитие и совершенствование исполнительской техники фортепианной игры. К этому времени уже более полувека композиторы-романтики старались при помощи музыкальных средств наиболее полно выразить богатство внутреннего мира человека. А многие произведения, в частности Ф. Листа, в музыкальной форме которых наиболее полно воплощается музыкальное содержание, не могли бы существовать в иных температурах. Кроме того, тип температуры играет роль в выборе тонов, с которыми, как известно, ассоциируются определённые (субъективные) характеристики. Субъективное восприятие музыкального произведения начинается с допредикативного уровня, но уже в нём посредством музыки и именно «в музыке ... мы видим всю нашу обыденную склонность к абстракции» [11, с. 318] чистых качеств предмета. Например, душевный подъём или грусть, навеянная музыкой, – это не свойство предмета, но сущность его [11, с. 298]. Вместе с тем собственно интенциональность не тождественна осознанности, ведь многие состояния не всегда осознаются. Таким образом, в музыкальном мироощущении переплетаются познание чистого качества предметов и непрерывный поток бытия.

К сожалению, композиторам иногда приходится транспонировать свои произведения по техническим причинам, отходя от первоначального замысла, как из-за сложности исполнения, так и для лучшего восприятия музыкального произведе-

ния публикой. Почему – к сожалению? Потому, что в смыслах заключено больше, чем в созерцаниях: чувственное сознание имеет логику своего порядка. Музыкальное произведение, как и любое другое произведение искусства, «есть прежде всего познание, а в познании является главным прежде всего степень его оформления» [11, с. 302]. Технические трудности исполнения вызвали, например, произведения в тональностях фа-диез-минор и фа-диез-мажор в силу «крайнего» расположения в темперации. Тем не менее мы отмечаем, что тональность фа-диез-минор часто использовалась в произведениях Ф. Листа, Ф. Шуберта и других романтиков. А фа-диез-мажор – у Й. Гайдна, Л. Бетховена и Ф. Шопена. В связи с этим претерпели изменения интерпретации тональных характеристик, связанных с субъективным восприятием акустических различий, отличающихся от классических образцов. Кроме того, сюжеты романтической музыки во многом автобиографичны, несут на себе печать индивидуальности автора и в силу программности музыкального произведения вызывают личные ассоциации. И здесь акцентируются именно свойства языка, а не текста, потому что «текст» у каждого свой. В данной связи отметим, что «обучающимся ... не хватает сведений о стиле ... автора, его собственной исполнительской манере» [9, с. 202]. Таково было общее видение музыкального текста в эпоху романтизма.

В основе любого видения находится принцип восприятия, играющий роль установки в формировании эмоциональной настроенности личности. Несомненно, романтика являлась не только порывом к свободе человеческого духа, но и содержала в себе установку на идеи, возвышающие человека. Многие исследователи выделяют свободу как наиболее значимую категорию романтизма. Ф. Шлегель писал: «Быть свобод-

ным – значит быть человеком» [17, с. 235]. Однако свобода человека являет себя в способности мечтать, а мечтать можно лишь о возвышенном, так как лишь предмет возвышенного сулит счастье. Человек рождается свободным, но для счастья, которое и является его заветным устремлением всей жизни. Этот идеал у романтиков рационально не может быть сформулирован и объемлет весь внутренний мир человека. Романтизм характеризуется устремлённостью к мечте, превалянием чувств над рациональным началом, осознанием несоответствия между возвышенным божественным идеалом и его гротескным земным воплощением. Таким образом, интенция романтиков является первичной по отношению к языку, то есть сам романтизм, его философия выводятся из интенциональности романтиков. Поэтому художественные музыкальные образы выполняют синтетическую функцию рассудка, преодолевая в творчестве музыкального сочинения / исполнения схоластическую рациональность. Это противоположно той увлечённости «аналитической составляющей, характерной для европейской культуры с XVII века ... оборачивающейся ... забвением главной цели любой деятельности – раскрытия человеческого в пространстве культуры...» [8, с. 87]. Поэтому высшим идеалом человека становится гармония мысли и чувства – двух областей сознания. Но в данном значении романтики заключают смысл не в том, чтобы обладать истиной, а в «бытии к истине», осуществляемого в перманентной рефлексивности по отношению к последней тайне бытия, непостижимой одним лишь рассудком. Осознание этого приводит к пониманию того, что инструментальная музыка не может, да и в принципе не должна прояснять словами свою тайну. Об этом прямо намекает Ф. Шиллер, убеждая нас в том, что

гармонизировать внутренний мир человека способна лишь красота [15]. В ней в первую очередь он видит высшее проявление свободы. Так, сама устремлённость к идеалу является необходимым условием аффирмативности личного опыта: «деятельность людей всё более происходит в созданном ими же очень сложном мире, где нельзя провести чётких различий между субъективным и объективным» [5, с. 3]. Подобная устремлённость романтиков [18, с. 7–43] обуславливает субъективные смыслообразующие составляющие бытия-существования человека и представляет собой самопознание личности как некий горизонт, принципиально недостижимый, но охватываемый как целое в своём мировоззрении, в конструировании своего Я. В новом аспекте понимания человека духовный мир не сводится к аддитивным свойствам природного и социального: человек способен к совершенствованию через творчество иных миров, не существующих в действительности. Такова реакция на рационализм данной эпохи, разочарование в идеалах Просвещения (принципов буржуазного практицизма), приведшая к противоречивому подходу к пониманию культуры как интерсубъективной жизни человека.

Следуя известному принципу единства музыки и речи, облакаемого в определённую форму звуков-фонем (объединённых в слова-знаки), отметим, что слово становится производной (формой) упорядочения интерсубъективной жизни человека, представленной в допредикативных структурах обыденности. Однако сам музыкальный звук уже есть «существующая абстракция, если его брать из цельной музыкальной массы» [11, с. 320], позволяющая мысленно обособливаться от губительной иррациональности чувств. Такое отвлечение в фонетической составляющей, ориентированной всё же на эмоциональный аспект, настраи-

вает нас не на объяснение, а на понимание: почувствовать смысл, который нам видится в отношениях, связях между событиями и их выражениями» [4, с. 231]. Вместе с тем исследователи отмечают, что и на более высоком уровне абстракции, которые выражаются в категориях художественного мышления, «включая музыкальный образ, в отличие от формы, фактически не признаются структурными категориями и относятся к области идеального как не поддающегося текстовому анализу» [16, с. 32].

В эпоху романтизма мы отмечаем возрастающий интерес к фортепианной игре, рояль прочно вошёл в моду, и число желающих овладеть этим инструментом существенно возросло. Справедливости ради отметим, что подавляющее большинство виртуозов не обладали особым интеллектуальным уровнем. Это было связано прежде всего со спецификой методических принципов, которыми руководствовались преподаватели фортепианной игры. Многочасовая «зубрёжка» отнимала практически всё свободное время. Для подобных автоматических тренировок с бесконечной игрой гамм и упражнений «успехом пользовались ... механические приспособления – хиропласт Ложье, “руковод” Кальбрэннера, дактилион Герца» [1, с. 4]. Исключение, пожалуй, составляли известные личности, совмещавшие свою концертную деятельность с практикой педагогического характера. Таким исключением, в частности, являлся Ф. Лист – не только исполнитель-виртуоз, но и композитор, педагог, дирижёр. По праву Лист является пропагандистом высокого искусства, представителем романтизма в музыке. Представление о его педагогических указаниях мы составляем из записей, сделанных Констанцией Буасье. По прочтении заметок об уроках Листа создаётся впечатление, что для него педагогическая работа в степени

своего осуществления обладала той спецификой, душевной потребностью, которую мы обнаруживаем в известном описании у Пигмалиона. Кроме того, Лист был щедро наделён массой личностных достоинств. Существует достаточное количество литературы биографического, мемуарного характера, позволяющей нам быть не одинокими в данной мысли. Действительно, «если педагог для учеников значим и эмоционально привлекателен, то в этом случае они ... поддаются персонализирующему (преобразующему) воздействию педагога, проявляют готовность работать над собой, развиваться, проявлять творческую инициативу. Можно утверждать, что “значимость” учителя является одним из самых сильных стимулирующих факторов вовлечения в искусство...» [2, с. 1409].

Несмотря на то, что преподавательская деятельность Ф. Листа была в определённой мере неизбежной необходимостью для восполнения средств к существованию, музыкант совершенно бескорыстно занимался со многими учениками. Сам Лист, разумеется, не только совершенствовал свою технику исполнения, но и не менее интенсивное внимание уделял умственному развитию. Возможно, в этом сокрыта одна из причин, по которой в свои концерты он включал произведения, которые не всегда находили отклик во вкусах широкой публики [10, с. 67]. Собственное понимание музыки Листом не могло не сказаться на манере исполнения музыкальных произведений. Вместе с тем эти взгляды определили задачи исполнительского искусства, внеся определённую новизну в методику исполнительской практики. Мысль о том, чтобы «что-то изображать», необходимо это «что-то» хорошенько изучить, – канвой проходит в основных принципах естественности выражения. Эта естественность исполнения достигается в

реализации двух педагогических принципов, исповедуемых Листом: эмоциональное воздействие на ученика и обращение к его разуму (понимание, контроль). Это путь осмысленности в обучении, сопряжённый с внимательностью и сосредоточением. Ведь только так, по замыслу Листа, и возможно впоследствии наиболее полно выразить художественную идею музыкального произведения, воплощённую как композиторский замысел. Технически это достигается расширением палитры нюансировки, возможностью поливариативной динамической настройки исполнения музыки. В овладении любой техникой исполнения, необходимой для первоклассной игры на фортепиано, существуют особые трудности. Начальные, так сказать, обусловлены чисто технически, которые преодолеваются постепенно. В дальнейшем трудности проявляются в способности исполнителя воссоздавать общую концепцию музыкального произведения в более крупных пропорциях. Без прохождения данных этапов практически невозможно выстроить композицию в той художественной манере, которая была бы свойственна самому автору. Преодоление технических трудностей Лист видел в последовательной реализации следующих «формул»: 1) октавы и аккорды; 2) репетиции и трели; 3) двойные ноты (терции, сексты); 4) гаммы, арпеджио. Здесь Лист предлагает ту последовательность овладения техникой, которая позволяет переходить от «крупной техники» к более детальной, «мелкой технике». Свобода, выраженная в естественности исполнения, является одним из характерных признаков первоклассной игры на фортепиано. Технически невозможно достичь подобной манеры исполнения, не освободив полностью руки. В этом был убеждён Лист, который довольно наглядно демонстрировал своим ученикам приёмы исполнения ок-

тавных гамм. Отметим, что крупная техника (каскады аккордовых и октавных пассажей и т.п.) появляется именно в период романтизма. Действительно, в классическую эпоху при игре на фортепиано пианист использовал так называемую мелкую технику (гаммообразные пассажи, арпеджио). Отличительной особенностью такой техники является то, что при исполнении участвуют главным образом фаланги пальцев. В романтической музыке, как мы убедились, в связи с появлением нового класса художественных задач, используются особые приёмы игры от плеча, всей свободной рукой. Сама постановка таких исполнительских задач была ответом на художественные и мировоззренческие запросы времени, так как для выражения романтических идей в музыке требовались новые технические средства. Крупной (аккордовой, октавной, скачковой) техники не было до эпохи романтизма, но она осталась после неё, так же как и рояль эпохи романтизма практически не изменился в сравнении с современным инструментом. И по сей день приёмы крупной техники, возникшие и обоснованные в эпоху романтизма, при исполнении фортепианных произведений романтического и последующих периодов являются актуальными. Таким образом, Ф. Лист прозорливо воплотил метод, в основе которого лежит не только чисто технический аспект рекомендаций для исполнительской практики, но и весь принцип (знание в свёрнутом виде) романтизма, «философия в свёрнутом виде». В данной связи как нельзя кстати слова известного советского педагога, пианиста Я. Мильштейна: «в одном кратком указании такого гения, как Лист, содержится больше истины и практической ценности, чем в толстых фолиантах фортепианных методологов» [12, с. 185].

Актуальность основных исполнительских принципов романтического форте-

пианного искусства подтверждается преемственностью в области исполнительских приёмов. Одним из учеников Листа был Павел Августович Пабст, преподававший с 1878 года в Московской консерватории. В свою очередь, в Московской консерватории его учеником был Н. К. Метнер – выдающийся композитор и пианист, позже – профессор Московской консерватории. Преемственность Метнера по отношению к Листу в педагогических указаниях может быть прослежена в силу того обстоятельства, что Метнер имел обыкновенные вести записи своих мыслей во время занятий (композиция, игра на фортепиано) [13]. Специфика концертных выступлений, проработка отдельных элементов исполнительства на фортепиано, упражнения (которые пианист должен делать каждый день), подготовка к записи – вот неполный перечень различных сторон работы пианиста, о которых вдумчиво и содержательно повествуют нам записи Метнера. Так же как и Лист, Метнер с удивительно эмоциональной окраской раскрывает основные указания, касающиеся свободы пианистического аппарата при исполнении крупной техники. В частности, о свободе рук мы читаем у него следующие строки: «Рука должна во время работы испытывать физическое удовольствие и удобство, так же как слух должен испытывать всё время эстетическое наслаждение» [12, с.21], «Опускать плечи, свободное дыхание! Опускать нутро, поменьше следить за пальцами! Поменьше акцентов, толчков и вообще всякой механической энергии. Никогда и ничего не форсировать! Давать то, что даётся!» [12, с. 35]. Важна не только механика инструмента, но и понимание собственной механики пианиста, поэтому далее, следуя основным принципам исполнительского искусства игры на фортепиано, Метнер отдельное внимание

уделяет локтям и кистям рук: «Локти отражают уже менее широкие линии движений, чем корпус, а кисти ещё меньше. Но всё же это линии, то есть группы нот, а не отдельные ноты, движения которых отражаются лишь в пальцах, то есть в самом меньшем и потому самом подвижном члене всего пианистического аппарата» [12, с. 46]. Здесь прослеживается то направление биомеханического действия, которое начинается с проработки высокоамплитудных движений, начиная с корпуса, плеч и далее к локтям и кистям рук. Это позволяет, по словам Метнера, «нанизывать как можно больше нот на одно движение». При этом особое внимание уделяется развитию тех мускулов, благодаря которым палец руки является не инициатором, а проводником удара. Интересной аналогией в данной связи является понятие «палец-проводник» в китайских (не будем уточнять) единоборствах, в которых эффективность пальца-проводника (ударного) обусловлена специфической техникой, сопряжённой с известными мистическими представлениями о пяти стихиях. Возможно, в западной культуре в дальнейшем может появиться подобная философия, но в данный момент для каких-либо редукций мы не видим серьёзного основания. Как пример такого технического приёма, когда палец является лишь проводником более крупного движения, Метнер упоминает другого выдающегося русского композитора и пианиста С. В. Рахманинова: «Техника Рахманинова, его энергия, сила, быстрота и чёткость основаны на вытряхивании движения изнутри – он никогда не нудит своих пальцев» [12, с. 46]. Далее, во время исполнения, независимо от того, играет пианист пиано или форте (медленно или быстро), положение свободной руки должно оставаться неизменным. Со стороны, разумеется, не должно быть никаких «особых» раскачек,

которые публикой интуитивно воспринимаются как опошливание высокого искусства. Метнер советует учить октавы по первому пальцу. При этом руки должны быть опущены ниже обычного положения. В двойных нотах так называемые внутренние пальцы – отпустить на свободу. Что касается трелей, то учить их необходимо триолями. Скачки берутся плавно, не допускаются никакие толчки.

Таким образом, заметки Метнера содержат ёмкие, как «ключи», лаконичные высказывания, но тем не менее заставляющие нас задумываться о многих содержащихся в этих «ключах» практических знаниях исполнительского мастерства. Можно сказать, основным кредо, квинтэссенцией такого подхода является высказывание: «Долой всякое напряжение!», «Играть *свободной* силой как *ff*, так и *pp*, как медленно, так и быстро» [12, с. 54].

Исполнение музыки в духе основных принципов романтического исполнительского искусства должно превратиться в процесс, в результате которого у слушателя сложится прежде всего цельное художественное впечатление, гармонично сочетающее мысли, идеи композитора. Понимание и переживание художественного замысла ро-

мантического музыкального произведения способно подарить нам то высокое чувство единения с идеалами – Истиной, Красотой, Гармонией, которое по силе своей не уступает катарсическому. Ведь чувство трансцендентности, выхода за рамки обыденного сознания способно стать тем основанием и опорой в повседневной обыденной жизни, которые делают нашу жизнь качественно лучше. Но для исполнения столь высокой миссии романтической музыки необходимым условием является то, чтобы технические трудности не мешали исполнительскому процессу. Это понимали и уделяли ему самое непосредственное внимание такие художники, как Ф. Лист и Н. К. Метнер, – по праву почитаемые нами как подвижники служения Правде и Красоте в искусстве. В заключение о мессианской роли музыки, особенно ярко проявившейся в эпоху романтизма, скажем словами Макса Генделя, известного христианского мистика, предвосхищавшего будущее в своих пророчествах: «Музыка будет основным фактором в осуществлении этого [духовного развития], ибо на крыльях музыки гармоничная душа может лететь к самому трону Божьему, чего обыкновенный интеллект достичь не может» [3].

Примечания

1. Буассье А. Уроки Листа / [пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Н. П. Корыхаловой]. Санкт-Петербург : Композитор, 2013. 73 с.
2. Варламов Д. И., Виноградова Е. С. Теоретические и методологические основы исследования исполнительской школы в музыкальном искусстве // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-7. С. 1407–1411.
3. Гендель М. Космогоническая концепция: Основной курс по прошлой эволюции человека, его нынешней конституции и будущему развитию : пер. с ориг. англ. изд. 1911 г. / [пер. с англ. и ред. – Элеонора Полтинникова-Шифрин ; общ. ред., примеч., коммент. и прил. – Авраам Шифрин]. Израиль : Эзотеризм и парапсихология, 1984. 375 с.
4. Досократики. Дозеатовский и элеатовский периоды / пер. с древнегреч. А. Маковельского. Минск : Харвест, 1999. 784 с. (Классическая философская мысль)
5. Желнов В. М. Эпистемология в конце XX века (основные парадигмы: закономерности становления и эволюции) : автореферат дис. на соиск. учён. степ. кандидата философских наук : 09.00.01 / Желнов Василий Маркович ; МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва, 1999. 26 с.

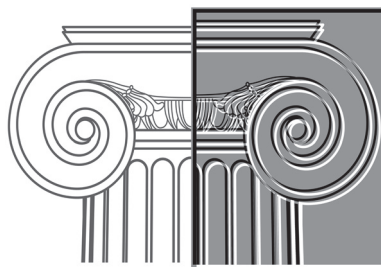
6. Исакофф С. Музыкальный строй: как музыка превратилась в поле битвы величайших умов западной цивилизации / пер. с англ. Льва Ганкина. Москва : АСТ, Corpus, corp., 2016. 275 с.
7. Кузнецова А. В., Долгачева С. А. Романтизм в европейской музыкальной культуре (библиографический глоссарий). Белгород : Политерра, 2014. 155 с.
8. Кузнецова А. В., Кузнецов А. В. Мифологическое сознание романтиков в аспекте допредикативных структур архетипных состояний человеческого духа // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 14 (211). Выпуск 33. С. 87–91.
9. Курганская О. А. Проблемы адаптации музыкальной педагогики к требованиям времени // Вестник Белгородского государственного технологического университета имени В. М. Шухова. 2015. № 3. С. 202–206.
10. Лист Ф. Избранные статьи / [предисл. и общая ред. Я. Мильштейна] ; [ред. текста, вступ. статья и примеч. С. Барского]. Москва : Музгиз, 1959. 464 с.
11. Лосев А. Ф. Форма – Стиль – Выражение : [сборник] / [сост. А. А. Тахо-Годи ; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова ; авт. послесл. В. В. Бычков и М. М. Гамаюнов]. Москва : Мысль, 1995. 944 с.
12. Мильштейн Я. И. Ф. Лист. Том 2. 2-е изд., расшир. и доп. Москва : Музыка, 1971. 599 с. (Классики мировой музыкальной культуры)
13. Метнер Н. К. Повседневная работа пианиста и композитора : Страницы из записных книжек. 2-е издание. Москва : Музыка, 1979. 69 с. (Вопросы истории, теории, методики)
14. Рыбинцева Г. В. Ладовые основы классицизма в контексте мировоззрения XVIII века // Проблемы музыкальной науки. 2017. № 1. С. 33–38. DOI: 10.17674/1997-0854.2017.1.033-038
15. Философский словарь / [Адо А. В. и др.] ; под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Политиздат, 1991. 559 с.
16. Шаймухаметова Л. Н. Семантический анализ музыкального текста (о разработках проблемной научно-исследовательской лаборатории музыкальной семантики // Проблемы музыкальной науки. 2007. № 1 (1). С. 31–44.
17. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика : в 2 томах / вступ. ст., сост., пер. с нем. Ю. Н. Попова. Москва : Искусство, 1983. Том 1. 1983. 479 с. (История эстетики в памятниках и документах).
18. Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков / сост., пер., вступ. статья и коммент. А. В. Михайлова. Москва : Искусство, 1986. С. 7–43.
19. André P. *Nuages gris, le dernier pèlerinage de Franz Liszt*. Magnanville, Le Passeur Editeur, 2014. 168 p. (In French)
20. Kazantseva L. P. Tonality: The Semantic Aspect. *Problems of musical science*. 2017, no. 4, pp. 78–84. DOI: 10.17674/1997-0854.2017.4.078-083 (In English)
21. Hess J. Interrupting the symphony: unpacking the importance placed on classical concert experiences. *Music Education Research*. 2016, 20:1, 11-21, DOI: 10.1080/14613808.2016.1202224 (In English)

References

1. Buasye A. [Boissier Augusta] *Uroki Lista [Lessons From Franz Liszt]*. St. Petersburg, Compozitor Publishing House • Saint-Petersburg, 2013. 73 p. (In Russian)
2. Varlamov D. I., Vinogradova E. S. Theoretical and methodological approaches to the research of performing school in music art. *Fundamental research*. 2013, no. № 11-7, pp. 1407–1411. (In Russian)
3. Gendel M. [Heindel Max] *Kosmogonicheskaya kontseptsiya: Osnovnoy kurs po proshloy ehvolyutsii cheloveka, ego nyneshney konstitutsii i budushchemu razvitiyu [Cosmogonic concept: a Basic course on the past evolution of man, his current Constitution and future development]*. Israel, 1984. 375 p. (In Russian)
4. Makovelsky A, transl. *Dosokratiki. Doeleatovsky i eleatovsky periody [Pre-Socratic philosophers. Pre-eleat and eleat periods]*. Minsk, Harvest Publishing House, 1999. 784 p. (In Russian)
5. Zhelnov V. M. *Epistemologiya v kontse XX veka (osnovnye paradigmy: zakonomernosti stanovleniya i ehvolyutsii)*. *Avtoreferat diss. kand. filos. nauk [Epistemology at the end of the 20th century (main*

- paradigms: laws of formation and evolution*). *Synopsis cand. philos. sci. diss.*. Moscow, 1999. 26 p. (In Russian)
6. Isacoff Stuart *Temperament. How music became a battleground for the great minds of western civilization*. 2003. (In Rus. ed.: Isakoff S. *Muzykal'nyy stroy: kak muzyka prevratilas' v pole bitvy velichayshikh umov zapadnoy tsivilizatsii*. *Perevod Lva Gankina* [Musical system: how music turned into the battlefield of the greatest minds of Western civilization. Translated by Lev Gankin]. Moscow, Ast Press Publishing House, Corpus, cop. Publishing House, 2016. 275 p.)
 7. Kuznetsova A. V., Dolgacheva S. A. *Romantizm v evropeyskoy muzykal'noy kul'ture (bibliograficheskii glossariy)* [*Romanticism in European Musical Culture (Bibliographic Glossary)*]. Belgorod, Publishing Printing Center "Politerra", 2014. 155 p. (In Russian)
 8. Kuznetsova A. V., Kuznetsov A. V. Romantic mythological consciousness in the aspect of the human spirit archetype structures. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law*. 2015, no. 14 (211), issue 33, pp. 87–91. (In Russian)
 9. Kurganskaya O. A. Problemy adaptatsii muzykal'noy pedagogiki k trebovaniyam vremeni [Problems of adaptation of music pedagogy to the requirements of the time]. *Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*. 2015, no. 3, pp. 202–206. (In Russian)
 10. List F. [Liszt Franz] *Izbrannyye stat'i* [Featured Articles]. Moscow, Music State Publishing House, 1959. 464 p. (In Russian)
 11. Losev A. F. *Forma – Stil' – Vyrazhenie* [Form – Style – Expression]. Moscow, Mysl Publishers, 1995. 944 p. (In Russian)
 12. Milshteyn Ya. I. *F. List*. Vol. 2. 2nd edition. Moscow, Music Publishing House, 1971. 599 p. (In Russian)
 13. Metner N. K. *Povsednevnyaya rabota pianista i kompozitora: Stranitsy iz zapisnykh knizhek* [The daily work of the pianist and composer: pages from notebooks]. 2nd edition. Moscow, Music Publishing House, 1979. 69 p. (In Russian)
 14. Rybintseva G. V. The Modal Foundations of Classicism in the Context of the World Perception of the 18th Century. *Problems of musical science*. 2017, no. 1, pp. 33–38. DOI: 10.17674/1997-0854.2017.1.033-038 (In Russian)
 15. Frolov I. T., ed. *Filosofsky sloar'* [Philosophical dictionary]. 6th edition. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1991. 559 p. (In Russian)
 16. Shaymukhametova L. N. Semantichesky analiz muzykal'nogo teksta (o razrabotkakh problemnoy nauchno-issledovatel'skoy laboratorii muzykal'noy semantiki) [Semantic analysis of musical text (on the development of the problem research laboratory of musical semantics)]. *Problems of musical science*. 2007, no. 1 (1), pp. 31–44. (In Russian)
 17. Shlegel F. [Schlegel Friedrich] *Estetika. Filosofiya. Kritika. Tom 1. Sostavlenie, perevod Yu. N. Popova* [Aesthetics. Philosophy. Criticism. Vol. 1. Comp., trans. by Yu. N. Popov]. Moscow, Art Publishing House, 1983. 479 p. (In Russian)
 18. Esteticheskie idei nemetskogo romantizma [Aesthetic ideas of the German romanticism]. In: Mikhaylov A. V., comp., trans. *Estetika nemetskikh romantikov* [Aesthetic of the German romanticism]. Moscow, Art Publishing House, 1986. Pp. 7–43. (In Russian)
 19. André P. *Nuages gris, le dernier pèlerinage de Franz Liszt*. Magnanville, Le Passeur Editeur, 2014. 168 p. (In French)
 20. Kazantseva L. P. Tonality: The Semantic Aspect. *Problems of musical science*. 2017, no. 4, pp. 78–84. DOI: 10.17674/1997-0854.2017.4.078-083 (In English)
 21. Hess J. Interrupting the symphony: unpacking the importance placed on classical concert experiences. *Music Education Research*. 2016, 20:1, 11-21, DOI: 10.1080/14613808.2016.1202224 (In English)

ЭСТЕТИКА

ИМПРОВИЗАЦИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 159.9:7.01

М. С. Резанцева

Московский государственный институт культуры

В статье рассматривается импровизация как неотъемлемый элемент творческой деятельности. Автор предполагает, что в современной постмодернистской культуре импровизация является не просто особенностью, а отдельным специфическим элементом творчества, вследствие чего может быть выделена в самостоятельную категорию современной эстетики. На сегодняшний день изучаемая проблематика представляется особенно актуальной, поскольку всестороннее участие феномена импровизации в искусстве постклассической эпохи неоспоримо. В доказательство тому проводится исторический анализ форм и методов использования импровизации в искусстве, даётся характеристика современной постмодернистской культурной ситуации и места в ней импровизации, а также анализируется непосредственная связь понятия импровизации с важнейшими компонентами эстетического категориального аппарата.

Ключевые слова: импровизация, творчество, постмодернизм, категориальный аппарат эстетики.

M. S. Rezantseva

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

IMPROVISATION AS THE SPECIFIC ELEMENT OF CREATIVE ACTIVITY

Article deals with improvisation as an integral element of creative activity. Author assumes that in a contemporary postmodernist culture improvisation is not merely a feature but rather a separate specific element of creative activity and can, therefore, be considered an independent category of modern aesthetics. As of today the range of problems in question appears to be especially important because the phenomenon of improvisation is unarguably thoroughly intertwined with the art of postclassical era. As a proof there of, historical analysis of form and methods of improvisation usage in art is provided, together with characteristic of position of improvisation within contemporary postmodernist cultural environment, and the analysis of direct connection of the improvisation concept with the most important components of aesthetical categorical framework.

Keywords: improvisation, creation, postmodernism, aesthetical categorical framework.

Для цитирования: Резанцева М. С. Импровизация как специфический элемент творческой деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 106–111.

РЕЗАНЦЕВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

REZANTSEVA MARIYA SERGEEVNA – graduate student of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: rouxardent@gmail.com
© Резанцева М. С., 2019

Импровизация – самый древний и, как ни странно, самый малоизученный элемент творчества. Предварительный взгляд на проблему позволяет предположить, что импровизация – это то, с чего фактически начинается любой творческий процесс. Само возникновение искусства в процессе становления человеческой цивилизации основано на постоянном импровизировании. Однако импровизация является базовым элементом не только творчества: развитие, например, языка (на филогенетическом уровне, как и развитие речи на онтогенетическом) также проходит в процессе импровизации.

Несмотря на то, что проблема импровизации неоднократно рассматривалась в рамках искусствоведения и психологии, с точки зрения эстетики не все эвристические возможности этого феномена окончательно исчерпаны. Необходимость решения этого вопроса особенно актуальна для современной эстетики, так как проблема импровизации тесно переплетается с особенностями постмодернистской культуры, одним из определяющих начал которой является её игровой характер.

Истоки всех видов искусства лежат в полуимпровизационных формах народного творчества. Это основа любого фольклора: искусство долгое время передавалось в устной форме, а исполнитель в стремлении избежать монотонности непременно добавлял собственные варианты в канонический текст произведения. Народное творчество по большей части импровизационно, в этом виде художественного творчества носителем художественного содержания является сам деятельностный процесс.

В целом можно говорить о том, что творчество до появления письменности (или системы нотации) полностью основывалось на импровизационной природе.

«Каждый национальный язык ... создавался не выдающимися одиночками, а формировался в массовой практике общенационального устного общения. И чем шире, чем интенсивнее было такое общение, тем активнее и быстрее развивался язык. Только устная форма даёт языку жизнь» [3]. Ещё одно подтверждение импровизационного развития коллективного народного творчества, которое лежит в основе зарождения языка, можно найти в работе «Народное музыкальное творчество» под редакцией О. А. Пашиной, в которой отдельно противопоставляется лотмановская «эстетика тождества» (как отражение строгой традиционности и каноничности) [5, с. 350–354] и вариативность (на правах «эстетики противопоставления», как проявление импровизационного генеза развития) фольклорного музыкального творчества [6, с. 52–53]. С возникновением возможности относительно точной фиксации художественного материала импровизация стала отходить на второй план.

Высшей точкой развития импровизации в искусстве можно считать период Возрождения. Собственно, сам термин «импровизатор» (*improvisatore*) появился в Италии в XVI веке, означая поэта, декламировавшего мгновенно сочинённые на любую тему стихи под аккомпанемент музыкального инструмента (Томмазо Сгриччи, Бернардо Аккольти). Однако, как ни парадоксально, этот же момент истории повернул искусство против его импровизационной природы: так называемый метод Леонардо [да Винчи], основывающийся на теории, что идея, рождённая вдохновением и интуицией, впоследствии должна быть доведена до совершенства многочисленными повторениями (упражнениями, занятиями) и исправлениями, постепенно ограничила степень влияния импровизационного

начала на процесс художественного творчества. И если в ораторском (поэтическом, полуфольклорном) искусстве ещё сохранялась импровизация, то профессиональный театр перешёл на заучивание текстов и интонаций.

Тем не менее позже, в период романтизма, импровизация в искусстве пережила очередную подъём. Это связано с тем, что в этот период, как и в Ренессансе, случилась новая своего рода «эстетическая революция»: на место науки и разума, главных движущих сил эпохи Просвещения, романтизм ставит художественное творчество индивида. Особенно это творчество ценно тогда, когда происходит спонтанно, по наитию, и не является совершенным образцом жанра, но имеет явственный отпечаток личности автора со всеми её прекрасными и безобразными сторонами. Необходимость аутентично воспроизвести комплексные особенности, принадлежащие как микрокосму – то есть находящиеся внутри творческого субъекта, так и макрокосму – то есть находящиеся вне его, сделала реализм главным стилем искусства романтизма. Для романтического автора именно аутентичность (естественность, неподготовленность) есть идеал, она выбирается в качестве квинтэссенции прекрасного. Импровизация же всегда реалистична, так как существует «здесь и сейчас», следуя происходящему во внутреннем мире художника или в окружающей его среде. Это проявление реализма – реализм-как-аутентичность, а не реализм-как-материализм – чрезвычайно созвучно художественным доктринам романтизма.

Эстетическое осмысление неклассических форм искусства XIX века – импрессионизма, экспрессионизма, постимпрессионизма, модернизма – уже не укладывалось в логику рациональных систем и теорий

прекрасного, а хаотичный и конфликтный XX век с его всё возрастающими темпами развития привёл художественное сознание к деструкции, одиночеству и отчуждению – и, как следствие, к резко возросшей роли игрового импровизационного начала в творчестве.

В современной художественной культуре импровизация снова играет огромную роль, поскольку является одним из важнейших компонентов творчества в эпоху постмодернизма. Рассматривая постмодернизм как ключевую систему художественных ценностей современности, невозможно недооценить значение импровизации в постмодернистской творческой практике, поскольку постмодернизм сообщает современной культуре игровое отношение к искусству и знанию, а импровизация – это всегда в первую очередь игра¹. В ситуации постмодернизма допустимо любое переосмысление или игра со смыслами, объединение и деконструкция чего угодно, от бытовых повседневных событий до научного знания. Однако эта же главенствующая роль импровизирования в актуальной ситуации зачастую ведёт к обесцениванию самого искусства: артистический жест подчас оказывается важнее мастерства, образности, стиля, поскольку интертекстуальность и перенасыщенность информацией современной культуры позволяет почти каждому её потребителю выглядеть специалистом в любой избранной области. Происходит уравнивание профессионализма и любительства, порой не требуется владения ка-

¹ Здесь хочется добавить, что музыкальное, в первую очередь исполнительское, искусство наиболее восприимчиво к импровизации, так как в наибольшей мере сохранило игровые черты. Это прослеживается даже в языке, который мы используем для обсуждения различных форм искусства: музыкант всегда играет на инструменте, в то время как художник работает кистью, а скульптор – резцом.

кими-то специальными знаниями, умениями и навыками, а важно лишь видение актуальности арт-объекта. Принято считать, что такая ситуация сложилась в массовой культуре XX века, однако философ и социолог Теодор Адорно утверждает, что ещё с XIX века существует индустрия культуры, механически перерабатывающая и воспроизводящая все направления в искусстве для широких масс [1].

Таким образом, ко времени появления массовой культуры постмодернизма успел накопиться огромный пласт бессознательных архетипов, не требующих особенной рефлексии. Художественный текст в этом случае становится многозначным: он ориентирован как на не очень интеллектуального и образованного потребителя, так и наоборот; и в не меньшей степени он ориентирован на постмодерниста, способного интерпретировать любой объект как культурный код, допускающий множество смыслов в одном тексте. Код в данном случае становится лишь ассоциативным полем, сверхтекстовой организацией значений, которые навязывают представления об определённой структуре [2].

Большую роль в таком кодировании имеют, во-первых, ожидания адресата, а во-вторых, конкретный идиолект художника. В данном случае речь идёт не столько даже о многозначности, свойственной искусству в принципе, а о вариативности интерпретации художественного текста. Эстетические исследования последних лет показывают, что при создании классического произведения искусства смыслом его наделяет непосредственно автор, в то время как в наделии смыслом современного арт-объекта всегда участвует зритель / слушатель – так или иначе реципиент. Таким образом, текст постоянно находится в процессе становления его художественного

смысла, имеет возможность его постоянно обновлять. Наиболее чётко эта точка зрения выражена в эссе Р. Барта «Смерть автора»: «ныне мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл (“сообщение” Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [2, с. 388].

В то же время наблюдается противоположная ситуация: когда импровизация в произведении становится моментом перехода этого произведения из категории коммерческого продукта в категорию автономного искусства. Например, Энди Хэмилтон, современный исследователь эстетики джаза, одного из важнейших импровизационных искусств, пишет: «... импровизация стала цениться в джазе тогда, когда эта музыка обретала себя вне пространства развлекательного жанра и коммерциализации» [7].

Эклектичность языка актуального искусства приближает современную модель импровизации к постмодернистскому тексту. При помощи паттернов, изначально не присущих теме для импровизации, достигается как усложнение и обогащение языка данного вида искусства, так и постоянно присутствующий контекст иронии, на которой зиждется постмодернистская парадигма. Это одновременное и присутствие автора, насыщающего импровизационный текст собственными ремарками, так и полное отсутствие его, апелляция к ассоциативным рядам и смысловым контекстам слушателей. Таким образом, импровизация всегда расширяет контекст основной темы настолько, что контекст зачастую перестаёт существовать.

Ключевая роль игры в импровизации очень ярко иллюстрирует единственную объективную ценность постмодернизма – получение удовольствия от этой игры.

Однако импровизация – это не просто неконтролируемый поток не связанных друг с другом кодов. Благодаря постоянно присутствующей тематической основе импровизация тесно «сотрудничает» с двумя важнейшими эстетическими категориями – мимесиса и катарсиса.

Подражание становится творчеством в тот момент, когда в действие вступает импровизирование, позволяющее отклоняться от схемы подражания объекту и начать формировать объект новый, какого не было прежде.

Прямая же связь категории импровизации с категорией катарсиса заключается в дионисийской природе импровизации. Считается, что подлинное эстетическое переживание возникает тогда, когда все участники художественного процесса – как зритель, так и художник – переживают состояние, которое ближе всего подходит к типу религиозного (скорее, дохристианского) опыта. Такое катарсическое переживание дионисийской природы, широко распространённое в искусстве XX века, вообще очень способствует пробуждению различного рода языческих культовых ощущений. А что создаёт такие переживания лучше, чем спонтанные акты импровизации в художественном творчестве, творящемся на глазах у публики? Собственно, это не столько акты импровизации в творчестве, сколько импровизирование как форма художественного творчества. Процесс

импровизирования становится имманентной художественной ценностью, поскольку полностью отвечает за создание произведения искусства или арт-объекта. Наиболее ярко это проявляется в музыкальном и театральном видах искусства, а также в современных арт-практиках, где репрезентация полностью подготовленного автором произведения искусства заменяется на реконструкцию или деконструкцию обыденной действительности или бытовых вещей, – хэппенингах, перформансах, кинетическом искусстве, новой вещественности и т.д.

Таким образом, можно заключить, что импровизация – это не просто специфическая особенность, но специфический элемент художественного творчества, в котором носителем художественного содержания является не продукт, а сам процесс деятельности. Определяющая характеристика импровизации как элемента художественного творчества – это содержательность самого процесса творчества. Такая процессуальная сущность, в свою очередь, воплощается в игровом характере импровизации.

Мы предполагаем, что в современной ситуации постмодернистской культуры импровизация должна выйти на передний план исследований в эстетике, поскольку в арт-практике импровизирование зачастую становится не просто помогающим творчеству звеном процесса создания художественного произведения, а главной движущей силой и единственным методом создания артефакта. Признавая важность импровизации в современном арт-пространстве, импровизацию можно выделить в самостоятельную эстетическую категорию.

Примечания

1. Адорно В. Т. Эстетическая теория = Ästhetische Theorie / [пер. с нем. А. В. Дранова]. Москва : Республика, 2001. 526 с.
2. Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. [с. 3–45] Г. К. Косикова. Москва : Прогресс : Универс, 1994. 615 с.

3. Баташев А. Н. Феномен импровизации [Электронный ресурс] // Jazz.ru : [веб-сайт]. Электрон. дан. 14.03.2018. URL: <https://www.jazz.ru/pages/batashev/improvisation.htm>
4. Биричевская О. Ю. Аксиология массовой культуры. Сравнительный ценностно-смысловой анализ : монография. Москва : Научная книга, 2005. 355 с.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва : Искусство, 1970. 384 с.
6. Народное музыкальное творчество : учебник / отв. ред. О. А. Пашина. Санкт-Петербург : Композитор, 2005. 568 с.
7. Теория джаза. Профессор Энди Хамилтон: «Джаз как классическая музыка» [Электронный ресурс] / пер. с англ. М. С. Резанцевой // Jazz.ru : [веб-сайт]. Электрон. дан. 14.03.2018. URL: <http://journal.jazz.ru/2018/03/14/andy-hamilton-jazz-as-classical-music>

References

1. Adorno V. T. [Adorno Theodor Ludwig Wiesengrund] *Ehsteticheskaya teoriya [Aesthetic theory]*. Moscow, Publishing House "Republik", 2001. 526 p. (In Russian)
2. Bart R. [Barthes Roland] *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poehtika [Essential works. Semiotics. Poetics]*. Moscow, Progress Publishers, 1989. 616 p. (In Russian)
3. Batashev A. N. *Fenomen improvizatsii [The improvisation phenomenon]*. Available at: <https://www.jazz.ru/pages/batashev/improvisation.htm> (In Russian)
4. Birichevskaya O. Yu. *Aksiologiya massovoy kul'tury. Sravnitel'nyy tsennostno-smyslovoy analiz [Axiology of mass culture. Relative axiological analysis]*. Moscow, Publishing house "Scientific Book", 2005. 355 p. (In Russian)
5. Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta [Artistic text structure]*. Moscow, Art Publishing House, 1970. 384 p. (In Russian)
6. Pashina O. A., ed. *Narodnoye muzykal'noye tvorchestvo [Folk music art]*. Saint-Petersburg, Compozitor Publishing House • Saint-Petersburg, 2005. 568 p. (In Russian)
7. *Teoriya dzhaza. Professor Endi Khamilton: "Dzhaz kak klassicheskaya muzyka" [Jazz Theory. Professor Andy Hamilton: "Jazz is like classical music"]*. Available at: <http://journal.jazz.ru/2018/03/14/andy-hamilton-jazz-as-classical-music> (In Russian)

*

ТРИВИАЛИЗАЦИЯ ЭСТРАДНОГО ТВОРЧЕСТВА КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

УДК 7.01

А. Е. Кощев

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена ценностно-эстетическим параметрам современной российской эстрады. Особое внимание автор уделяет вопросам развития и трансформации этого популярного и специфического явления массовой культуры. В процессе рассмотрения сущности эстрадного творчества, его специфичных черт и характера эстетических трансформаций в культурном контексте современности автор приходит к выводу о том, что в ряду тенденций «размывания» ценностных оснований российской эстрады и упразднения «нормы вкуса» тривиализация заслуживает специального изучения. Данная тенденция раскрывается в сопоставлении достижений «классического» периода развития эстрады с актуальным состоянием её традиционных и инновационных форм. Автором предпринята попытка определения явления тривиализации в качестве элемента массовой культуры как в общем смысле, так и применительно к проблематике эстрадного творчества.

Ключевые слова: российская эстрада, эстрадное творчество, эстетические трансформации, тривиализация, ценностный аспект эстрадного творчества, трэш, развлекательность, массовая культура, традиционные и инновационные формы.

A. E. Koscheev

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

TRIVIALIZATION OF VARIETY CREATIVITY AS AESTHETIC PROBLEM

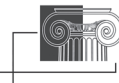
The article is devoted to the value and aesthetic parameters of the modern Russian stage. The author pays special attention to some factors of development and transformation of one of the most popular phenomena of mass culture. In the process of considering the essence of variety art, its specific features and the nature of aesthetic transformations in its sphere, the author comes to the conclusion that in a number of trends of “erosion” of the value bases of the Russian stage and the abolition of the “norm of taste” trivialization deserves special study. This trend is revealed in the comparison of the achievements of the “classical” period of development of the stage with the current state of its

КОЩЕЕВ АРТЁМ ЕВГЕНЬЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

KOSHCHEEV ARTEM EVGENYEVICH – graduate student of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: Kosheev_show@bk.ru

© Кощев А. Е., 2019

traditional and innovative forms. The author attempts to define the phenomenon of trivialization as an element of mass culture both in the General sense and in relation to the problem of variety art.

Keywords: Russian variety show, pop art, variety art, aesthetic transformations, trivialization, value aspect of pop art, trash, entertainment, mass culture, traditional and innovative forms.

Для цитирования: Кощеев А. Е. Тривиализация эстрадного творчества как эстетическая проблема // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 112–120.

Целесообразность обращения к эстраде как специфическому виду зрелищной культуры, обладающему определёнными эстетическими параметрами, обусловлена рядом причин. Одна из них – изменение статуса того или иного вида искусства в реалиях социокультурной динамики. Как отмечает современный исследователь Н. А. Хренов, «иногда искусством современности признавалось не традиционное зрелище, представленное театром, и не “машинное” искусство кино, а синтетическая зрелищная форма, в которой объединяются элементы художественных (театр, цирк и т.д.) и нехудожественных зрелищ. Такой синтетической формой мыслилась эстрада» [8, с. 156].

К этому суждению стоит добавить, что традиционно эстрадная форма зрелищной культуры рассматривалась не только в плане её синтетичности, но и в качестве «лёгкого жанра». Вероятно, поэтому сущности и назначению эстрады отводится определённое место в эстетическом «поле проблем». В то же время нельзя не отметить, что в последние годы всё реже внимание исследователей акцентируется на эстраде по сравнению с их обращением к арт-практикам различного рода, включая эстетический акционизм. Исключение составляют работы исследователей М. М. Муратова [5] и П. М. Шаболтая [9].

Одним из ключевых моментов эстетической рефлексии эстрады является стремление определить статус этого явления.

При всей привычности словосочетания «эстрадное искусство» до сих пор не найден ответ на вопрос о том, имеет ли право эстрада претендовать на признание её как специфического вида искусства или же стоит найти другое определение, более соответствующее сути эстрадной формы культуры.

На этот вопрос существуют разные ответы. Так, известный режиссёр эстрадных представлений и педагог И. Г. Шаров в середине 1980-х годов прошлого столетия, отмечая, что эстрада – это синтетический вид сценического действия, вводил её в ранг искусства [10, с. 19]. Через несколько лет авторитетный театровед Е. Л. Уварова, исследователь творчества Аркадия Райкина, обратила особое внимание на то, что эстрада представляет собой многожанровое сценическое искусство [7, с. 767]. Таким образом, некоторые исследователи эстрады, часто воспринимаемой как развлекательная форма культуры, признавали в ней сущностные признаки искусства.

Однако в свете таких философских определений искусства, как «мышление в образах» (Г. В. Ф. Гегель), «самосознание культуры» (М. С. Каган), «образная модель жизни» (Ю. М. Лотман) и других, эстрада, реально являясь «лёгким жанром», далеко не всегда подтверждает своими характеристиками статус подлинно художественного явления. Открытый характер вопроса о том, является ли эстрада искусством,

в определённой степени обусловлен также трансформациями в сфере эстрадного творчества.

В связи с этим особого внимания заслуживает тенденция *тривиализации* в массовой культуре в целом и в области эстрадных форм и жанров в частности. На первый взгляд, «тривиализация» как культурное явление вызывает ассоциации с понятиями элементарного и банального, обозначающими общедоступные смыслы и значения. Однако, по мнению авторитетного эстетика В. П. Шестакова, тривиальное является необходимым элементом массовой культуры, так как «по своей эстетической функции массовая культура переводит всё многообразие художественного и эстетического опыта к одной норме, и эта норма “тривиальное”» [11, с. 111].

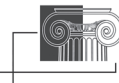
В противовес таким исследователям, как У. Гесс, Л. Ростен, А. Бергер, которые оценивают тривиализацию эстетических ценностей как негативное явление, В. П. Шестаков определяет массовую культуру не простым китчем, а искусством тривиализации.

Именно поэтому открытым становится вопрос о субъектности тривиализации, то есть о роли художника в данном процессе. По утверждению Н. Б. Маньковской, художник, «акцентируя внимание на тривиальном, играет роль образцового наблюдателя, способного придать эстетико-потребительские качества любому объекту, сделать его экономически привлекательным» [4, с. 13]. Следовательно, художник в какой-то мере оказывается причастным к тривиализации как процессу нивелирования ценностного, эстетического содержания произведения и к действию, направленному на некоторую выработку модели арт-потребления [4, с. 13].

С учётом рассмотренных точек зрения и собственных наблюдений тривиализация определяется как элемент массовой культуры, реализующийся через сведение художественного и эстетического опыта к общедоступным формам восприятия.

Как особый тип изменений тривиализация зародилась ещё в начале XX века, когда складывалась жанровая структура эстрады. Многие исследователи (в том числе Е. Д. Уварова) отмечают, что эстрада «большой формы» в качестве дивертисментного концерта появилась ещё в конце XIX века: именно тогда программу составляли арии, куплеты и другие сценические формы сатирического и лирического характера.

По сути, эстрада, включённая в эстетическое пространство культурного досуга, представляла собой полижанровый коллаж номеров популярных исполнителей, который позже трансформировался в *ревю* (от фр. *revue* – ‘обозрение’). Основой эстрадного ревю является комплекс концертных номеров, объединённых определённой темой, как правило отражённой в названии данного представления. Именно в форме ревю тривиализация проявилась как *жанровая вариофикация* [1, с. 173] эстрады: заявленная в названии тема раскрывалась через призму номеров опереточного, пародийного, балетного характера в сочетании с элементами кабаре и варьете. Не без влияния явления жанровой вариофикации в театральной жизни Серебряного века возникли и стали популярными «капустники» на темы сценического творчества. Именно из таких «капустников» Московского Художественного театра возник в 1908 году под руководством Никиты Балиева театр-кабаре «Летучая мышь»; в это же время в Петербурге появилось

«Кривое зеркало» под руководством Николая Евреинова как «театр малых форм» са-тирического типа.

Естественно, что существенные изменения в сфере эстрадного творчества внесли социально-политические события в России, начиная с февраля 1917 года. Как авторы эстрадных текстов, так и их исполнители, артисты по сути переориентировались на нового потребителя, вследствие чего заметно активизировались тенденции тривиализации эстрады. Изучение особенностей развития эстрадных форм в последующие десятилетия подтверждает мысль В. П. Шестакова о постоянной конвергенции массовой и элитарной культур, где массовая «постоянно впитывает и тривиализирует элементы противостоящих ей культур» [11, с. 112].

Стоит заметить, что если в период становления и интенсивного развития эстрады тривиализация была инструментом, то есть контролируемым, планируемым, заранее сознательно встроенным процессом, «результатом усилий огромного числа художников свести всё содержание культуры одному стандарту» [11, с. 111], то на сегодняшний день, в реалиях постмодернизма, тривиальность становится процессом практически бесконтрольным, автономно устанавливающим границы творчества.

Здесь уместно обратить внимание на трансформацию нескольких нонконформистских течений, которые принято называть «русским роком». Создание в 1970–1980-х годах прошлого века таких музыкальных коллективов, как «Машина времени», «Аквариум», ДДТ, «Гражданская оборона», «Кино», «АукцЫон», «Наутилус Помпилиус» и других, наметило распространение социально-политической, мировоззренческой позиции несогласия в поле

творческой самореализации. Форма и содержание произведений и концертов этих групп были подчинены идее свободы личности. Это ярко выражалось текстами песен «Поезд в огне» («Аквариум»), «Всё идёт по плану» («Гражданская оборона»), «Родина» (ДДТ), «Перемен» (Кино), «Хлоп-хлоп» и «Скованные одной цепью» («Наутилус Помпилиус») и других. С учётом содержательных и выразительных аспектов данного явления, а также исполнительского стиля мы можем говорить о «квартирных концертах» как об идеологическом противопоставлении официальной эстраде.

Важно при этом отметить, что в результате популяризации этих музыкальных течений произошло частичное заимствование форм современной эстрады (создание рок-шоу, коммерциализация творчества). С течением времени присущие ранее многим рок-исполнителям эстетика протеста и демонстративный стиль выражения несогласия трансформировались. Постепенно их репертуар пополнился ностальгическими и лирическими темами, что оказало влияние на содержание новых произведений и сместило акценты в восприятии старых песен: теперь они воспринимаются, скорее, как знаки и символы эпохи. Это привело к тому, что сегодня мы считаем «русский рок» популярным явлением в сфере эстрады.

В свете проблемы трансформации ценностно-эстетических параметров эстрадного творчества стоит остановиться и на некоторых особенностях популярной эстрады конца 1970-х – 1990-х годов. В 1970-е годы «поп-сцена» СССР в содержательном отношении была представлена в определённой степени однородно вокально-инструментальными ансамблями и сольными исполнителями, которые через

своё творчество транслировали идею оптимистичного настоящего и светлого будущего (например, произведения «Мой адрес Советский Союз», «Любовь, комсомол и весна» и другие).

Но уже во второй половине 1980-х годов, в период смены ориентиров, в советском обществе приоритетными стали ценности реальной свободы личности и её самовыражения, что обусловило тенденции преодоления нормативных ограничений в различных сферах жизни, в том числе и художественной.

Эстрада наполнилась огромным количеством исполнителей, которые часто сводили тему свободы к мотивам радости получения материальных благ, мечты об эмиграции, сексуального гедонизма и т.д. Именно эти мотивы преобладали в таких композициях, как «American Boy», «Вишнёвая девятка», «Два кусочка колбаски» в исполнении группы «Комбинация»; «Сан-Франциско» – группы «Кар-Мен» и прочие. В социальном, политическом, экономическом контекстах данные произведения были очень актуальны, но транслировали скорее ценности квазисвободы, чем свободы слова, волеизъявления, совести. Таким образом, тривиализация эстрадных форм массового досуга (особенно молодёжного) проявлялась в их содержательном обеднении и игнорировании критериев эстетического вкуса.

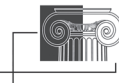
Подчеркнём, что не только в сфере музыкальной эстрады (особенно молодёжной) тривиализация проявлялась в содержательном обеднении и игнорировании прежних критериев эстетического вкуса. Эти тенденции были характерны и для трансформации речевых жанров эстрады, в связи с чем стоит сопоставить их характеристики на ряде конкретных примеров.

Одним из ярчайших представителей данного жанра является А. И. Райкин, который долгие годы возглавлял Ленинградский государственный театр миниатюр, первый в СССР профессиональный театр эстрады. Эстетическая ценность творчества самого Аркадия Райкина и поэтики его театра заключается в том, что смысловая ёмкость каждой миниатюры или спектакля, сатирическое звучание номеров находили убедительное выражение в яркой, точно выверенной форме, согласующейся с критериями художественного вкуса.

Несмотря на «чёрного человека в сером пиджаке» (подразумевающего строгую цензуру литературного материала), эстрада становилась в лице Райкина одним из средств нравственной критики многих явлений социокультурной реальности¹. Эта же особенность соответствия вербального типа эстрады эстетическим критериям характерна для знаменитых парных дуэтов – Тарапуньки и Штепселя, Миров и Новицкого, Мироновой и Менакер и других.

Каково же положение этого жанра сегодня? Для прояснения этого вопроса стоит рассмотреть две полярные телевизионные программы «Comedy club» и «Петросян-шоу». Целевая аудитория первого – молодёжь от 16–40 лет, второй – от 40 и

¹ Можно вспомнить, например, такие номера, как «Дефицит» 1974 года (А. И. Райкин в образе директора магазина, рассказывающего о механизме использования дефицитных товаров в качестве взятки), «Товарищеский суд» того же года (образ пьяницы и дебошира, обвиняющего общество в безучастии к его судьбе), «Незаменимый» (о начальнике, ничего не смыслящем в производстве) и ряд других, не менее ярких образцов гармонии содержания и формы в эстрадных миниатюрах.

старше. В случае с молодёжным шоу темы зачастую ограничены девиантным поведением людей и интимной темой. По заявлениям одного из создателей шоу Г. Мартиросяна, такой выбор тем обусловлен установкой на аполитичность канала. Но особый интерес вызывают номера социально-политической направленности, то есть сходные в смысловом плане с номерами А. И. Райкина. Форма таких номеров тоже зачастую яркая (продиктовано шоуизацией и требованиями телевидения).

Основу качественных различий этих двух примеров (миниатюр А. И. Райкина и современных комиков) составляет, во-первых, уровень литературного материала. В Ленинградском театре миниатюр авторами были профессиональные писатели, сатирики, такие как М. Жванецкий, а в современных юмористических шоу номера либо сочиняются непосредственно участниками, либо командой авторов-непрофессионалов, ориентированных на успех в среде «любителей клубнички».

Стоит упомянуть шоу Е. В. Петросяна и театр «Кривое зеркало», которые за долгое время существования на эстрадной сцене сформировали собственный стиль и соответствующую тематику номеров, часто ограниченную мелкими бытовыми проблемами.

Справедливости ради отметим, что исполнители и авторы программ подобной направленности прикладывают огромные усилия для актуализации материала. Однако часто это имеет негативные последствия – потому, что процесс «осовременивания» происходит искусственно, по принципу привлечения молодых исполнителей и внедрения материала, который эклектичен по форме номеров и представлений, что становится некоторым проявлением

кича (например, интермедия «Молодёжная тема» в исполнении Петросяна).

Кроме того, есть немало оснований предположить, что, стремясь к коммерческой выгоде и адаптируя эстраду под веяния шоу-бизнеса, артисты, авторы и режиссёры эстрадных номеров и программ «продвигают» свою «продукцию» зрителю посредством создания «трендов» и «брендов», придавая им рыночную привлекательность.

Одним из факторов смещения содержательных акцентов в современной эстраде является возрастание массового спроса на зрелищную сторону массовой культуры. Как справедливо отмечает Т. С. Злотникова, «самым “продаваемым” и “покупаемым” на культурном рынке товаром стало зрелище: людям проще смотреть, чем читать; визуальные впечатления воспринимаются легче и запоминаются прочнее, чем какие либо иные» [2, с. 202]. При этом исследователь подчёркивает взаимосвязь новых тенденций в развитии зрелищных форм культуры с достижениями научно-технического прогресса: «В традиционных видах искусства – театре, цирке, эстраде – используются электронные технологии освещения и сценографии, лазер, химические эффекты» [2, с. 203].

Действительно, технологизация эстетических средств в сфере эстрады с целью усиления эффекта зрелищности ещё в большей степени усложнила, на наш взгляд, проблему соотношения содержания и формы.

Тривиализация эстрадных форм массовой культуры наглядно проявляется в упрощении смысловой нагрузки как отдельных номеров, так и шоу-представлений. Причём использование в современной эстраде технологической оснащённости

зрелища преследует исключительно развлекательную цель.

Разумеется, деятели эстрады всегда учитывали потребность людей в развлечениях, но при этом не отрицали и принцип содержательности исполняемого номера. С этой точки зрения нельзя не отметить, что в период становления и активного развития в СССР эстрада сохраняла активную функцию «возбуждения к рассуждению» (иными словами, заставляла задуматься). Тем самым демонстрировалось, что при определённых условиях развлекательность и эффект активно воспринимаемого содержания не исключают друг друга, о чём свидетельствует реакция зрительской аудитории на творчество таких эстрадных кумиров, как Аркадий Райкин, Роман Карцев, Ян Арлазолов, Геннадий Хазанов и других артистов: виртуозность их выступлений органично сочетается с их содержательностью и эстетическим вкусом.

На сегодняшний день эстрадное творчество в значительной мере связано с установкой на самоценность развлекательности как таковой, точно так же, как и на смех ради смеха, – не более. Подтверждение данному суждению мы можем найти в стереотипизации большинства музыкальных поп-групп (имеется в виду состав

бойз-бендов, женских вокальных коллективов и соответствующий музыкальный материал), «образ-маска» в речевых жанрах становится только маской, составленной из наиболее общих, банальных черт того или иного персонажа (кавказец – акцент, борода, кепка; полицейский – подлец и взяточник; чиновник – тучный, пошлый, казнокрад и т.д.).

Справедливости ради нужно упомянуть, что на данный момент в области эстрадного творчества наметилась некоторая тенденция, которую можно обозначить как детривиализацию, заслуживающую специального анализа.

Контекст существования эстрады в рамках массовой популярной культуры, характерной потребностью которой, согласно Х. Ортега-и-Гассету, является программируемость реакции зрителя, в некотором роде диктует эстраднему творчеству направление движения [6]. Для перспектив развития эстрады, так же как и других видов искусства, очень важно «исследование роли искусства и художественного творчества в социальном преобразовании» [3, с. 85]. Отсюда вся важность изучения, осмысления и адекватной оценки различных аспектов эстрады как специфического явления культуры.

Примечания

1. Васильев А. З. Жанр как явление художественной культуры // Искусство в системе культуры / составитель и ответственный редактор М. С. Каган. Ленинград : Наука, 1987. С. 167–175.
2. Злотникова Т. С. Человек. Хронотоп. Культура. Введение в культурологию : учебное пособие : учебно-методическое пособие / Министерство образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского», Научно-образовательный центр «Культуроцентричность научно-образовательной деятельности». Издание 3-е, доп. и перераб. Ярославль : Изд-во ГОУ ВПО «Ярославский гос. пед. ун-т», 2011. 331 с.
3. Ковалев В. Г. Роль искусства в социальном творчестве // Искусство в системе эстетического познания и художественной практики : сборник научных статей по материалам межвузовской научно-практической конференции / Департамент образования города Москвы, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (ГАОУ ВО МПГУ), Институт гуманитарных наук,

- Общеуниверситетская кафедра философии и религиоведения ; [редакционная коллегия: Б. Н. Бессонов и др.]. Москва : МГПУ, 2015. С. 84–85.
4. Маньковская Н. Б. Саморефлексия неклассической эстетики // Эстетика на переломе культурных традиций / Российская академия наук, Институт философии ; [отв. ред. Н. Б. Маньковская]. Москва : ИФРАН, 2002.
 5. Муратов М. М. Эстрада как феномен массовой культуры : дис. на соиск. учён. степ. кандидата философских наук : 24.00.01 / Муратов Марат Мурзабекович. Казань, 2005. 158 с.
 6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / [перевод с испанского А. Гелескула]. Москва : АСТ, 2016. 256 с. (Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения). (Эксклюзивная классика).
 7. Уварова Е. Д. Эстрада // Эстрада России. XX век : энциклопедия / [ответственный редактор Е. Д. Уварова]. Москва : ОЛМА-Пресс, 2004. С. 767–768.
 8. Хренов Н. А. Развитие и функционирование зрелищных форм в контексте культуры // Искусство в системе культуры / составитель и ответственный редактор М. С. Каган. Ленинград: Наука, 1987. С. 156–159.
 9. Шаболтай П. М. Проблемы развития отечественной эстрады, 1917–1929 гг. : дис. на соиск. учён. степ. кандидата искусствоведения : 17.00.01 / Шаболтай Пётр Михайлович. Москва, 2000. 144 с.
 10. Шароев И. Г. Режиссура эстрады и массовых представлений : [учебник для высших театральных учебных заведений]. Москва : Просвещение, 1986. 461 с.
 11. Шестаков В. П. Искусство тривиализации: некоторые теоретические проблемы «массовой культуры» // Вопросы философии. 1982. № 10. С. 103–116.

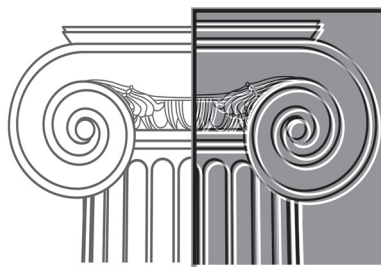
References

1. Vasilyev A. Z. Zhanr kak yavlenie khudozhestvennoy kul'tury [Genre as a phenomenon of artistic culture]. In: Kagan M. S., ed. *Iskusstvo v sisteme kul'tury [Art in the system of culture]*. Leningrad, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1987 Pp. 167–175. (In Russian)
2. Zlotnikova T. S. *Chelovek. Khronotop. Kul'tura. Vvedenie v kul'turologiyu [Human. Chronotope. Culture Introduction to Cultural Studies]*. 3rd edition. Yaroslavl, Publishing house of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 2011. 331 p. (In Russian)
3. Kovalev V. G. Rol' iskusstva v sotsial'nom tvorchestve [The role of art in social creativity]. In: Bessonov B. N., etc., eds. *Iskusstvo v sisteme esteticheskogo poznaniya i khudozhestvennoy praktiki. Sbornik nauchnykh statey po materialam mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Art in the system of aesthetic knowledge and artistic practice: a collection of scientific articles based on the materials of the interuniversity scientific-practical conference]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Pedagogical University, 2015. Pp. 84–85. (In Russian)
4. Mankovskaya N. B. Samorefleksiya neklassicheskoy estetiki [Self-reflection non-classical aesthetics]. In: Mankovskaya N. B., ed. *Estetika na perelome kul'turnykh traditsiy [Aesthetics at the turn of cultural traditions]*. Moscow, Publishing house of Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2002. (In Russian)
5. Muratov M. M. *Estrada kak fenomen massovoy kul'tury. Diss. kand. filos. nauk [Estrada as a mass culture phenomenon. Cand. philos. sci. diss.]*. Rfzan, 2005. 158 p. (In Russian)
6. Ortega-i-Gasset Kh. [Ortega y Gasset José] *Vosstanie mass [Rise of the Masses]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2016. 256 p. (In Russian)
7. Uvarova E. D. Estrada [Variety]. In: Uvarova E. D., ed. *Estrada Rossii. 20 vek. Entsiklopediya [Variety of Russia. 20th century. Encyclopedia]*. Moscow, OLMA Media Group, 2004. Pp. 767–768. (In Russian)
8. Khrenov N. A. Razvitie i funktsionirovanie zrelishchnykh form v kontekste kul'tury [The development and operation of spectacular forms in the context of culture]. In: Kagan M. S., ed. *Iskusstvo v sisteme kul'tury [Art in the system of culture]*. Leningrad, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1987 Pp. 156–159. (In Russian)

9. Shaboltay P. M. *Problemy razvitiya otechestvennoy estrady, 1917–1929 gg. Diss. kand. iskusstv. [Problems of development of domestic variety art, 1917–1929th. Cand. history of arts sci. diss.]*. Moscow, 2000. 144 p. (In Russian)
10. Sharoev I. G. *Rezhissura estrady i massovykh predstavleniy [Directing pop and mass performances]*. Moscow, Publishing House “Prosveshchenie”, 1986. 461 p. (In Russian)
11. Shestakov V. P. *Iskusstvo trivializatsii: nekotorye teoreticheskie problemy “massovoy kul’tury” [Art of trivialization: any theoretic problems of “mass culture”]*. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*. 1982, no. 10, pp. 103–116. (In Russian)

*

СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СФЕРНОГО ПОДХОДА

УДК 379.8:37.022

**О. Ф. Морозова, Е. А. Ноздренко,
Л. Н. Жуковская, С. В. Костылев**

Сибирский федеральный университет

В статье рассматриваются особенности сферного подхода в теории социально-культурной деятельности. Отмечается, что сферность – это качественно-содержательная характеристика, в которой отражено структурно-функциональное единство такого фрагмента реальности, как социум, а социально-культурная деятельность является фактором сферогеиза, организации системности сферы и призвана создать социальный организм, выступающий как социально-культурный мир. Раскрывается характер культурного кода как элемента социально-культурной сферы, который проявляется в трёх направлениях: в онтологическом единстве кода и социокультурных практик, в коэволюции культурного кода и социально-культурной деятельности, в глубокой взаимосвязи и взаимозависимости элементов социокультурной сферы. Авторы приходят к выводу, что современный уровень исследований требует корректировки методологических оснований теории социально-культурной деятельности, в ходе которой обнаруживается эвристическая значимость сферного подхода, парадигмальных оснований, а также применения соответствующих принципов: культуроцентризма, гуманизма, континуальности.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, теория, принципы, сферный подход, культурный код, культуроцентризм, континуальность.

¹МОРОЗОВА ОЛЬГА ФЕДОРОВНА – доктор культурологии, профессор кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Сибирского федерального университета

MOROZOVA OLGA FEDOROVNA – Full Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Advertising and Social and Cultural Activity, the Siberian Federal University

²НОЗДРЕНКО ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой рекламы и социально-культурной деятельности Сибирского федерального университета

NOZDRENKO ELENA ANATOLYEVNA – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Advertising and Social and Cultural Activity, the Siberian Federal University

³ЖУКОВСКАЯ ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА – доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Сибирского федерального университета

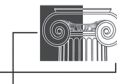
ZHUKOVSKAYA LUDMILP NIKOLAEVNA – Associate Professor of the Department of Advertising and Social and Cultural Activity, the Siberian Federal University

⁴КОСТЫЛЕВ СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – старший преподаватель кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Сибирского федерального университета

KOSTYLEV SERGEY VALEREVICH – Senior Lecturer of the Department of Advertising and Social and Cultural Activity, the Siberian Federal University

e-mail: ofmorozova@mail.ru¹, elena.nozdrenko@mail.ru², jln@kraslib.ru³, profikost@mail.ru⁴

© Морозова О. Ф., Ноздренко Е. А., Жуковская Л. Н., Костылев С. В., 2019

**O. F. Morozova, E. A. Nozdrenko,
L. N. Zhukovskaya, S. V. Kostylev**

Siberian Federal University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Svobodny pr., 79, 660041, Krasnoyarsk, Russian Federation

**METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE THEORY
OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY:
THE HEURISTIC SIGNIFICANCE OF THE SPHERE APPROACH**

The article discusses the features of the spherical approach in the theory of social and cultural activity. It is noted that sphericity is a qualitative and informative characteristic, which reflects the structural and functional unity of such a fragment of reality as a society, and social and cultural activity is a factor of spherogenesis, organization of the sphere's system and is designed to create a social organism acting as a social and cultural world. The nature of the cultural code as an element of the social and cultural sphere is revealed, which manifests itself in three directions: in the ontological unity of the code and social and cultural practices, in the co-evolution of the cultural code and social and cultural activity, in the deep interrelation and interdependence of the elements of the social and cultural sphere. The authors come to the conclusion that the current level of research requires an adjustment of the methodological foundations of the theory of social and cultural activity, during which the heuristic significance of the sphere approach, paradigm bases and the application of the relevant principles: cultural centrism, humanism, continuity is revealed.

Keywords: social and cultural activity, theory, principles, spherical approach, cultural code.

Для цитирования: Морозова О. Ф., Ноздренко Е. А., Жуковская Л. Н., Костылев С. В. Методологические основания теории социально-культурной деятельности: эвристическая значимость сферного подхода // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 122–132.

Исследования теории и практики социально-культурной деятельности в настоящее время выходят на принципиально новый уровень. Но продвижение по «знаниевой цепочке» от научного факта к теоретическому обобщению столкнулось с целым рядом проблем, которые корнями уходят в непроработанность методологических основ теории, хотя сама теория социально-культурной деятельности в настоящее время обрела статус эвристически значимой, новаторской, актуальной для совершенствования практики социальных и культурных преобразований [24]. Обращение к методологическим основам актуализируется в связи с тем, что для современного поколения практиков и исследователей характерно отсутствие взаимного понимания вследствие различного построения понятийно-категори-

ального аппарата, а также недооценка методологической культуры.

Своевременно поставлены вопросы о соответствии методологии критериям научности, о структуре и функциях методологии в контексте развития теории социально-культурной деятельности и предложены ответы на них. Но динамический характер методологии детерминирует (в этом мы солидарны с Н. Н. Ярошенко) выявление трансформаций методологических принципов, подходов, проведение содержательного сущностного анализа, который должен стать исходным пунктом для решения многочисленного спектра проблем научных исследований такого сложного объекта, как социально-культурная сфера [24, с. 65–66]. Фиксируемое разнообразие предметно-проблемного поля самой теории, тематическая

«разбросанность» научных исследований убедительно свидетельствуют о том, что объективные процессы дифференциации знания о социально-культурном процессе, специализация в научных исследованиях, вызванная практикой углубления в отдельные области изучаемых объектов, приводят к утрате системных характеристик, которые являются базисными для частных теоретических обобщений. Именно поэтому назревает противоположная тенденция – интеграция, синтез знаний о социально-культурной деятельности в целом ряде научных отраслей [23]. Цель такой интеграции поставлена самой логикой исследований: сформировать метатеоретические формы знаний, которые станут предпосылками и ориентирами в организации исследований. Нужна целостная научная картина значительного по объёму фрагмента реальности, в которой протекает социально-культурная деятельность.

Пути интеграции, достижения системности и целостности различны. По нашему мнению, важным шагом на этом пути становится определение объекта и предметно-проблемного поля теории социально-культурной деятельности, при этом мы обращаем внимание, что как объект, так и предмет в теории социально-культурной деятельности целесообразно «развернуть» в контексте приоритетных направлений исследования [24, с. 57–58].

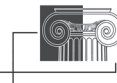
Признанной и широко известной стала концепция, согласно которой специфическим объектом теории социально-культурной деятельности является спектр связанных между собой проблем, среди них: как функционируют обусловленные культурой аспекты жизнедеятельности, как именно использовать социокультурные и социопедагогические методы целенаправленно-го воздействия на поведение человека, в ка-

ком направлении должна происходить оптимизация духовного развития различающихся по гендерному, региональному, этническому, религиозному и т.д. признакам социальных групп [24, с. 50]. Здесь нам импонирует представление об обусловленном особенностями социально-культурной деятельности многообразии объекта и предполагаемая возможность «развернуть» видение объекта в контексте иных направлений исследования.

Исходя из многогранности, вариативности природы социально-культурной деятельности, её интегрированности во все сферы жизнедеятельности личности и общества, внимание исследователя, определяющего объект как фрагмент объективной реальности, может акцентироваться на процессах, происходящих в сфере досуга, сфере функционирования народной художественной культуры, творчества и связанных с ней сферах образования, социальной защиты и реабилитации, индустрии развлечений.

Соответственно, вполне возможно констатировать *необходимость исследования участия социально-культурной деятельности в сферогенезе*, и полагаем продуктивным, отнюдь не умаляя достоинств и объяснительных возможностей имеющихся подходов, обратиться к сравнительно новому для теории социально-культурной деятельности и неразработанному сферному подходу.

Имеющиеся возможности сферного подхода уже отмечались рядом представителей философии, социологии и в настоящее время – культурологии. Проблематичность применения сферного подхода мы видим главным образом в недостаточной разработанности понятийного аппарата, неопределённости при сопоставлении понятий «социальная сфера», «социально-культурная сфера», «сфера социально-культур-

ной деятельности», а также в разночтении принципов исследования сфер.

Обычно упоминание о сфере уводит в размышления о геометрических образах, в которых зашифрованы некие смыслы, и с этим трудно не согласиться. Не случайно Т. Н. Суминова характеризует социосферу через оппозицию «человек – природа» [20].

Уже античные философы пытались отыскать единое основание реально существующего многого. Развитие В. И. Вернадским учения о биосфере, перерастающей в ноосферу, строится по тому же методологическому принципу – во всей Вселенной царствует гармония сфер.

Уточняя категориальный аппарат, мы должны отметить, что обществоведы обычно выделяют экономическую, политическую, социальную, духовную сферы [5]. Так, например, С. А. Шавель полагает, что в сферном подходе первостепенное значение имеют социальные институты – от семьи, образования, СМИ до государства. Он пишет: «Сфера общества представляет собой кластер институтов с имеющимися у них материальными и кадровыми ресурсами, инфраструктурой, коммуникациями, органами управления и др.», а под «социальной сферой» понимается совокупность отраслей непосредственного жизнеобеспечения населения, образующихся из низовых звеньев, ресурсы которых организованы в соответствии с заданным профилем, и включающих такие институционализированные отрасли, как образование, здравоохранение, культура, жилищно-коммунальное хозяйство, санаторно-курортный комплекс, туризм (без экспортной части), физическая культура и спорт (без профессионального спорта), пенсионное обеспечение, социальная работа, защита уязвимых категорий и др.» [22, с. 33].

Принимая во внимание уже существующие в литературе подходы к выделению

сфер [см., например: 18, с. 316], мы считаем уместным обратить внимание на два обстоятельства: во-первых, исследователи обычно в сферу включают субстратные единицы без их функциональных связей и зависимостей, а во-вторых, либо вообще избегают рассматривать культуру в контексте сферного единства, либо ставят культуру в один ряд с отдельными элементами общественной системы, в то время как культура, по сути, является *всепроницающим элементом, качественной характеристикой всех сторон жизнедеятельности общества*. Такое своеобразное «игнорирование» культурных детерминант вызвало к жизни понятие «социально-культурная сфера», призванное в определённой мере восстановить приоритеты культурной обусловленности всех сфер общественной жизни.

Сегодня сформированы «широкий» и «узкий» подходы к его определению. При узком подходе социально-культурная сфера предстаёт как «совокупность предприятий и организаций, деятельность которых преимущественно направлена на удовлетворение духовных потребностей населения» [13, с. 11–12]. При широком подходе, кроме организаций культуры и досуга, к социально-культурной сфере относят «совокупность предприятий и организаций, деятельность которых направлена на удовлетворение социальных, в том числе духовных, потребностей населения» [13, с. 12]. Иначе говоря, сюда включены все предприятия, производящие услуги и сопутствующие им товары.

Среди функций социально-культурной сферы называются: воспроизводство «человеческого капитала», интеллектуального потенциала нации, социальных условий жизни [13, с. 13]. Таким образом, перед нами комплекс предприятий: от предприятий здравоохранения, образования, бы-

тового обслуживания, рекреационно-развлекательных предприятий – до институтов науки и соцзащиты. Подчеркнём, что правомерность такого «расширения» сомнительна, во-первых, в силу количественной безграничности, разнопорядковости и разноуровневости институтов, а во-вторых, ускользает уникальность качеств института при отвлечении от понятия «культура». Но главное возражение вызывает то, что сфера мыслится как *совокупность* предприятий и организаций, а не как *система*, в которой эти предприятия связаны, как-то соотносятся друг с другом и взаимодействуют.

Н. А. Михеева, представляя современное состояние социально-культурной сферы, видит как материально-предметные формы, так и субъект-объектные отношения и «путём аналитического структурирования, пользуясь возможностями создания тех или иных видов социально-культурной деятельности, составляющих субстанциальную основу развития социально-культурной сферы», определяет её так: «социально-культурную сферу следует понимать как подсистему общества, выполняющую функцию воспроизводства социальных субъектов путём включения их в целенаправленный процесс социально-культурной деятельности по освоению и производству культурных ценностей в созданных на данный момент условиях – как в виде субъект-объектных отношений, так и материально-предметных форм» [14, с. 225].

Применение сферного подхода, следовательно, позволяет нам конкретизировать его системность – *эвристическая значимость сферного подхода состоит в том, что он позволяет увидеть системное единство многообразия основных единиц и их взаимопересечение, взаимодополняемость, взаимосвязь и функциональную взаимозависимость.*

Уточняя представление об объекте теории социально-культурной деятельности, отметим, что фундаментальные базисные ценности и жизненные смыслы составляют содержание социально-культурной деятельности. Мы, вслед за М. А. Ариарским, полагаем, что выделение четырёх взаимопроникающих этапов становления личности: коминизация, социализация, инкультурация, самореализация творческих потенциалов [1], наглядно демонстрирует необходимость обращения к тому, что мы уже привыкли называть социально-культурным.

Следовательно, тот фрагмент объективной реальности, который мы называем объектом, находится на месте «встречи» социокода и кода культуры, обнажая механизмы взаимного продуцирования общества и культуры, которые приводятся в движение в процессе социально-культурной деятельности. Здесь осуществляется продвижение к иной постановке вопроса по сравнению с логикой междисциплинарных исследований. И вполне оправданно согласие с высказыванием А. М. Запесоцкого: «Если деятельность “на стыке” наук подразумевает использование методик и соотнесение результатов двух или нескольких отраслей научного знания, то культурологическая методология даёт возможность соотносить цели, методы и результаты с обобщённой картиной культурной реальности, социальной картиной мира» [9, с. 8].

Так возникает особая сфера – сфера социально-культурной деятельности, которая, не имея привычной локальной определённости, должна обеспечить функциональное единство всех сторон социально-культурной сферы и по своей сути является особым функциональным пространством, которое находится в социально-культурной сфере, но не идентично ей по объёму и содержанию. То есть понятия «социально-культур-

ная сфера» и «сфера социально-культурной деятельности» не совпадают.

Для акцентирования внимания на эвристической значимости сферного подхода мы используем понятие «разрыв в культуре», «культурный разрыв». Всякая трансформация социокультурного организма может быть чревата возникновением «культурных разрывов» [11], нарушением системных связей и отношений. Задача социально-культурной деятельности как фактора сферогенеза – их ликвидация или сведение к минимуму негативных последствий.

Первый «разрыв» обнаруживается в отношении «культура – природа». Мы присоединяемся к мнению М. А. Ариарского, который, выделяя функции социально-культурной деятельности, называл функцию эколого-охранительную, предполагающую формирование экологической культуры; сохранение природной среды [3]. Кроме того, мы полагаем, что функция хоминизации личности выражается и в становлении физической культуры личности, в содержании которой включается формирование ценностей человека как биосоциального существа, активизация рекреативных возможностей здоровья.

В условиях становления единой общемировой системы обозначился ещё один важный аспект – отдельная социокультурная система развивается в условиях внешнего воздействия других социальных систем, ценностная природа сосуществующих культур различна. Интегративно-коммуникационная функция социально-культурной деятельности проявляется в становлении диалогов культур, оптимизации взаимовлияния локальных цивилизаций, обеспечении адекватного восприятия других культур и правильной оценке инокультурного влияния, чтобы культурное многообразие не стало латентным источником социальных

конфликтов. Становление всех возможностей социокультурного порядка зависит и от уровня развития организационной культуры и всех её компонентов.

При анализе целенаправленного формирования сферы наиболее распространённой ошибкой было убеждение, что в качестве объектов деятельности предстают только элементы системы, в то время как основным искусством управления является искусство формирования отношений между элементами, искусство культурных коммуникаций, которые образуются в процессе социально-культурной деятельности всех уровней.

Ряд исследователей рассматривает взаимодействие культуры и экономики, культуры и политики, культуры и бизнеса. Совершенствуется техносфера, культурная индустрия; её экономический потенциал соразмерен со спросом населения на предоставляемые ею товары и услуги, с имеющимися возможностями оплатить эти товары и услуги. Ещё не исследованы механизмы задействования культурных активов в бизнес-планах, проектах. Обращается внимание на то, что формируемые в процессе социально-культурной деятельности, эти активы определяют идентичность общества, его подсистем, уровень консолидации и коммуникации.

При формировании социально-культурной сферы возникла и проблема упорядочения, сопоставления сегментов, элементов сферы: реальности актуальной и виртуальной. Большую роль здесь играют вопросы медиаобразования, поставленные на государственном уровне, и процесс формирования медиакультуры личности [12, с. 232].

Таким образом, мы можем констатировать, что сферность – это качественно-содержательная характеристика, в кото-

рой отражено структурно-функциональное единство такого фрагмента реальности, как социум, а социально-культурная деятельность – это фактор сферогенеза, создания системности сферы; она призвана создать социальный организм, выступающий как особая социально-культурная реальность.

Однако для выделения объекта теории социально-культурной деятельности такое определение выглядит достаточно широким, и прежде всего в силу того, что мы не зафиксировали содержание единства. Данное единство конкретизируется при введении ещё одного важного для методологии понятия – понятия «парадигма».

Парадигмы социально-культурных исследований становятся объектом особого внимания учёных, и мы не ставим в данной статье задачу их анализа и сопоставления, отмечаем лишь, вслед за Н. Н. Ярошенко, «мультипарадигмальный характер теории социально-культурной деятельности» [24, с. 103]. Есть и ещё одно серьёзное обстоятельство, на которое указывал М. А. Ариарский: «Феномен культуры не укладывается в традиционные рамки методик обучения основам наук, он требует учёта многообразия условий и требований, удовлетворение которых не под силу только педагогике или только культурологии. Реализация созидательного потенциала культуры посильна лишь оригинальным методикам, вытекающим из синергетического эффекта интеграции культурологии, педагогики, психологии и иных компонентов человекознания, из опоры на искусствознание, литературоведение, музыковедение, театроведение, киноведение, на методику социально-культурной деятельности и народного творчества, на досуговедение, музееведение, библиотековедение и иные смежные дисциплины» [2, с. 68].

Признавая, что в структуре каждой парадигмы имеется «наследственное ядро» и

что значимость этого ядра состоит в обеспечении преемственности теоретических конструкций, возникающих в результате научной рефлексии интересующих нас социокультурных процессов [24], можно подойти к формулировке основного понятия, которое отражает прообраз формирующейся архитектуры социально-культурной сферы. Это понятие – «культурный код», при развёртывании которого культура интерпретируется так же, как сложноорганизованная система надбиологических программ, которые и детерминируются социумом и детерминируют его [15]. Применение понятия «культурный код» позволяет обозначить разрабатываемую нами парадигму как культуроцентристскую.

Социально-культурная деятельность активно участвует в кодировании-декодировании культурных смыслов посредством языка, того скрепляющего могущества, «которое превращает в общность собрание индивидов и которое создаёт саму возможность коллективного развития и существования» [6, с. 31–32]. Культурный код как элемент социально-культурной сферы проявляется в трёх направлениях: в онтологическом единстве кода и социокультурных практик, в коэволюции культурного кода и социально-культурной деятельности, в глубокой взаимосвязи и взаимозависимости элементов социокультурной сферы.

Культуроцентристская парадигма включает в себя ряд принципов, первый из которых уже получил название – культуроцентризм.

Принцип культуроцентризма обнаруживает в условиях глобализации новую архитектуру отношений между народами, связующую основу социальных сил; а в области гносеологии позволяет сделать шаг через порождённую процессами дифференциации в науке пропасть между науками, отра-

жающими экономическую, политическую, духовную жизнь общества; найти пути взаимовлияния общественных сфер, где цели и средства развития определяются на основе порой несовместимых ценностей; увидеть импульсы социального развития, зарождающиеся в недрах культуры.

Отсюда проистекает следующий принцип культурцентристской парадигмы – принцип гуманизации. В результате торжества технократизма стремительно отодвигаются приоритеты смысловых и даже витальных ценностей; но лишь культура призвана стать ареной совершенствования личности и общества, гуманизации общественной жизни. Внедрение принципа гуманизации обязывает производить выбор стратегий и ориентиров социально-культурной деятельности с учётом критериев развития «человека культурного». Учитывая, что интеллектуальный досуг приобретает в современных условиях особое статусное положение, учёные обращаются к изучению интеллектуального досуга как фактора устойчивого развития социально-культурной среды [10].

Непреложное значение для разработки сферного подхода имеет принцип континуальности. Фиксируя диспропорцию между лавинообразным ростом культурных форм

и отставанием возможности их освоения в процессе социально-культурной деятельности, учёные приходят к выводу об актуализации исследования хронотопических оснований культурного развития [4]. Посредством социально-культурной деятельности конструируется отношение к прошлому-настоящему-будущему культуры. Социально-культурная деятельность формирует структурно-функциональное единство сферы через отношения «центр-периферия» и «прошлое-настоящее-будущее».

Итак, мы приходим к выводу, что современный уровень исследований требует корректировки методологических оснований теории социально-культурной деятельности, в ходе которой обнаруживается эвристическая значимость сферного подхода. Понятие «социально-культурная сфера» отражает структурно-функциональное единство социума, социально-культурную деятельность можно рассматривать как фактор сферогенеза и движущую силу создания системности сферы. В онтологическом ракурсе при таком подходе открываются глубинные основания социокультурного целого, а в гносеологическом – ликвидируется разобщённость знаний о социокультурной динамике, «разбросанных» по отдельным фрагментам науки.

Примечания

1. *Ариарский М. А.* Педагогическая культурология: [в 2 томах] / Министерство культуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор». Санкт-Петербург : Концерт, 2012-. Том 1 : Методология и методика постижения культуры. 2012. 400 с.
2. *Ариарский М. А.* Педагогическая культурология в системе реализации созидательного потенциала культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 27. С. 66–74.
3. *Ариарский М. А.* Прикладная культурология : [монография] / Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Ассоциация музеев России. 2-е издание, испр. и доп. Санкт-Петербург : Эго, 2001. 287 с.
4. *Баркова Э. В.* Пространственно-временной континуум культуры : Философско-культурологический анализ : автореферат дис. на соиск. учёного степеней, доктора философских наук : 09.00.13 / Баркова Элеонора Владиленовна ; Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2003. 46 с.
5. *Барулин В. С.* Диалектика сфер общественной жизни. Москва : Изд-во МГУ, 1982. 230 с.

6. Бенвенист Э. Общая лингвистика : пер. с фр. / под ред., с вступ. статьей и коммент. Ю. С. Степанова. Москва : Прогресс, 1974. 446 с.
7. Ерасов Б. С. Социальная культурология : в 2 частях. Москва : Аспект-пресс, 1994. Часть 1. 380 с.
8. Жуковская Л. Н., Костылев С. В., Лезан В. С. и др. Арт-менеджмент : учебное пособие / Министерство образования и науки Российской Федерации, Сибирский федеральный университет. Красноярск : СФУ, 2016. 185 с.
9. Запесоцкий А. М. Культура: взгляд из России / Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. [2-е издание, доп.]. Москва : Наука ; Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2015. 846 с.
10. Интеллектуальный досуг : актуальные проблемы и перспективы : материалы Второго регионального симпозиума / отв. за вып. Е. А. Ноздренко. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. 74 с.
11. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие : учебное пособие для студентов вузов. 3-е издание, перераб. и доп. Москва : Логос, 2000. 430 с.
12. Культурное многообразие : от прошлого к будущему : II Российский культурологический конгресс с международным участием, 25–29 ноября 2008 года : программа, тезисы докладов и сообщений / Российский институт культурологии ; [редкол.: Спивак Д. Л. (отв. ред.) и др.]. Санкт-Петербург : Эйдос : Астерион, 2008. 559 с.
13. Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России : [монография] / [М. С. Мотышина и др.]. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2010. 218 с. (Новое в гуманитарных науках : серия / Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Санкт-Петербург : [б. и.], 1996-. Вып. 48).
14. Михеева А. Н. Социально-культурная сфера как социальный феномен и её научный анализ // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 221–228.
15. Морозова О. Ф. Культура – смысловая детерминанта социального управления : монография / Образовательное учреждение профсоюзов «Академия труда и социальных отношений». Москва : АТИСО, 2011. 220 с.
16. Морозова О. Ф. Менеджмент и арт-менеджмент: грани концептуального взаимодействия / О. Ф. Морозова, Е. А. Ноздренко, Л. Н. Жуковская, С. В. Костылев // Economic Annals-XXI. 2016. 158 (3-4 (2)). С. 61–65.
17. Морозова О. Ф., Ноздренко Е. А., Жуковская Л. Н., Костылев С. В. Теоретико-смысловая модель личности арт-менеджера // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 10. С. 137–144.
18. Семашко Л. М. Сферный подход: Философия, демократия, рынок, человек : методология, концепции, проектировки. Санкт-Петербург : Нотабене, 1992. 368 с.
19. Степин В. С. Культура // Новая философская энциклопедия : в 4 томах / Институт философии Российской академии наук, Национальный общественно-научный фонд ; науч.-ред. совет. : В. С. Степин [и др.]. Москва : Мысль, 2000–2001. Том 2 : Е–М. 2001. С. 341–347.
20. Суминова Т. Н. Арт-менеджмент как социокультурный концепт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3 (41). С. 117–123.
21. Ушакова Е. В. Общая теория материи (Основы построения) : [в 3 частях] / Академия наук СССР, Философское общество СССР, Алтайское отделение, Алтайский аграрный университет ; [науч. ред. В. А. Ельчанинов]. Барнаул : АГАУ, 1992. Часть 1. 1992. 126 с. : ил., табл.
22. Шавель С. А. Сферный подход в социологической методологии // Социология. 2014. № 1. С. 29–41.
23. Ярошенко Н. Н. Педагогика и культурология в контексте интеграции и дифференциации научного знания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4 (54). С. 76–83.
24. Ярошенко Н. Н. История и методология теории социально-культурной деятельности : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 071800 – Социально-культурная деятельность. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : МГУКИ, 2013. 455 с.

References

1. Ariarsky M. A. *Pedagogicheskaya kul'turologiya, v 2 tomakh. Tom 1. Metodologiya i metodika postizheniya kul'tury* [Pedagogical cultural studies, v 2 vol. Vol. 1. Methodology and methods of comprehension of culture]. St. Petersburg, Publishing house "Koncert", 2012. 400 p. (In Russian)
2. Ariarsky M. A. Educational Culturology in the System of Creative Potential Culture Implementation. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2014, no. 27, pp. 66–74. (In Russian)
3. Ariarsky M. A. *Prikladnaya kul'turologiya* [Applied Cultural Studies]. 2nd edition. St. Petersburg, Publishing house "Ego", 2001. 287 p. (In Russian)
4. Barkova E. V. *Prostranstvenno-vremennoy kontinuum kul'tury: Filosofsko-kul'turologicheskiy analiz. Avtoreferat diss. dok. filos. nauk* [Spatio-temporal continuum of culture: (philosophical and cultural analysis). *Synopsis dr. philos. sci. diss.*]. Volgograd, 2003. 46 p. (In Russian)
5. Barulin V. S. *Dialektika sfer obshchestvennoy zhizni* [Dialectics of spheres of public life]. Moscow, Publishing house of Lomonosov Moscow State University, 1982. 230 p. (In Russian)
6. Benvenist E. [Benveniste Émile] *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publishers, 1974. 447 p. (In Russian)
7. Erasov B. S. *Sotsial'naya kul'turologiya. V 2 chastakh, chast' 1* [Social Cultural Studies. In 2 parts, part 1]. Moscow, Publishing house "Aspect Press", 1994. 380 p. (In Russian)
8. Zhukovskaya L. N., Kostylev S. V., Lezan V. S., etc. *Art management*. Krasnoyarsk, Publishing house of the Siberian Federal University, 2016. 185 p. (In Russian)
9. Zapesotsky A. M. *Kul'tura: vzglyad iz Rossii* [Culture: a view from Russia]. 2nd edition. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, St. Petersburg, Publishing house of the Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences, 2015. 846 p. (In Russian)
10. Nodrenko E. A., ed. *Intellektual'nyy dosug: aktual'nye problemy i perspektivy. Materialy Vtorogo regional'nogo simpoziuma* [Intellectual leisure: actual problems and prospects: materials of the Second Regional Symposium]. Krasnoyarsk, Publishing house of the Siberian Federal University, 2014. 74 p. (In Russian)
11. Ionin L. G. *Sotsiologiya kul'tury: put' v novoe tysyacheletie* [Sociology of Culture: the Way to the New Millennium]. 3rd edition. Moscow, Logos Publishing House, 2000. 430 p. (In Russian)
12. Spivak D. L., ed. *Kul'turnoe mnogoobrazie: ot proshlogo k budushchemu. II Rossiyskiy kul'turologicheskiy kongress s mezhdunarodnym uchastiyem, 25–29 noyabrya 2008 goda: programma, tezisy dokladov i soobshcheniy* [Cultural diversity: from the past to the future. Second Russian Cultural Congress with international participation. Program. Abstracts of reports and messages]. St. Petersburg, Publishing house "Eidos", Publishing house "Asterion", 2008. 559 p. (In Russian)
13. Motyshina M. S., etc. *Mekhanizmy upravleniya organizatsiyami sotsial'no-kul'turnoy sfery v transformiruyemoy ekonomike Rossii* [Mechanisms of management of organizations of the socio-cultural sphere in the transformed economy of Russia]. St. Petersburg, Publishing house of the Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences, 2010. 218 p. (In Russian)
14. Mikheeva A. N. Social and cultural sphere as a social phenomenon and its scientific analysis. *Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences*. 2008, no. 71, pp. 221–228. (In Russian)
15. Morozova O. F. *Kul'tura – smyslovaya determinanta sotsial'nogo upravleniya* [Culture – the semantic determinant of social management]. Moscow, Publishing house of the Academy of Labor and Social Relations, 2011. 220 p. (In Russian)
16. Morozova O. F., Nozdrenko E. A., Zhukovskaya L. N., Kostylev S. V. Management and Art Management: The Edge of Conceptual Interaction. *Economic Annals-XXI*. 2016, 158 (3-4 (2)), pp. 61–65. (In Russian)
17. Morozova O. F., Nozdrenko E. A., Zhukovskaya L. N., Kostylev S. V. Theoretical-semantic model of the personality of the art manager. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2017, no. 10, pp. 137–144. (In Russian)
18. Semashko L. M. *Sfernnyy podkhod: Filosofiya, demokratiya, rynek, chelovek: metodologiya, kontseptsii, proektirovki* [Sphere Approach: Philosophy, Democracy, Market, Man: Methodology, Concepts, Projects]. St. Petersburg, Publishing house "Notabene", 1992. 368 p. (In Russian)

19. Stepin V. S. Culture. In: *Stepin V. S., ed. Novaya filosofskaya entsiklopediya. V. 4 tomakh, tom 2 [New philosophical encyclopedia. In 4 vol., vol. 2].* Moscow, Mysl Publishers, 2001. Pp. 341–347. (In Russian)
20. Suminova T. N. Art-menedzhment kak sotsiokul'turnyy kontsept [Art-management as a social and cultural concept]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts].* 2011, no. 3 (41), pp. 117–123. (In Russian)
21. Ushakova E. V. *Obshchaya teoriya materii (Osnovy postroyeniya). V. 3 chfstyakh, chast' 1 [The general theory of matter. (Fundamentals of construction). In 3 parts, part 1].* Barnaul, Publishing house of the Altai Agrarian University, 1992. 126 p. (In Russian)
22. Shavel S. A. Sfernyy podkhod v sotsiologicheskoy metodologii [Sphere approach in sociological methodology]. *Sociology.* 2014, no. 1, pp. 29–41. (In Russian)
23. Yaroshenko N. N. Pedagogika i kul'turologiya v kontekste integratsii i differentsiatsii nauchnogo znaniya [Pedagogics and cultural science in the context of integration and differentiation of scientific knowledge]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts].* 2013, no. 4 (54), pp. 76–83. (In Russian)
24. Yaroshenko N. N. *Istoriya i metodologiya teorii sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [History and methodology of the theory of social and cultural activity].* 2nd edition. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2013. 455 p. (In Russian)

*

Античные идеалы досуга в контексте современных социально-культурных практик

УДК 379.8.09

В. М. Рябков

Челябинский государственный институт культуры

В статье рассматривается античная концепция досуга, являвшегося неотъемлемым достоянием гражданина, который обладал высоким уровнем свободы, в том числе от каких-либо трудовых, материально необходимых занятий. На материале «Политики» Аристотеля раскрыт классический идеал досуга, который выступает самостоятельной, высшей формой свободного существования человека. Подчёркнуто то, что досуг носит деятельностный характер и выступает как определяющее начало для всей человеческой деятельности. В классическом идеале досуга доминирует добродетельный характер, блаженство и наслаждение, глубокая связь с искусством. С позиции теории социально-культурной деятельности даётся вывод о том, что умение пользоваться досугом является результатом целенаправленной педагогической работы, ибо досуг выводит значение дополнительного образования, социально-культурного воспитания на одну высоту с общеобразовательными практиками, решающими важные задачи личностного развития человека.

Ключевые слова: Аристотель, досуг, искусство, наслаждение, блаженство, Античность, философия досуга, история социально-культурной деятельности.

V. M. Ryabkov

Chelyabinsk State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Ordzhonikidze str., 36A, 454091, Chelyabinsk, Russian Federation

THE ANCIENT IDEALS OF LEISURE IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY SOCIAL AND CULTURAL PRACTICES

The article deals with the Ancient concept of leisure, which was an integral property of a citizen who had a high level of freedom, including from any labor, material and necessary occupations. On the material of Aristotle's "Politics" the classical ideal of leisure is revealed, which acts as an independent, highest form of free existence of man. It is emphasized that leisure has an activity character and acts as a defining beginning for all in human activity. The classical ideal of leisure is dominated by virtuous

РЯБКОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности культурологического факультета Челябинского государственного института культуры, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

RYABKOV VLADIMIR MIKHAILOVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Cultural Activity, the Culturological Faculty, the Chelyabinsk State Institute of Culture, Honored worker of higher school of the Russian Federation

e-mail: ryabkov2010@yandex.ru

© Рябков В. М., 2019

character, bliss and pleasure, a deep connection with art. From the perspective of the theory of social and cultural activity, the conclusion is emphasized that for the ability to use leisure time in life, you need to learn something, because it displays the value of additional education, social and cultural education on the same level with general practices that solve important problems of personal development.

Keywords: Aristotle, leisure, art, pleasure, bliss, antiquity, philosophy of leisure, history of social and cultural activity.

Для цитирования: Рябков В. М. Античные идеалы досуга в контексте современных социально-культурных практик // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 133–138.

Уточнение понимания феномена досуга является важнейшим моментом развития современной теории социально-культурной деятельности, рассматривающей досуг как важнейшее условие освоение человеком культуры, его личностного роста и творческой самореализации.

В связи с этим становится актуальным историко-философский анализ понятия «досуг», позволяющий выделить его существенные характеристики, специфику, постоянные и вариативные компоненты. Одним из значимых источников для этого выступает исторический опыт и культурное наследие античной греко-римской цивилизации, которое обладает признанным нормативным характером, принимаемым как классический образец (классика). Античное наследие характеризуется не только многочисленными формами досуговой деятельности [12], но и фундаментальными идеями, которые представляют историко-философский интерес, обладают прикладным, социально-культурным значением.

Античное восприятие досуга как цивилизации *suigeneris* (единственной в своём роде, высшей и уникальной) отличается признанием досуга «драгоценным достоянием» (Сократ). Античный досуг обладал высоким социальным статусом, поскольку являлся неотъемлемым свойством гражданского состояния и определял высокий уровень свободы, в том числе

от каких-либо материально необходимых занятий [14, с. 292].

Досуг как социальное явление в философии Аристотеля рассматривали В. Ф. Асмус [3], А. Ф. Лосев [9], Д. П. Миртов [11], Э. Д. Фролов [13; 14; 15] и другие.

Аристотель, развивая различные стороны философской науки, оставил своим потомкам интересные идеи и мысли о досуге [см.: 2]. Живший в эпоху рабовладельческого строя, Аристотель отдаёт предпочтение досугу аристократов-рабовладельцев.

Обращались к проблеме досуга периода Античности и теоретики социально-культурной деятельности. Особо надо выделить исследования профессора Г. Г. Волощенко [см.: 4; 5; 6; 7; 8] и С. В. Андреевой [1], посвящённые досугу, его происхождению и развитию. Заслуживает внимания работа Н. Ф. Максютин «Очерки истории досуга» [10].

Рассмотрим особенности античного понимания досуга, получившего наиболее полное воплощение в идеях Аристотеля, и их проекцию в современную культурологическую и педагогическую теорию и практику.

Интересная трактовка идей Аристотеля о досуге имеется у известного русского философа-антиковеда А. Ф. Лосева [9], который приходит к понятию «досуг» через поиск общего источника для чистого искусства и чистой науки, выделенных Аристотелем.

Таким источником для этих высших сфер реализации человеческого духа становится «бескорыстное производственно-незаинтересованное и самодовлеюще-созерцательное отношение к действительности» [9, с. 362].

Необходимо подчеркнуть, что это особое состояние духа Аристотель обозначает термином «досуг». При этом особо подчёркивается сущностная связь досуга с искусством, которое вырастает из бескорыстности и созерцательности досуга. Это состояние возникает тогда, когда «мы ни в чём жизненно и житейски не заинтересованы, а только предаёмся умозрительному отношению к созерцательным предметам, то есть находимся в состоянии досуга» [9, с. 362].

Идеи Аристотеля, изложенные в философском трактате «Политика», раскрывают его понимание значения досуга в человеческой жизни и жизненной практике.

«Политика» Аристотеля [2] дошла до нас незаконченной: картина лучшего государственного устройства в ней только набросана в общих чертах, равно как и учение о государственном воспитании прерывается на очерке элементарного преподавания. Но мысль философа ясна: он хочет, чтобы государственное воспитание с помощью облагораживающих искусств вело человека к достижению умственной и нравственной высоты.

Античный идеал досуга позволяет рассматривать его как целевую установку, возвышающуюся над любой человеческой деятельностью и её определяющую. Именно поэтому, по Аристотелю, «досуг должен быть предпочтён деятельности» [2, с. 720]. При этом отношение понятий «досуг» и «деятельность» не сводится к простой иерархии, где главенствует досуг, здесь имеется более сложная взаимосвязь, поскольку досуг реализуется в форме деятельности, носит деятельностный характер.

Профессор Г. Г. Волощенко, исследуя истоки досуга в греческой мифологии Пифагора и пифагорейцев, обращает внимание на явление «схолэ», то есть «высокий досуг», или «высший досуг» [5, с. 20–21]. Именно идею высокого досуга обосновывал и отстаивал Аристотель.

Говоря о высоком досуге, также следует отметить, что его основной функцией является систематизация деятельности и наполнение её смыслом.

Профессор Г. Г. Волощенко подчёркивает, что во всех случаях Аристотель наделяет досуг деятельностным характером. Труд не выступает источником вдохновения, и для мудреца, свободного аристократа духа «достойным времяпрепровождением» [5, с. 20] может стать только досуг. Прямо противопоставляя досуг труду, философ тем не менее указывает на то, что досуг выступает главным императивом деятельности и сам становится особой деятельностью, более возвышенной и духовной, чем исполнение трудовых функций.

Развивая идею деятельностной обусловленности досуга, Аристотель ставит следующий вопрос о содержании досуговых занятий. Он дотошно разбирает варианты того, в каких формах должен быть реализован досуг, и обосновывает свой вывод: «... разумеется, не игрой, ибо в таком случае она неизбежно оказалась бы конечной целью нашей жизни» [2, с. 721].

Аристотель приходит к убеждению, что «досуг, очевидно, заключает уже в самом себе и удовольствие, и счастье, и блаженство, и всё это выпадает на долю не занятых людей, а людей, пользующихся досугом» [2, с. 721]. Здесь важно подчеркнуть, что стремление к высшим чувствам, которые даёт досуг, связано с готовностью к ним человека: «наилучший человек предпочитает наилучшее удовольствие и пристокаю-

щее из прекраснейших источников. Отсюда ясно, что для умения пользоваться досугом в жизни нужно кое-чему учиться» [2, с. 721]. Другими словами, к высокому наслаждению человек должен быть специально подготовлен, воспитан таким образом, чтобы досуг становился для него пространством для тщательного отбора досуговых занятий, форм досуга.

Важную часть практической философии Аристотеля образует политика и этика. Этика имеет в виду отдельную личность, политика – общество или, точнее, государство. В силу присущего ему социального инстинкта человек нуждается в обществе не только для сохранения физической жизни, но и для нравственного прогресса. «Отсюда государство, – заключает Д. П. Миртов, – высшая форма человеческого общежития – у Аристотеля, как и у Платона, имеет педагогическое предназначение: задача его, наряду с внешней охраной, воспитать граждан к добродетели и блаженству. Государственное устройство, по Аристотелю, должно соответствовать характеру и потребностям народа, для которого оно предназначено. Каждая форма правления (монархическая, аристократическая, демократическая) может быть хорошей, если ею достигается общее благо, а не выгоды правителей» [11, с. 28].

У Аристотеля есть немало суждений, раскрывающих различные стороны досуга человека, не занятого делами. При этом философ отмечал, что в досуговой деятельности значительная роль должна принадлежать государству. Он пишет, что «государству надлежит быть и воздержным, и мужественным, и закалённым. Пословица говорит: “Нет досуга для рабов”, а те, кто не умеет мужественно вести себя в опасности, становятся рабами нападающих» [2, с. 707–708].

Эти же, приписанные государству добродетели должны быть воспитаны и в гражданах.

Автор «Политики» выдвигает утверждение, что существует философия досуга, включающая такие положения, как мужество, выносливость, воздержание, справедливость, – это такие качества, которые необходимы человеку, пользующемуся досугом, живущему в изобилии.

Философ констатирует: «Итак, мужество и выносливость нужны для трудовой жизни, философия – для досуга; воздержанность и справедливость – и в то, и в другое время, преимущественно же они потребны для тех, кто пользуется миром и досугом. Ведь война вынуждает быть справедливым и воздержным, наслаждение же благосостоянием и досуг, сопровождаемый миром, скорее способны избаловать людей» [2, с. 708].

Отсюда вытекает стремление к элитарности и аристократизму досуга, минимизации его в жизни «недостойных его».

Именно в умении пользоваться досугом заключается подлинное счастье, наслаждение и блаженство.

Отмечая эти высокие чувства человека, Аристотель считает, что «те, которые слышат наиболее счастливыми и наслаждаются всем тем, что считается блаженством, должны обладать большой справедливостью и большой воздержностью; и это приложимо, например, даже к тем, которые, по выражению поэтов, обитают на островах блаженных. Таким людям, пожалуй, в тем большей степени будут нужны философия, воздержанность и справедливость, чем более спокойную жизнь они проводят и чем более они пользуются досугом среди изобилия. Поэтому, очевидно, и государство, которому предстоит стать счастливым и добродетельным, должно обладать указанными добро-

детелями. Если позорно вообще не уметь пользоваться благами, то ещё более позорно не уметь пользоваться ими во время досуга; будучи занятым и воюя, казаться доблестным, а пользуясь миром и досугом, уподобляться рабам» [2, с. 708].

Таким образом, классический идеал досуга сводит его к некоей самостоятельной, высшей форме свободного существования человека. Важно, что при этом досуг носит деятельностный характер и выступает как определяющее начало для всей человеческой деятельности. Но в то же время досуг должен быть предпочтён утилитарной деятельности, поскольку он самодостаточен и является источником высших чувств и радостей человека.

Такова идеальная смысловая конструкция досуга, вписанная в контекст прежде всего гражданской свободы, позволяющей преодолеть «рабскую» зависимость от принудительных форм деятельности и трудовой повинности.

С позиции теории социально-культурной деятельности также важен вывод Аристотеля о том, что «для умения пользоваться досугом в жизни нужно кое-чему учиться», поскольку он выводит значение дополнительного образования, социально-культурного воспитания на одну высоту с общеобразовательными практиками, так как все они решают важные задачи личностного развития человека.

Философские идеи Аристотеля о досуге и его философия досуга определяют современное представление о «высоком досуге» как об идеальной, классической модели добродетельного досуга. Ориентация на эту модель встречается в современных воспитательных социально-культурных практиках, которые стремятся «подвигнуть» человека на реализацию в досуговых занятиях высоких личностных идеалов, что актуализирует ещё одну важнейшую педагогическую цель – необходимость научить «учиться досугу».

Примечания

1. Андреева С. В. Феномен досуга: история и современность // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344. С. 42–45.
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск : Литература, 1998. 1392 с. (Классическая философская мысль)
3. Асмус В. Ф. Античная философия / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 3-е издание. Москва : Высшая школа, 2005. 408 с. (Классический университетский учебник)
4. Волощенко Г. Г. Генезис досуга: высокий досуг в древнегреческом мифе-учении «Гармония сфер» // Культурологические исследования в Сибири : [сборник] / Омский государственный университет и др. Омск : Издательство ОмГПУ, 1999-. Вып. 1. / [редкол.: Н. А. Томилов (гл. ред.) и др.]. 1999. С. 23–33.
5. Волощенко Г. Г. Досуг: происхождение и развитие : учебное пособие. Омск : Наука, 2004. 112 с.
6. Волощенко Г. Г. Досуг как явление культуры: генезис и развитие : дис. на соиск. учёного степеней. доктора культурологии : 24.00.01 / Волощенко Геннадий Григорьевич ; Кемеровский государственный университет культуры и искусств. Омск, 2006. 249 с.
7. Волощенко Г. Г. Досуг как явление культуры: генезис и развитие : автореферат дис. на соиск. учёного степеней. доктора культурологии : 24.00.01 / Волощенко Геннадий Григорьевич ; Кемеровский государственный университет культуры и искусств. Кемерово, 2006. 46 с.
8. Волощенко Г. Г. Досуг: генезис и развитие : [монография] / [науч. ред.: Л. В. Секретова, В. В. Туев ; рец.: В. И. Марков, В. И. Разумов, Н. А. Томилов] ; Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Сибирский филиал Российского института культурологии. Омск : Издатель – Полиграфист, 2012. 179 с. : схемы, табл.

9. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Том IV. Аристотель и поздняя классика. Москва : Искусство, 1975. 776 с.
10. Максютин Н. Ф. Очерки истории досуга. Казань : Медицина, 1998. 125 с.
11. Миртов Д. П. Аристотель // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск : Литература, 1998. С. 5–60.
12. Рябков В. М. Антология форм праздничной и развлекательной культуры России (Древний мир. Древняя Греция и Рим. Западная Европа до начала XVII века) : учебное пособие / Челябинская государственная академия культуры и искусств. Челябинск, 2006. 509 с.
13. Феномен досуга в античном мире : [коллективная монография] / [Васильев А. В. и др.] ; под. ред. Э. Д. Фролова. Санкт-Петербург : Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2013. 463 с.
14. Фролов Э. Д. Феномен досуга в античном мире // Парадоксы истории – парадоксы античности. Санкт-Петербург : Издательский дом СПбГУ, 2004. С. 292–297.
15. Фролов Э. Д. Парадоксы истории – парадоксы античности. Санкт-Петербург : Издательский дом СПбГУ, 2004. 420 с.

References

1. Andreeva S. V. Fenomen dosuga: istoriya i sovremennost' [The phenomenon of leisure: history and modernity]. *Tomsk State University Journal*. 2011, no. 344, pp. 42–45. (In Russian)
2. Aristotle *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk, Publishing house "Literature", 1998. 1392 p. (In Russian)
3. Asmus V. F. *Antichnaya filosofiya* [Ancient philosophy]. 3rd edition. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 2005. 408 p. (In Russian)
4. Voloshchenko G. G. Genezis dosuga: vysokiy dosug v drevnegrecheskom mife-uchenii "Garmoniya sfer" [The genesis of leisure: high leisure in the Ancient Greek myth-teaching "Harmony of the Spheres"]. In: *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri. Vypusk 1* [Cultural studies in Siberia. Issue 1]. Omsk, Publishing house of the Omsk State Pedagogical University, 1999. Pp. 23–33. (In Russian)
5. Voloshchenko G. G. *Dosug: proiskhozhdenie i razvitie* [Leisure: origin and development]. Omsk, 112 p.
6. Voloshchenko G. G. *Dosug kak yavlenie kul'tury: genezis i razvitie. Diss. dok. kul'tur.* [Leisure as a cultural phenomenon: genesis and development. Doc. Cultural Studies diss.]. Omsk, 2006. 249 p. (In Russian)
7. Voloshchenko G. G. *Dosug kak yavlenie kul'tury: genezis i razvitie. Avtoreferat diss. dok. kul'tur.* [Leisure as a cultural phenomenon: genesis and development. Synopsis Doc. Cultural Studies diss.]. Kemerovo, 2006. 46 p. (In Russian)
8. Voloshchenko G. G. *Dosug: genezis i razvitie* [Leisure: genesis and development]. Omsk, Publishing house "Publisher – Polygraphist", 2012. 179 p.
9. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Tom IV. Aristotel' i pozdnyaya klassika* [The history of the Ancient aesthetics. Volume IV. Aristotle and the late classics]. Moscow, Art Publishing House, 1975. 776 p.
10. Maksyutin N. F. *Ocherki istorii dosuga* [Essays on leisure history]. Kazan, 1998. 125 p. (In Russian)
11. Mirtov D. P. Aristotle. In: Aristotle. *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk, Publishing house "Literature", 1998. Pp. 5–60. (In Russian)
12. Ryabkov V. M. *Antologiya form prazdnichnoy i razvlekatel'noy kul'tury Rossii (Drevniy mir. Drevnyaya Gretsiya i Rim. Zapadnaya Evropa do nachala XVII veka)* [Anthology of forms of festive and entertainment culture of Russia (Ancient World. Ancient Greece and Rome. Western Europe until the beginning of the 17s century)]. Chelyabinsk, Publishing house of the State Academy of Culture and Arts, 2006. 509 p. (In Russian)
13. Vasilyev A. V., etc., Frolov E. D., ed. . *Fenomen dosuga v antichnom mire* [The phenomenon of leisure in the Ancient world]. St. Petersburg, Publishing Center "Humanitarian Academy", 2013. 463 p. (In Russian)
14. Frolov E. D. Fenomen dosuga v antichnom mire [The phenomenon of leisure in the Ancient world]. In: Frolov E. D. *Paradoksy istorii – paradoksy antichnosti* [Paradoxes of history – the paradoxes of the Antiquity]. St. Petersburg, Publishing house of the St. Petersburg State University, 2004. Pp. 292–297. (In Russian)
15. Frolov E. D. *Paradoksy istorii – paradoksy antichnosti* [Paradoxes of history – the paradoxes of the Antiquity]. St. Petersburg, Publishing house of the St. Petersburg State University, 2004. 420 p. (In Russian)

ТАНАТАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ИНДУСТРИИ РАЗВЛЕЧЕНИЙ: ПОИСК ПУТЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ

УДК 379.8.092

М. Ю. Трофимов

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

В условиях экономической нестабильности России обращают на себя внимание негативные тенденции, происходящие в социальной жизни, такие как подмена духовных идеалов прагматическими интересами, кризис института труда, деградация научно-производственного потенциала, погоня за формальными показателями, что создаёт барьеры для осуществления подлинной интеллектуальной деятельности, наконец, внедрение деструктивных форм свободного времяпрепровождения. С развитием отечественной индустрии досуга и развлечений актуализируется проблема духовно-нравственного состояния подрастающего поколения. Современные развлекательные индустрии могут вовлекать молодого потребителя в танатально ориентированные досуговые мероприятия, которые способствуют нарастанию разрушительных тенденций. Танатальные ориентации связаны как с деградацией жизненного процесса, так и с разрушением общечеловеческих ценностей в структуре сознания личности. Следствием танатальных ориентаций развлекательных индустрий является захваченность грубыми эмоциями, отказ от подлинной творческой активности, утрата целостности психической жизни, духовное отчуждение. Таким образом, творчество танатально ориентированных развлечений есть создание антикультурных продуктов и услуг, которые низводят человеческую активность до животного уровня, то есть до уровня удовлетворения биологических и простейших эмоциональных потребностей. В статье представлено осмысление индустрии развлечений с педагогической, психологической и философской позиций.

Ключевые слова: индустрия развлечений, досуг, танатальность, танатальные ориентации, деструктивность, общечеловеческие ценности.

M. Yu. Trofimov

Dostoevsky Omsk State University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Prospect Mira, 55-A, 644077, Omsk, Omsk Region, Russian Federation

ORIENTATION TO DEATH OF ENTERTAINMENT INDUSTRIES

Against the background of Russia's economic instability, negative trends occurring in social life draw attention to themselves: substitution of spiritual ideals with pragmatic interests, crisis of

ТРОФИМОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности факультета культуры и искусств Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского

TROFIMOV MIKHAIL YURYEVICH – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activity, the Faculty of Culture and Arts, the Dostoevsky Omsk State University

e-mail: mic@bk.ru

© Трофимов М. Ю., 2019

the labor institute, degradation of research and production potential, pursuit of formal indicators, creating barriers for genuine intellectual activity, finally, introduction of destructive forms free time. With the development of the domestic industry of leisure and entertainment, the problem of the spiritual and moral state of the younger generation is becoming more urgent. Modern entertainment industries may involve young consumers in death oriented leisure activities that contribute to the growth of destructive tendencies. Orientation to death are associated both with the degradation of the life process and with the destruction of human values in the structure of the personality consciousness. The consequence of the death orientations of entertainment industries is the seizure of coarse emotions, the abandonment of genuine creative activity, the loss of the integrity of mental life, and spiritual alienation. Thus, the creativity of death oriented entertainment is the creation of anti-cultural products and services that reduce human activity to the animal level, that is, to the level of satisfaction of biological and emotional needs. The article presents the understanding of the entertainment industry from the pedagogical, psychological and philosophical positions.

Keywords: entertainment, leisure, death, orientation to death, destructive, human values.

Для цитирования: Трофимов М. Ю. Танатальные ориентации индустрии развлечений: поиск путей преодоления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 139–146.

В настоящее время в современной России на фоне кризиса в духовной, социальной и экономической сферах активно развивается индустрия досуга. В связи с появлением различных видов развлекательной индустрии и вместе с тем новейших технических возможностей, доступных многим коммерческим организациям сферы досуга, очень важно исследовать влияние развлечений на сознание потребителя. Изучением воздействия развлекательных культурных продуктов и услуг на сознание личности занимаются специалисты разных сфер гуманитарной науки: педагоги, психологи, философы, экономисты. Среди них можно отметить: С. В. Андрееву, А. В. Захарова, А. Д. Жаркова, Л. С. Жаркову, Т. Г. Киселеву, М. И. Козьякову, Ю. Д. Красильникова, Н. С. Матюшенко, Л. В. Секретову, В. А. Стальную, Ю. А. Стрельцова, В. В. Триодина, В. М. Чижикова, Д. В. Шамсутдинову, Н. Н. Ярошенко и других.

Как известно, в процессе свободно-временипрепровождения, в условиях как активного, так и пассивного досуга индивид может удовлетворять разноплано-

вые потребности: от биологических и эмоциональных до интеллектуальных и творческих. Отсюда исследователи делают вывод, что развлечения влияют не только на физиологическое, психоэмоциональное состояние человека, но и на его духовное равновесие [8, с. 17–18], то есть любые воспринимаемые развлекательные образы способны воздействовать на сознание позитивно или негативно.

Позитивное влияние освобождает психику от деструктивных переживаний, общает человека к эстетическим и духовно-нравственным ценностям, снимает противоречия между личностью и миром. Например, находясь в атмосфере приключенческого романтического квеста, подросток погружается в таинственный и прекрасный мир эльфов. Художественный образ, оставшийся в эмоциональной памяти, в дальнейшем может привести к осмыслению и принятию таких общечеловеческих ценностей, как добро, красота, любовь, верность, смелость. Ориентируясь на позитивные образы, личность обретает гибкость и подвижность сознания, воспринимая себя

и мир в органичных творческих связях. Следствием позитивного воздействия образов, возникающих во время развлекательных мероприятий, является культурно-досуговая деятельность развивающего характера, которая, как пишет Ю. А. Стрельцов, «сознательно направляется человеком на самосовершенствование» [9, с. 171], в ходе чего личность определяет для себя «зоны поиска» в образовании, творчестве, самопознании.

Отрицательное воздействие развлекательных образов точно так же обусловлено их сильным влиянием на психику человека. Так, сознание юного зрителя, сталкиваясь с агрессивными образами художественного фильма, суживается и захватывается грубыми эмоциями. Заражаясь художественным образом жизни отрицательного героя, подросток порой неосознанно копирует модель его поведения. Тяга к риску, быстрому обогащению, сопровождаемая острыми ощущениями, может сформировать в нём аддиктивное поведение, привести к состояниям отчаяния, апатии, подавленности и в конечном счёте к духовно-нравственному разложению.

Итак, в процессе развлекательного досуга сознание личности переживает образы, заложенные в культурном продукте и вызывающие сильный эмоциональный отклик, которые воспринимаются с определённой оценкой в виде конкретных рационально-иррациональных обобщений, установок и проявляются в направленности личности.

Сегодня индустрия развлечений всё больше ориентируется на погружение потребителя в различные рекреативно-игровые мероприятия, которые рекламируются как необходимые человеческому организму для преодоления жизненных препятствий. Под привлекательной рекламой активно-го отдыха, преодоления своих страхов и об-

ретения уверенности в себе можно обнаружить не только смакование ярких впечатлений, но и переживание деструктивных образов мира.

В числе подобных видов развлечений, которые предлагает индустрия досуга, можно назвать не только экстремальный досуг (зорбинг, банджи-джампинг, или «тарзанка»), но и игры «живого» действия в жанре хоррора, остросюжетного триллера (квесты, аттракционы, реконструкции). Создателей развлекательных мероприятий, активизирующих примитивные потребности личности, можно назвать танатально ориентированными творцами. Понятие танатальной ориентированности ввёл в научный оборот С. Ф. Денисов. Если танатос (от др. греч. *θάνατος* – ‘смерть’), по З. Фрейду, есть неосознанное «влечение к смерти», то, по С. Ф. Денисову, «танатальные ориентации состоят из субъективных предпочтений человеком небытия бытию» [3, с. 23], которые человек может осознавать.

Танатально ориентированные развлекательные индустрии во многом являются результатом смещения творчески-познавательного досуга в сторону досуга, пронизанного «духом меркантильности и соперничества» [4, с. 111] или духом гедонизма [6, с. 139]. Более того, используя новые высокотехнологические средства, через культурную услугу творцы развлекательных индустрий оказываются способными разрушительно воздействовать на систему ценностей потребителя.

Можно утверждать, что танатальная ориентированность – это мировоззренческая установка, заключающаяся в направленности сознания на деформацию общечеловеческих ценностей. Следствием танатальной ориентированности является свободное принятие деструктивных образов мира, отказ от творческой активности

и актуализация в личности животных потребностей. Танатальная ориентированность индустрии развлечений проявляется, во-первых, через творчество создателей развлекательных услуг, а во-вторых – через потребление этих услуг различными категориями населения. В первом случае задаются и транслируются антиценности, подрывающие культуру и общество. Во втором случае антиценности созерцаются и переживаются потребителями. Вовлекаясь в танатально ориентированные мероприятия развлекательного характера, человек становится проводником, а иногда и сотворцом антиценностей. В этом смысле и процесс, и результат деструктивного развлечения обостряет (а не снимает) в его сознании существующие противоречия между миром и самим собой.

Не стоит понимать творчество танатально ориентированных развлечений как процесс выхода за пределы общественных норм. Создатели развлекательных индустрий могут предлагать эффектные культурные продукты, которые с формальной стороны не являются антисоциальными. Между тем, преступая за границы нравственности, они оправдывают свои действия необходимым творческим приёмом разрушения устоявшегося стереотипа.

Так, к «убийствам» людей в играх «живого» действия сознание уже адаптировалось благодаря убийствам, происходящим в кино- или телевизионных фильмах и компьютерных играх.

В социальных сетях часто утверждается мысль о том, что агрессивные онлайн-игры снимают напряжение и стресс. В научных исследованиях акцентируется внимание на том, «что компьютерная игра стимулирует агрессивное поведение, заставляя геймеров проявлять насилие и убивать» [1, с. 38]. Неудивительно поэтому, что агрессивные

подростки довольно часто нарушают нормы социального поведения, доходя порой до того, что берут в руки огнестрельное оружие и хладнокровно расстреливают людей, подобно зомби в играх жанра RPG. Можно представить, что с развитием компьютерной графики грань между убийством компьютерного персонажа и реального человека будет утончаться.

Одним из оснований танатальной ориентированности культурно-досуговых мероприятий развлекательного характера является деструктивная эстетика с её жаждой удовольствия. Скажем, участник квеста ужасов осознаёт, что он не может физически умереть, но те переживания, впечатления, которые он испытывает в спонтанной игровой ситуации, вырывают его из однообразной действительности, погружая в пространство адреналинового драйва и эмоционального «кайфа». По существу, этот эмоциональный «кайф» является фоном «вживления» в его психику определённых антиценностей жизни.

К танатальным направленностям существования, которые закладываются в сознание потребителя создателями развлекательных мероприятий, относятся: агрессивность, насилие, убийство, суицид, вождение в нетрезвом виде, гомосексуализм, эгоцентризм, жадность и т.д. Таким образом, создатели танатально ориентированных досуговых индустрий абсолютизируют ценности небытия, которые со временем приводят к расчеловечиванию общества.

Если основной мотив организаторов танатально ориентированных развлекательных индустрий достаточно ясен: создание оригинального продукта, услуги с целью получения максимальной прибыли, то мотивы личности потребителя, привлекающие его к танатальным ориентациям развлекательного досуга, не всегда осознаются им самим.

К основным мотивам, побуждающим к развлечениям, многие исследователи относят получение новых впечатлений, захватывающих переживаний, способных усилить остроту восприятия жизни потребителя [8, с. 17]. Остановимся на ключевых мотивах, приобщающих индивида к танатально ориентированным развлекательным индустриям.

Экзистенциальные мотивы – стремление вырваться из обыденного, шаблонного поведения (неподлинного существования) и обнаружить в себе спонтанную активность, почувствовать себя подлинно живым. Важным событием для потребителя развлечений является осознанное столкновение с таким экзистенциалом, как смерть, которое связано с возможностью извлечь новый опыт с целью личностного роста. Отсюда нельзя согласиться с мнением С. В. Андреевой, отмечающей мотивы самореализации [2, с. 197], связанные со стремлением раскрыть в себе определённые способности и тем самым повысить самооценку. Для успешной самореализации необходим творческий компонент, который отсутствует у потребителей танатально ориентированных развлечений. К тому же «самореализация предполагает сбалансированное и гармоничное развитие различных аспектов личности путём приложения адекватных усилий, направленных на раскрытие генетических, индивидуальных и личностных потенциалов» [5, с. 52]. На практике мотивы самореализации личности в танатально ориентированных развлечениях смещаются в сторону экзистенциальных мотивов, суть которых сводится к переживанию преодоления границ (слабость – сила, напряжение – расслабление, зависимость – свобода, обычное – необычное мировосприятие и т.д.). Так, переживание границы между жизнью и смертью связано с желаниями:

- преодолеть свой страх через интенсивные действия экстремального характера;
- доказать себе и окружающим свою смелость перед лицом опасности;
- избавиться от отчуждённого социального мира, в котором человек находится большую часть своей жизни.

Современный отчуждённый человек чувствует себя несвободным, когда, например, вынужден жить в чужой квартире, работать на нелюбимой работе, прятать искренние чувства под социальными масками. В связи с этим у него актуализируются *компенсаторные мотивы*. Желание уйти от неудач через какой-либо победительный образ осуществляется путём погружения в альтернативный мир, подражание действиям значимых для личности «героев» (реальных или воображаемых). Компенсация здесь не имеет ничего общего с творческой деятельностью. По существу, человек, развлекаясь, избегает неприятных переживаний, вызванных неуспехом или лишением в социальной действительности, и переключается на переживания, приносящие удовольствие. За этим удовольствием скрываются потребности в признании, восхищении, стремление выделиться, оказавшись в центре внимания, испытать ощущение своего превосходства над другими людьми, живущими механической жизнью, – всё это проявления чувств собственной значимости, эгоцентризма и высокомерия.

Одним из стержневых компенсаторных образов является образ свободы, сопровождаемый радостью, доходящей до эйфории. Жажда свободы от отчуждённой деятельности, в которой человек чувствует себя рабом, мотивирует его на деструктивное развлечение. Но эта свобода реализуется в переживании суженного сознания. Так, многие экстремалы заявляют, что во время отрыва от земли, полёта или невесо-

сти они испытали «незабываемое чувство свободы». Свобода здесь заключается и в стремлении выйти за пределы законов физики, но она эфемерна и сиюминутна.

К числу других мотивов, побуждающих индивида к танатально ориентированным развлечениям, относятся *коммуникативные мотивы* – совместное с другими потребителями времяпрепровождение с целью разделения общих увлечений и переживаний, обмена информацией и впечатлениями, присоединения к определённой социальной группе. Человек, замыкающийся на своих значимых переживаниях, вступает в коммуникацию ради удовлетворения своих интересов. Может ли он в полной мере понять другого? Ведь одним из базовых условий коммуникации является достижение взаимного понимания. Между участниками того или иного развлекательного мероприятия устанавливается главным образом эмоциональная коммуникация. Формы эмоциональной коммуникации зависят от степени вовлечённости всех участников развлечения. Например, совместная эмоциональная разрядка сплавливает людей, а барьеры эмоционального восприятия разделяют их. Естественно, одной эмоциональной связи недостаточно для сплочения по интересу или для взаимопонимания. Если между людьми разрываются эмоциональные связи, то неизбежно деформируются и коммуникативные связи между ними.

Анализ мотивов, побуждающих людей к занятию танатально ориентированными видами развлечений, позволил выявить их убеждённую уверенность в том, что экстремальный досуг способствует духовному развитию личности. Однако если бы экстремальные развлечения способствовали освобождению человека от неразумных движений его души, обеспечивали сохранение, воспроизводство и реализацию человеческой сущно-

сти (которая заключается в творческой преобразовательной деятельности), то в этом случае они являлись бы одной из форм духовной практики.

Если развлечение превращается в деятельность (которая имеет целенаправленный и преобразовательный характер), то последняя формирует субъекта, а не потребителя. Если развлекательная деятельность ориентирует сознание на творческую активность и культурное развитие, то в процессе развёртывания досуга используются такие «художественные средства воздействия, которые:

- тормозят инстинктивные рефлекторные действия организма, автоматические поведенческие реакции;
- разрушают социальные маски, шаблоны индивидуалистического поведения;
- очищают от деструктивных эмоций;
- ориентируют сознание ... на переживание общечеловеческих ценностей;
- закрепляют в сознании ... идеалы, исполненные неповторимым и неоднозначным личностным смыслом;
- задают смысложизненные ориентиры» [7, с. 101].

Итак, если сутью развлечения становится приятное времяпрепровождение, в процессе которого ради удовлетворения низменных потребностей обесцениваются общечеловеческие ценности, то можно говорить о присутствии танатальных тенденций развлекательного досуга. В танатально ориентированной развлекательной индустрии применяются такой комплекс художественных средств, который:

- активизирует инстинктивные рефлекторные действия организма;
- суживает сознание через переживание иррациональных страстей и сильных разрушительных эмоций;
- формирует деструктивную эстетику;

- провоцирует личность на самоотчуждение и пренебрежение к социальному миру;

- деформирует целостность личности и задаёт образы индивидуалистического поведения;

- стимулирует сознание на принятие антиценностей.

Таким образом, танатальные ориентации индустрии развлечений активизируют процесс деградации духовно-нравственного ядра личности и угасания её духовно-творческого начала.

Для того чтобы преодолеть танатальную ориентированность развлекательного досуга, следует создавать такие культурные продукты и услуги, которые могли бы с ней конкурировать. Прямые педагогические приёмы воздействия на сознание, такие как убеждение или внушение, малоэффективны для молодёжи, живущей по принципу Эллачки-людоедки: «Не учите меня жить». Поэтому создатели витально ориентированной развлекательной индустрии (от лат. *vitalis* – ‘жизненный’), направленной на развитие нравственных, творческих, интеллектуальных смыслов, вовлекая индивида в мероприятие развлекательного характера, должны задавать условия для постепенного изменения его сознания. В социальной психологии этот метод воздействия называется фактором незначительных изменений. Метод заключается в том, чтобы субъект индустрии развлечений побуждал индивида

к незначительным, на первый взгляд, действиям, которые в результате приводили бы его к значительному, существенному изменению образа мира, мышления, ценностных ориентиров.

Так, многие подростки, увлечённые зрелищностью и экстремальностью игровых массовых боев, приходят в клубы исторической реконструкции, чтобы участвовать в рыцарских состязаниях. Сначала новоиспечённый рыцарь усердно тренируется, отрабатывая навыки исторического фехтования. Затем благодаря реконструкторам он постепенно погружается в виртуальную реальность средневековой эпохи, что провоцирует его на изучение рыцарской культуры, различных видов ремёсел и искусств, геральдики и языка. Стоит подчеркнуть, что данный процесс приобщения личности к культурно-досуговой деятельности развивающего характера зависит от субъекта индустрии развлечений, который средствами психологического влияния стимулирует творческую и познавательную активность подростка.

Как видно, противостоять танатальной ориентированности индустрии развлечений могут только сами создатели и организаторы досуговых мероприятий. «Вживляя» в психику потребителя культурные ценности, они постепенно смещают направленность его сознания от разрушительных танатальных тенденций к созидющим витальным тенденциям.

Примечания

1. Аветисова А. А. Психологические особенности игроков в компьютерные игры // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 4. С. 35–58.
2. Андреева С. В. Экстремальный досуг и свобода личности в обществе риска и потребления // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 16. С. 192–198.
3. Денисов С. Ф. Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды : монография / Министерство образования Российской Федерации, Омский государственный педагогический университет. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. 206 с.

4. Захаров А. В. Развлечение SUB SPECIA социологии // Социологические исследования = СОЦИС : Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН. 2008. № 1 (285). С. 106–114.
5. Коростылёва Л. А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. Санкт-Петербург : Речь, 2005. 222 с.
6. Секретова Л. В. Исследования индустрии досуга в России: социально-культурный аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3 (77). С. 138–146.
7. Социально-культурная деятельность: тенденции и модели развития в XXI веке: коллективная монография / Л. В. Секретова, Н. М. Генова, М. Ю. Трофимов и др. ; отв. ред. Л. В. Секретова ; Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского ; Кафедра социально-культурной деятельности. Омск, Издательство ОмГУ имени Ф. М. Достоевского, 2018. 144 с.
8. Стальная В. А. Индустрия развлечения в мировой экономике: современные тенденции и перспективы развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2009. № 2 (февраль). С. 17–24.
9. Стрельцов Ю. А. Культурология досуга : учебное пособие. Москва : МГУКИ, 2003. 296 с.

References

1. Avetisova A. A. Psychological Features of Computer Gamers. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2011, vol. 8, no. 4, pp. 35–58. (In Russian)
2. Andreeva S. V. Extreme leisure and freedom of the person in the risk society and consumption. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2011, no. 16, pp. 192–198. (In Russian)
3. Denisov S. F. *Zhiznennyye i antropologicheskie smysly pravdy i nepravdy [Life and anthropological meanings of truth and untruth]*. Omsk, Publishing house of the Omsk State Pedagogical University, 2001. 206 p. (In Russian)
4. Zaharov A. V. Razvlechenie SUB SPECIA sostoiologii [Entertainment SUB SPECIA sociology]. *Soziologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. 2008, no. 1 (285), pp. 106–114. (In Russian)
5. Korostyleva L. A. *Psihologiya samorealizatsii lichnosti: zatrudneniya v professional'noy sfere [The psychology of self-realization of personality: difficulties In the professional sphere]*. St. Petersburg, Publishing House “Russian Language”, 2005. 222 p. (In Russian)
6. Sekretova L. V. Research of the leisure industry in Russia: the social and cultural aspect. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2017, no. 3 (77), pp. 138–146. (In Russian)
7. Sekretova L. V., esp. ed. *Social and Cultural Activity: Trends and Development Models in the 21st Century*. Collective monograph. Omsk, Publishing house of the Dostoevsky Omsk State University, 2018. 144 p. (In Russian)
8. Stalnaya V. A. Industriya razvlecheniya v mirovoy ekonomike: sovremennyye tendentsii i perspektivy razvitiya [Entertainment industry in the global economy: current trends and development prospects]. *Russian Foreign Economic Journal*. 2009, no. 2, pp. 17–24. (In Russian)
9. Streltsov Yu. A. *Kul'turologiya dosuga [Leisure Culturology]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2003. 296 p. (In Russian)

*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ИНДУСТРИИ ДОСУГА: ОПЫТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

УДК 379.8:614.87

Л. В. Секретова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Цель статьи – обратить внимание учёных и преподавателей в области социально-культурной деятельности на проблему обеспечения безопасности в индустрии досуга. В статье выявляются причины возникновения рисков и чрезвычайных ситуаций в сфере досуга. Так, вследствие усложнения досуговых занятий и развития интереса к экстремальным развлечениям появляется реальная угроза для здоровья и жизни людей. В последнее время досуговое пространство в большой степени подвержено атакам террористов. Поднимаются вопросы профессиональной подготовки организаторов досуга, владеющих знаниями о создании безопасных условий жизнедеятельности, в том числе при возникновении чрезвычайных ситуаций. Обращается внимание на необходимость осуществления просветительской работы среди населения для формирования культуры безопасности как составляющей общей и досуговой культуры.

Ключевые слова: безопасность, индустрия досуга, культура, профессиональное образование, просветительская работа, социально-культурная деятельность.

L. V. Sekretova

Dostoevsky Omsk State University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Prospect Mira, 55-A, 644077, Omsk, Omsk Region, Russian Federation

ENSURING SAFETY IN THE LEISURE INDUSTRY: THE EXPERIENCE OF PEDAGOGICAL UNDERSTANDING

The purpose of the article is to draw the attention of scientists and teachers in the field of social and cultural activity to the problem of security in the leisure industry. The article identifies the causes of risks and emergencies in the field of leisure. Due to the complexity of leisure activity and the development of interest in extreme entertainment there is a real threat to human health and life. In recent years, leisure space is highly susceptible to terrorist attacks. Questions of professional training of the organizers of leisure possessing knowledge of creation of safe conditions of activity, including at emergence of emergency situations are brought up. Attention is drawn to the need to carry out educational work among the population to form a culture of security as part of the General and leisure culture.

Keywords: security, leisure, culture, vocational education, enlightening activity, social and cultural activity.

СЕКРЕТОВА ЛЮДМИЛА ВАЛЕРИАНОВНА – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-культурной деятельности факультета культуры и искусств Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского

SEKRETOVA LYUDMILA VALERIANOVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Head of the Department of Social and Cultural Activity, the Faculty of Culture and Arts, the Dostoevsky Omsk State University

e-mail: sekretova.l@mail.ru
© Секретова Л. В., 2019

Для цитирования: Секретова Л. В. Обеспечение безопасности в индустрии досуга: опыт педагогического осмысления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 147–154.

Одним из важных факторов, оказывающих влияние на состояние безопасности, а точнее, небезопасности современных форм досуга является стремительное развитие досуговых индустрий, включающих в себя множество разнообразных видов развлекательной деятельности, интегрированных с самыми последними техническими новинками, информационно-компьютерными технологиями, которые вовлекают в свою орбиту огромное количество людей, жаждущих ярких впечатлений и острых ощущений.

К сожалению, в последние годы стали уже привычными сообщения новостных каналов о тех или иных несчастных случаях с людьми, произошедших не в условиях производственной или военной обстановки, но на отдыхе и досуге. Экстремальные виды досуга стремительно набирают популярность, особенно среди подростков и молодёжи, а предприятия и фирмы, оказывающие услуги в области индустрии досуга, привлекают посетителей всё новыми и всё более рискованными развлечениями, зрелищами и забавами.

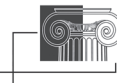
Многие из предлагаемых предприятиями индустрии досуга услуг объективно являются рискованными, так как связаны с высоким уровнем физических и эмоциональных нагрузок, с поездками в экзотические страны и пребыванием в неизведанных россиянами местах, с экстремальными испытаниями, требующими умелого владения навыками использования новых механизмов, технологий, снаряжения и т.д. Нередко последствия такого досуга сопровождаются различными травмами, вплоть до самых тяжёлых случаев. Выходит, что обычные чело-

веческие планы хорошо провести свободное время, воспользовавшись услугами организаций и предприятий индустрии досуга, завершаются драматически или даже трагически, когда гибнут люди.

Актуальность обращения к анализу проблем безопасности и предотвращения несчастных случаев во время отдыха и проведения культурно-досуговых мероприятий отвечает задачам, поставленным Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в Послании к Федеральному Собранию 2019 года о необходимости сбережения народа [6].

Н. Н. Ярошенко, характеризуя социокультурные функции индустрии досуга, подчёркивает: «Развитие этой сферы отличается крайней противоречивым воздействием, которое допускает одновременное существование не только положительных моментов (рекреация как восстановление утраченных сил, возвышение потребностей, развивающий характер досуговых занятий и другие), но и весьма опасных социальных явлений (стремление к прибыли индустрии любой ценой, в том числе за счёт разрушающего азарта, использования низких потребностей людей, снижения смысла и содержательной наполненности развлечений, агрессивности и неприемлемой экстремальности развлечений)» [11, с. 18].

По мнению С. В. Андреевой, «в сфере досуга возникла на основе синергетического эффекта новая движущая сила, в центре которой находится тяга к риску для собственной жизни и здоровья. Полем для реализации данной силы стало досуговое пространство, которое в период постиндустриализации и постмодернизации пре-

вратилось в самостоятельную индустрию, оказывающую влияние на социально-культурные трансформации в современном обществе» [1, с. 196].

Занятия многими видами спорта, дальние и не только дальние туристические путешествия, альпинизм и дайвинг, футбольные матчи и рок-фестивали, фейерверки и огненные шоу, квесты и аттракционы, азартные игры – это далеко не полный перечень развлечений, широко предлагаемых сегодня предприятиями индустрии досуга, которые могут представлять повышенную опасность для отдыхающих в случае нарушения достаточных мер безопасности.

Следствием неосторожного поведения, а также отсутствия необходимой для конкретного вида досуга квалификации могут стать физическая или психологическая травма; ожоги (при пожаре в клубе, на дискотеке и т.п.); нападения животных, как в дикой природе, так и на организованных представлениях, укусы насекомых и змей; отравление, вызванное приёмом непривычной пищи; игровая зависимость, наркозависимость, алкоголизм; инфекционные заболевания и прочее. Сколько уже людей пострадало от несоблюдения правил безопасности неквалифицированными «специалистами» в парках аттракционов, цирках, зоопарках, на туристических маршрутах, в других местах, предназначенных для отдыха и досуга? Трудно, почти невозможно подсчитать.

Действительно, даже в парках культуры и отдыха «официальной статистики происшествий на аттракционах в России не ведётся. Не занимается этим и Российская ассоциация парков и производителей аттракционов (РАППА). Хотя, по сообщениям прессы, серьёзные аварии случаются постоянно. Ежегодно в стране около тысячи детей погибает от ударов тяжёлых качелей и кару-

селей, несколько тысяч получают тяжёлые травмы, а счёт переломам и ушибам идёт на десятки тысяч» [4].

Факты показывают, что неприятные для любого человека последствия могут произойти в процессе оказания досуговых услуг в условиях досуговых предприятий самых разных типов. Зоной опасности могут стать аквапарки, батутные центры, парки культуры и отдыха, кафе и рестораны, бары и дискотеки, стадионы и тренажёрные залы, гостиницы и горнолыжные курорты, клубы и казино, бани, бассейны и сауны и т.д. Как видим, досуговая деятельность представляет не меньшую опасность, а напротив, даже большую, чем трудовая или учебная. И это действительно так.

Вечерний и ночной досуг добавляет риска. Азарт, возбуждение, окружающая толпа, внимание зрителей плюс алкоголь и наркотики вызывают состояние эйфории, затрудняют критическое восприятие ситуации. Естественным следствием такой ситуации становятся «разборки», выяснения отношений типа «ты меня уважаешь?», драки и потасовки, порой приводящие к летальному исходу. Низкий уровень общей и досуговой культуры, пробелы в образовании чаще всего становятся причинами подобных ситуаций.

Пространство досуга, особенно массового, сегодня привлекательно не только для мирного населения, но и для тех группировок, которые стремятся к дестабилизации общества. Последние годы и в России, и за рубежом произошли крупные террористические акты, связанные именно с досуговыми мероприятиями: спортивными, праздничными, рекреационно-развлекательными. Примеров тому не счесть, напомним лишь один. Страшно даже представить жуткие испытания, выпавшие на долю тех, кто оказался 23 октября 2002 года в мо-

сковском Театральном центре на Дубровке во время представления мюзикла «Норд-Ост». Трагедия произошла, когда группа в составе 40 боевиков захватила в заложники зрителей и служащих театра. Как позже выяснило следствие, «изначально в качестве места возможного теракта рассматривались три объекта, которые подразумевали компактное присутствие большого числа граждан – Московский государственный театр эстрады, Московский дворец молодёжи и Театральный центр на Дубровке. В итоге выбор был сделан в пользу последнего из-за большого количества мест в зрительном зале» [8]. Спустя почти трое суток после захвата произошёл штурм здания, в результате которого террористы были уничтожены, а оставшиеся в живых 750 заложников освобождены, но 130 человек погибли.

В настоящее время порядок на крупных досуговых мероприятиях обеспечивают полиция и отряды МЧС, дежурит скорая медицинская помощь. Техническое состояние досуговых сооружений и механизмов контролируют государственные органы Ростехнадзора. В определённых случаях к обеспечению безопасности подключаются службы санитарно-эпидемиологического надзора, подразделения Росгвардии. Достаточно ли этих мер для обеспечения безопасности в индустрии досуга? Оказывается, что нет.

Кто обязан и сможет позаботиться о личном и общественном досуге, сделав его эмоционально насыщенным и интеллектуально содержательным, развивающим и безопасным?

Как должен вести себя сам человек во время отдыха, чтобы свести к минимуму весьма возможные, как мы убедились, отрицательные последствия?

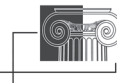
Думается, что ответственность за обеспечение безопасного досуга должны разделить с вышеперечисленными структура-

ми и специалисты предприятий индустрии досуга, и сами граждане. Готовы ли они к этому?

Известно, что «безопасность жизнедеятельности является междисциплинарной областью научных знаний, охватывающей все сферы жизни и деятельности человека в современном мире, подверженном воздействию разнообразных и разномасштабных угроз» [2, с. 2].

Словарь чрезвычайных ситуаций раскрывает понятие безопасности как «состояние защищённости личности, общества, государства и среды жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз или опасностей. Безопасность является важнейшим условием существования человека, наряду с его потребностью в пище, воде, одежде, жилище, информации. Безопасность выступает интегральной формой выражения жизнеспособности и жизнестойкости различных объектов биосферы и ноосферы в духовной и культурной сферах, во внутренней и внешней политике, в обороне, экономике, экологии, социальной политике, физическом и моральном здоровье, в информатике, технологии. При этом учитывается наличие одновременно нескольких источников опасности и их потенциальных жертв. Интегральным показателем и критерием безопасности является риск. Конечной целью обеспечения безопасности является нейтрализация или исключение различных опасностей угроз и рисков» [3].

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 51.03.03 – «Социально-культурная деятельность» предусматривает формирование общекультурной компетенции ОК-9, содержание которой определено как «способность использовать приёмы оказания первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных

ситуаций» [9]. Данная компетенция закреплена за дисциплиной «Безопасность жизнедеятельности» (БЖД). В соответствии с имеющимися учебниками по данной дисциплине, написанными разными авторами, учебный курс даёт студентам общие знания о безопасности, однако не раскрывает конкретных опасностей и угроз, возможных в ситуациях организованного досуга (в театрах, кинотеатрах, досуговых центрах, клубах, тематических парках и т.п.). Знаменательно, что в Федеральном образовательном стандарте высшего образования, утверждённого в 2017 году (ФГОС ВО 3++), аналогичная по содержанию компетенция (УК-8) раскрывается существенно иначе, обретая более актуальный и современный смысл, а именно: «способен создавать и поддерживать безопасные условия жизнедеятельности, в том числе при возникновении чрезвычайных ситуаций» [10].

Подводя итог, можно отметить следующее. Во-первых, многим видам деятельности на досуге объективно присущи определённые риски и опасности, а потому профессиональным организаторам досуга необходимо в полной мере и всесторонне изучать и строго учитывать требования техники безопасности.

Во-вторых, необходимо признать и то, что сами работники учреждений культуры, досуга и образования, которые должны заниматься просветительской работой, к сожалению, не вполне подготовлены в плане безопасной организации досуга, что обусловлено неразработанностью в научной и учебной литературе темы безопасности на предприятиях индустрии досуга, «белым пятном» в статистике несчастных случаев в учреждениях досуга и отдыха.

В-третьих, большая часть сотрудников предприятий индустрии досуга (особенно это касается негосударственного сектора

и учреждений досуга на периферии) часто вообще не имеет профессионального образования в области организации социально-культурной деятельности и досуга. Отсюда следует как непонимание важных социально-культурных функций досуга, так и неосознание возможных рисков. Порой только трагическое происшествие (такое, например, как пожар в торгово-развлекательном комплексе «Зимняя вишня» в Кемерово 25 марта 2018 года, в котором погибло 60 человек [5]) заставляет подобных организаторов досуга обратить внимание на вопросы безопасности, а государство – усилить контроль за деятельностью учреждений досуга и торговых комплексов, размещающих на своей территории досуговые площадки.

В-четвёртых, организаторам досуга необходимо быть готовыми к ситуациям неразумного и безответственного поведения отдельных граждан на досуге, учитывать современную тенденцию приоритета экстремальных видов досуга, особенно среди подростков и молодёжи. Здесь не обойтись без серьёзной просветительской работы. Важно, чтобы сами граждане понимали, что досуг – это не только весёлая и пёстрая сфера разнообразных развлечений, где каждый делает всё, что хочет, а гармоничная сфера познания, творчества, развития, формирования личности. Для того чтобы такое осознание наступило, необходимо овладение основами досуговой культуры: детьми – в школе и в учреждениях дополнительного образования, в творческих кружках и клубах по интересам, молодыми (и не только молодыми) родителями – на специальных курсах. Знания досуговой культуры, несомненно, пригодились бы всем, включая и тех, кто находится в местах лишения свободы, особенно, если проступок, за которым последовало наказание, совершён в ус-

ловиях досуга. И, может, следует подумать, не включить ли в известную формулу культуры досуга ещё один показатель, а именно – показатель безопасности: знания, умения и навыки безопасного поведения в условиях самостоятельного выбора разнообразных видов и форм досуга.

В фундаментальном научно-библиографическом труде «Педагогические проблемы социально-культурной деятельности (история, историография, теория, технология): ретроспективный научно-вспомогательный библиографический указатель авторефератов диссертаций» (Челябинск, 2017) профессор В. М. Рябков обобщил исследования педагогических проблем социально-культурной сферы за период с 1949 по 2017 годы. Всего указатель содержит перечень 3 255 наименований исследований [7]. Однако проблема безопасности пока ещё не достаточно изучена – в указателе нет такого раздела. Фактически, к данному направлению исследований можно было бы отнести четыре диссертационные работы, посвящённые профилактике экстремизма и терроризма средствами и формами соци-

ально-культурной деятельности (авторы: Г. М. Акунин, Ю. А. Акунина, А. В. Кузьмин, А. А. Свиридов) и четыре работы, связанные с изучением профилактики правонарушений несовершеннолетних средствами культурно-просветительной работы (авторы: А. А. Журавков, А. Н. Пахарев, С. И. Сторожук, А. А. Сукало) [7, с. 127–128].

По-видимому, наступившая эпоха требует от научно-педагогического сообщества обратить серьёзное внимание на, казалось бы, тривиальные аспекты безопасности, но которые полностью зависят от профессионализма и компетентности сотрудников предприятий и организаций, занимающихся организацией досуга, а также от общей и досуговой культуры самих отдыхающих. Эта культура не появится сама собой, она должна быть сформирована. Для этого должны быть определены субъекты образования и воспитания, разработаны и реализованы специальные учебные программы или модули, которые бы эту проблему целенаправленно решали. И это – актуальная задача образовательных учреждений различных уровней.

Примечания

1. Андреева С. В. Экстремальный досуг и свобода личности в обществе риска и потребления // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 16. С. 192–198.
2. Безопасность жизнедеятельности. Теория и практика : учебник для бакалавров / Я. Д. Вишняков [и др.] ; под общ. ред. Я. Д. Вишнякова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2015. 543 с. (Серия: Бакалавр. Базовый курс)
3. Безопасность [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/emergency/140/>
4. Подумай, а потом катайся. Смертность на аттракционах. Печальная статистика [Электронный ресурс] // Аттракцион-Инвест : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: http://www.attractions.ru/info/think_n_drive.html
5. Пожар в торговом центре «Зимняя вишня». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пожар_в_торговом_центре_«Зимняя_вишня»
6. Послание Президента Федеральному Собранию от 20.02.2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>
7. Рябков В. М. Педагогические проблемы социально-культурной деятельности (история, историография, теория, технология). Ретроспективный научно-вспомогательный библиографический указатель авторефератов диссертаций : монография / Челябинский государственный институт культуры, Культурологический факультет, Кафедра социально-культурной деятельности. Челябинск : ЧГИК, 2017. 551 с.

8. Террористический акт на Дубровке («Норд-Ост») в октябре 2002 года [Электронный ресурс] // РИА Новости : [веб-сайт]. Электрон. дан. 23 октября 2013 года. URL: <https://ria.ru/20131023/971874957.html>
9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 51.03.03 Социально-культурная деятельность (уровень бакалавриата) : утверждён приказом Министерства образования и науки РФ от 11 августа 2016 года, № 995. URL: <http://fgosvo.ru/news/8/1920>
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 51.03.03 Социально-культурная деятельность [Электронный ресурс] : утверждён приказом Министерства образования и науки РФ от 6 декабря 2017 года, № 1179. URL: <https://минобрнауки.рф/документы/12160/файл/10534/Приказ%20№%201179%20от%2006.12.2017.pdf>
11. Ярошенко Н. Н. Социокультурные функции индустрии досуга // Развитие досуговых индустрий: история, теория и практика российских регионов : материалы второго Всероссийского научно-практического семинара с международным участием, Омск, 19 мая 2015 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского», Факультет культуры и искусств ; [редкол.: Л. В. Секретова (отв. ред.) и др.]. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. С. 18–28.

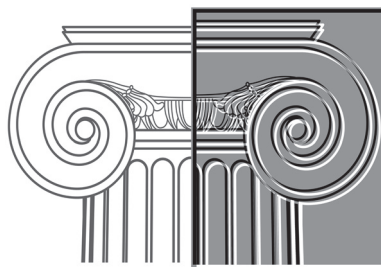
References

1. Andreeva S. V. Extreme leisure and freedom of the person in the risk society and consumption. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2011, no. 16, pp. 192–198. (In Russian)
2. Vishnyakov Ya. D., etc. *Bezopasnost' zhiznideyat'nosti. Teoriya i praktika [Life safety. Theory and practice]*. 4nd edition. Moscow, Publishing URAIT, 2015. 543 p. (In Russian)
3. *Bezopasnost' [Life safety]*. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/emergency/140/>
4. *Podumay, a potom kataysya. Smertnost' na attraktsionakh. Pechal'naya statistika [Think, and then ride. Mortality on the rides. Sad statistics]*. Available at: http://www.attractions.ru/info/think_n_drive.html
5. *Pozhar v trgovom tsentre "Zimnyaya vishnya" [Fire in the shopping center "Winter Cherry"]*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пожар_в_торговом_центре_«Зимняя_вишня»
6. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu ot 20.02.2019 [Message from the President to the Federal Assembly of 02/20/2019]*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>
7. Ryabkov V. M. *Pedagogicheskie problemy sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti (istoriya, istoriografiya, teoriya, tekhnologiya). Retrospektivnyy nauchno-vspomogatel'nyy bibliograficheskiy ukazatel' avtoreferatov dissertatsiy [Pedagogical problems of social and cultural activity (history, historiography, theory, technology). Retrospective scientific auxiliary bibliographic index of dissertation abstracts]*. Chelyabinsk, Publishing house of the Chelyabinsk State Institute of Culture, 2017. 551 p. (In Russian)
8. *Terroristicheskiy akt na Dubrovke ("Nord-Ost") v oktyabre 2002 goda [The Dubrovka Terrorist Act ("North-Ost") in October 2002]*. Available at: <https://ria.ru/20131023/971874957.html>
9. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 51.03.03 Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' (uroven' bakalavriata): utverzhden prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 11 avgusta 2016 goda, № 995 [Federal state educational standard of higher education in the direction of training 51.03.03 Social and cultural activity (bachelor degree): approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of August 11, 2016, No. 995]*. Available at: <http://fgosvo.ru/news/8/1920>
10. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 51.03.03 Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost': utverzhden prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 6 dekabrya 2017 goda, № 1179 [Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor in the field of training 51.03.03 Social and cultural activity: approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of December 6, 2017, No. 1179]*. Available at: <https://минобрнауки.рф/документы/12160/файл/10534/Приказ%20№%201179%20от%2006.12.2017.pdf>

11. Yaroshenko N. N. Sotsiokul'turnye funktsii industrii dosuga [Social and cultural functions of the leisure industry]. In: Sekretova L. V. (resp. ed.), etc. *Razvitie dosugovykh industriy: istoriya, teoriya i praktika rossiyskikh regionov. Materialy vtorogo Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo seminara s mezhdunarodnym uchastiyem, Omsk, 19 maya 2015 goda* [Development of leisure industries: history, theory and practice of Russian regions: materials of the second all-Russian scientific and practical seminar with international participation (Omsk, May 19, 2015)]. Omsk, Publishing house of the Dostoevsky Omsk State University, 2015. Pp. 18–28. (In Russian)

*

ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

ПОЛИХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ВВЕДЕНИЯ РЕБЁНКА В КУЛЬТУРУ

Результаты, изложенные в статье, получены в рамках выполнения государственного задания Министерства просвещения; номер государственной регистрации 115031940007

УДК 37.032

Л. Г. Савенкова

Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования

В статье автор анализирует проблему воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста в условиях интегрированного полихудожественного обучения – важнейшего условия развития врождённых способностей ребёнка: зрения, слуха, движений, общения, психических процессов и мышления. Сегодня уже не требуется доказывать, зачем и для чего нужно вводить в процесс обучения разные виды искусства. Ответ на этот вопрос очевиден. Мы все разные, у каждого из нас свои особенности, свои предпочтения, своя предрасположенность к какой-либо деятельности, данная нам с рождения. Но при этом у каждого из нас неравные способности к конкретным видам деятельности. Выводы автора подкреплены многолетними исследованиями в области комплексного образования.

Ключевые слова: интегрированное обучение, полихудожественное воспитание, психические особенности детей, врождённые способности, разные виды искусства.

L. G. Savenkova

Institute of Art Education and Culturology of Russian Academy of Education,
Pogodinskaya str. 8, bldg 1, 119121, Moscow, Russian Federation

POLY-ARTISTIC EDUCATION AS A CONDITION FOR INTRODUCING A CHILD INTO THE CULTURE

In the article the author analyzes the problem of education of children of preschool and primary school age in the conditions of integrated poly – artistic education-the most important conditions for the development of the child's innate abilities: vision, hearing, movements, communication, mental characteristics of a person and his thinking. Today it is no longer necessary to prove why and why it is necessary to introduce different types of art into the learning process? The answer is obvious.

САВЕНКОВА ЛЮБОВЬ ГРИГОРЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник Института художественного образования и культурологии РАО

SAVENKOVA LYUBOV GRIGOREVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, chief scientific officer of the Institute of Art Education and Culturology of Russian Academy of Education

e-mail: lgbloknot@mail.ru
© Савенкова Л. Г., 2019

We are all different; each of us has its own characteristics, its preferences, and its predisposition to any activity given to us from birth. But at the same time, each of us is not equal ability to specific activity. The author's conclusions are supported by many years of research in the field of integrated education.

Keywords: integrated education, poly-artistic education, mental characteristics of children, innate abilities, different types of art.

Для цитирования: Савенкова Л. Г. Полихудожественное образование как условие введения ребёнка в культуру // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 156–163.

Главная задача образовательной организации – максимально развивать у детей данные им природой способности равноценно.

Проблемы развития врождённых способностей в педагогике дискутируются издревле. Что же дала природа каждому ребёнку при рождении? Во-первых, способность человека видеть, воспринимать окружающий мир благодаря зрению. Во-вторых, подарила ребёнку способность слышать – воспринимать мир вокруг с помощью слуха. В-третьих, наделила каждого возможностью постигать мир через движение и действие, обоняние и осязание. В-четвёртых, способность формировать представления об окружающем мире, опираясь на психические процессы (способность человека воспринимать, ощущать, помнить, воображать, чувствовать). Наконец, природа наделила человека самым главным, что отличает его от животных, – мышлением. Перечисленные области дарований составляют то особенное, что отличает одного ребёнка от другого, и определяют его предрасположенность к каким-либо действиям.

В данном случае следует вспомнить слова выдающегося педагога, жившего в Древнем Риме около 2 000 лет назад, – Марка Фабия Квинтилиана. В известной книге «Наставление в ораторском искусстве» он описал законы обучения ребёнка, опираясь на его врождённые способности. С одной стороны, это относится к учителю, который должен выявлять в процессе об-

учения индивидуальные особенности учеников, учитывать «различие умов и узнавать, кто к чему способнее от природы» [9]. С другой стороны, учителю необходимо стараться развивать личные качества каждого ребёнка, «природные дарования и направлять умы» в соответствии с интересами и желаниями ученика [9].

Другой основоположник педагогики науки Ян Амос Коменский в «Великой дидактике» отмечал, что обучение того или иного ученика, так же как и выращивание растений, деревьев, животных, должно опираться на индивидуальные природные особенности. «С одним надо обращаться так, с другим иначе и нельзя пользоваться для одних и тех же целей всем и одинаково ... чуждое есть то, что несвойственно натуре того или другого ученика» [4]. Форма его педагогической позиции – «обучение и воспитание лишь тогда будут впрок, когда их законы начнут выводиться из неизменной природы человека» [4]. Согласно Коменскому, если даже для разного рода деревьев нужна специальная почва, особые условия, чтобы оно стало плодоносить, а цветы цвести, то для воспитания и обучения детей тем более нужен индивидуальный подход к развитию данных им природой уникальных способностей [4].

«Совершенно неразумен тот, – пишет В. Кумарин, – кто считает необходимым учить детей не в той мере, в какой они могут усваивать, а в какой только он сам жела-

ет, так как нужно помогать способностям, а не подавлять их, и воспитатель юношества, так же как и врач, является только помощником природы, а не её господином» [6].

Такой подход особенно актуален в дошкольном воспитании, когда ребёнок наиболее открыт к проявлению способностей. Следует привести цитату А. Дистервега: «Младенец, не имея ещё никаких следов воспоминаний, имеет уже возможность быстрее или медленнее принимать их, ярче или тусклее отражать, сохранять более или менее прочно, комбинировать и воспроизводить живее или медленнее. Эти прирождённые способности зависят от особенностей нервной системы ... Дитя, если можно так выразиться, мыслит формами, красками, звуками, ощущениями вообще, и тот *напрасно и вредно насилует бы детскую природу, кто захотел бы её заставить мыслить иначе*. Таким образом, облекая первоначальное ученье в формы, краски, звуки – словом, делая его доступным возможно большему числу ощущений дитяти, мы делаем вместе с тем наше ученье доступным ребёнку и сами входим в мир детского мышления ... Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [1].

После сказанного выше, наверное, уже не потребуется доказывать, зачем и для чего нужно вводить в процесс воспитания и обучения разные виды художественной деятельности. Ответ на этот вопрос достаточно прост и очевиден. Мы все разные, у каждого из нас свои особенности, свои предпочтения, своя предрасположенность к какой-либо деятельности, данная нам с рождения. Но при этом у каждого из нас неравные способности к конкретным видам деятельности: у одного природный музыкальный слух, у другого уникальная способность

к изобразительной деятельности, третий обладает математическими способностями, четвёртый имеет способность к танцам и т.д. Поэтому, когда в детских учреждениях ограничивают развивающие виды творчества (например, оставляя только изобразительное искусство и музыку), то тем самым сознательно лишают детей других видов искусства: искусства театра (искусства общения), танца (красоты движений), поэзии (художественного слова) и т.д.

Именно это имел в виду А. В. Запорожец, выделяя задачу движения вперёд, которая решается в соответствии с особенностями индивидуальности ребёнка (моторики, мотивов, определённой ситуации). Такая адаптация и гибкость, по словам автора, характеризуют «высшую стадию его произвольности» [2]. Ещё один крупнейший исследователь дошкольного детства Н. Н. Подъяков считал, что одним из условий активизации мыслительной деятельности ребёнка и его самостоятельного творчества является «соблюдение меры неопределённости, незавершённости какой-то части дошкольных знаний» [7]. Другим условием является поддержка активности детей. Именно это, по мысли учёного, служит основанием для получения определённых понятий и планирования специальной зоны для знаний, позволяющих расширять познавательную активность детей [7].

С решением указанных ранее направлений развития обучающихся связано интегрированное образование и полихудожественное воспитание детей, основой которых является перенос акцента с восприятия на активное творчество самих детей. Это обеспечивает активизацию воображения ребёнка, его действий. Он не ждёт разъяснений взрослого, он сам пытается найти выход из сложившейся ситуации, что позволяет создавать на занятии высокий эмо-

циональный эффект, ощущать радость от выполняемой работы и акта познания, стимулировать желание детей самостоятельно исследовать и получать удовольствие от созданного, узанного, свершившегося.

Разные виды искусства при таком обучении служат особым полихудожественным пространством, наполненным положительными эмоциями. Это обеспечивает детям радостное существование и увлечённость деятельностью.

Отсюда вытекают задачи полихудожественного образования детей, которые на разных этапах взросления имеют свои особенности. К основным задачам относят:

- развитие данных природой способностей ребёнка к восприятию природы и произведений искусства через эмоции и чувства;
- воспитание желания и умений детей закреплять впечатления, полученные в процессе наблюдения художественного образа;
- формирование представлений детей о разнообразии искусств и важности искусства в жизни и деятельности людей;
- овладение умениями и навыками культурного поведения в концертном зале, музее, развитие способности поддерживать диалог по поводу произведений искусства;
- воспитание интереса и любви к произведениям народного искусства разных национальностей [10].

Сформулированное выше опирается на то, что любой человек, ребёнок в особенности, воспринимает и осознаёт каждое действие по-своему: одни дети лучше понимают с помощью слухового восприятия, другие в процессе рассматривания, третьим нужно произвести какие-либо дополнительные действия с изучаемым предметом, например, тактильные ощущения. Также следует отметить, что в силу своих возрастных особенностей (которые выражаются в

рассеянности внимания, неумении выполнять длительную работу и желании заниматься разными видами деятельности) ребёнок всегда готов к смене деятельности, активному участию в коллективных формах работы. Следовательно, было бы ошибкой не учитывать это в организации занятий, в том числе с использованием дополнительных средств, таких как: образные ассоциации, разные виды художественной деятельности, впечатления от увиденного или прослушанного. Наиболее часто используемыми формами работы в практике обучения дошкольников и младших школьников являются: включение разных видов искусства по созвучным темам, ассоциациям, настроению. Например: цветковое изображение слов и настроений, графическая передача музыки, выполнение свободных движений («образная хореография») под музыку т.д. Всё это развивает у детей воображение, представление, самостоятельное мышление. Другим развивающим средством «включения» мышления малышей является обыгрывание разных ситуаций (из жизни, из сказки, песни, стиха), что реализуется через действия с предметами, игрушками, с детьми с помощью жестов, движений, звуков. Наиболее интересными и увлекательными видами деятельности для детей являются оживление картин, сюжетов, сочинение историй с предметами, красками и т.д. Важнейшее значение для их развития имеет работа в малых группах, в том числе создание картины, книги, кукольного спектакля и т.д.

Интегрированный подход к воспитанию и обучению детей в образовательных организациях позволяет сопоставлять и сравнивать возможности разных видов искусств в детских коллективах.

Динамика направлений развития ребёнка выглядит следующим образом [см.: 3; 8].

2 года. Эстетическое восприятие форм и цвета живой и неживой природы (люди, звери, птицы, рыбы, насекомые, растения, раковины, камни, земля, песок, глина, вода, снег и т.д.), рукотворного предметного окружения (игрушки, бытовые вещи и т.д.). Первичное освоение художественных признаков и особенностей материала в процессе экспериментирования с красками, словами, движениями, действиями. Развитие детского любопытства и интуиции, заинтересованности и эмоциональной отзывчивости к эстетической стороне окружающей действительности. Формирование чувства ритма в повседневной жизни и в природе (день – ночь, времена года и т.д.), в искусстве (ритмика движений, звуков, форм, линий и т.д.). Первоначальные творческие опыты в разных видах деятельности, в том числе освоение элементарных навыков изображения.

3 года. Развитие чувства разнообразия цвета и света в природе и предметном мире на примере активного восприятия окружающего: разнообразии форм деревьев и листьев, цветов и запахов, камней и раковин, стихий в природе (ветер, радуга, гроза, дождь, солнце, луна); разнообразии предметов окружающего мира, составляющих жилую и образовательную среду; разнообразии настроений и чувств; улавливание ритмов жизни, в природе, в искусстве. Всё перечисленное имеет значение в формировании сенсорного опыта детей, выражаемого в живом творческом акте, в процессе самостоятельного создания художественного образа, в том числе с помощью красок, голоса, движений.

4 года. Формирование умения различать предметы по форме в пространстве окружающей жизни, бытовой среде. Воспитание желания самому украсить комнату, группу детского сада. Развитие способ-

ности выражения своего личного отношения к героям сказок и рассказов, к другим детям в группе и взрослым, умения взаимодействовать с разными детьми в группе (на улице, в музее), распределять обязанности, уметь слушать других и высказывать своё мнение по поводу происходящего. Воспитание эмоционально-чувственной сферы ребёнка через восприятие и действие (создание цветовых и линейно-графических композиций на передачу настроения, объёмной формы и фактуры предметов; применение в общении с другими людьми жеста, интонации, мимики). Развитие представлений о разнообразии пространств (закрытое и открытое) и умений свободно ориентироваться в небольшом, узком, широком пространстве.

5 лет. Наблюдения, сравнения, нахождение общего и особенного в одних и тех же сюжетах в жизни, в природе и их отображении в произведениях искусства. Формирование умения и желания выражать свои наблюдения, впечатления, настроения в художественном творчестве (рисунке, лепке, танце, театре, игре). Поддержание интереса к коллективным видам творчества в разных видах искусства, в игровых ситуациях и в жизни. Развитие психических процессов, таких как ассоциативное мышление, креативное восприятие в процессе слушания музыки, восприятия картин, слушания поэзии и литературных произведений.

6 лет. Развитие пространственных ощущений в реальной среде, в произведениях искусства, представлениях себя внутри пространства (роль цвета, формы, слова, звуков, движений в разных пространствах). Знакомство с цветом в жизни и искусстве, развитие чувства индивидуальности цвета. Развитие интереса и желания к изучению и исследованию причин: разнообразия цвета и форм в окружающей жизни,

наполняющих жизнь звуков и запахов, особенностей жестов и движений в общении, интонационных разнообразий в природе и в повседневности. Освоение, изучение, исследование конкретных предметов в окружении, в живописи, в декоративно-прикладном искусстве. Развитие желания и потребности украшать окружающее пространство своими силами.

7 лет. Развитие интереса и желания экспериментировать с цветом, светом и красками в живописи, с формами предметов в скульптуре, с жестами и движениями в игровых и театральных действиях. Развитие желания проводить эксперименты со звуками, запахами, интонациями и их отображением в рисунке. Развитие чувств ребёнка через улавливание настроений в природе и в искусстве, развитие ощущения пространства в жизни и в искусстве. Интерес к окружающим предметам: их форме и цвету, ответственности формы её назначению, создание своих оригинальных форм и их украшение. Интерес к цвету и формам в природе (радуга, растения, животные, птицы, насекомые). Интерес к применению цвета и форм в искусстве. Создание цветowych, графических, двигательных, звуковых композиций на передачу настроения.

8 лет. Искусство в окружающем мире. Воспитание желания познакомиться с разными искусствами. Особенное и общее в отображении предмета в картине, слова в поэзии, звука в музыке. Формирование интереса к разнообразию жизни людей в различных странах Земли (климат, растения, животные, моря и океаны, их отображение в картинах и музыке). Как человек исследует пространство Земли? Визуальное восприятие пространства, природы летом, осенью, зимой, весной (цвет и расположение предметов относительно друг друга). Предмет в архитектуре, в среде. Творение формы в

природе, в истории развития жизни на Земле. Цвет и форма в архитектуре. Настроение в картине, в слове, звуке. Композиция в изобразительном искусстве – взаимодействие элементов изображения.

9 лет. Формирование представлений о выразительности художественного языка разных видов искусства (общее и особенное): форма, пространство, динамика, ритм. Развитие понятия композиции в музыкальном произведении, в живописи и декоративно-прикладном искусстве, в скульптуре и архитектуре. Красота и целесообразность формы и цвета в предметах декоративно-прикладного искусства. Взаимодействие элементов в декоративной композиции: ритм пятен и линий. Соответствие внешней и внутренней формы в природных объектах. Развитие представлений о знаке в жизни и произведениях искусства. Формирование понятия об освоении человеком пространства Земли: страны – природа – ландшафт – люди. Разнообразие природных ландшафтов разных регионов и творчество населяющих их народов.

10 лет. Роль и значение народного искусства в жизни человека. Традиции в народном искусстве (устное слово, песенное творчество, декоративное искусство, народный театр). Отображение окружающей природы и этнических особенностей в народном искусстве. Пространственное ощущение мира: архитектура, быт, одежда. Зависимость народного искусства от национальных традиций, климата, ландшафта. Форма и композиция в народном декоративно-прикладном искусстве (традиции, обычаи и т.д.). Цвет, пластика и символика народной игрушки. Цвет как важный выразительный элемент в решении формы в народной игрушке.

Работа с детьми разного возраста в области освоения любой художественной дея-

тельности выстраивается *по пяти направлениям развития.*

1. *Развитие наблюдательности детей, формирование дифференцированного зрения и художественно-образного восприятия природы и искусства.* Накопление определённого опыта эмоционально-образного восприятия искусства и окружающей природы. Отображение окружающего мира, природы и действительности в искусстве: изобразительном, скульптуре, стихе, музыке, театре, танце, одежде, декоративно-прикладном. Наблюдение за окружающим миром основывается на формировании представления о том, что любое пространство – это особый мир, который состоит из составляющих его предметов, цвета, звуков, движений. Большое значение имеет наблюдение за конкретными предметами, такими как растения, камни, животные, птицы, человек, и установление их взаимосвязи друг с другом.

2. *Формирование представлений о разнообразии выразительного художественного языка разных видов искусства.* Введение детей в «храм искусства» (знакомство с разными видами художественного творчества, роль и значение искусства в жизни людей). Представления об особенностях и истории возникновения разных искусств: рисунки древних людей, обрядовые праздники, сказки.

3. *Опора на творческую деятельность детей, перенос наблюдаемого в художествен-*

ную форму. Полихудожественный игровой характер деятельности, естественный для любого ребёнка. Игра предполагает одновременное включение ребёнка в разнообразные действия, взаимодействие с партнёрами, выражение себя в слове, движении, мышлении, общении, фантазии.

4. *Развитие эмоционально-чувственной сферы, психических процессов в результате освоения разнообразия окружающего мира.* Искусство как средство открытия мира в многообразных его проявлениях через различные формы включения детей в процесс сотворчества с воспитателем, с детьми, с родителями, экскурсоводом. Развитие способностей детей понимать, ценить, любить искусство, сознательно подходить к процессу эстетического восприятия действительности и искусства.

5. *Развитие фантазии и воображения через разнообразное обогащение процесса восприятия, опираясь на разные искусства* (живопись, музыку, скульптуру, поэзию, литературу, театр, танец), на одни и те же художественно-выразительные средства. Развитие у детей умения обобщать, переносить образы с одного вида искусства на другой, используя ассоциативное мышление, анализ, сопоставление одного художественного произведения с другим. Серьёзным помощником в этой деятельности являются сказки (народные, авторские, сочинённые самими детьми).

Примечания

1. Дистервег А. Избранные педагогические сочинения / [сост. и вступ. статья В. А. Ротенберга]. Москва : Учпедгиз, 1956. 374 с.
2. Запорожец А. В. Психологическое изучение развития моторики ребенка-дошкольника // Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста : сборник статей / Психологический институт Российской академии образования, Международный образовательный и психологический колледж ; под ред. А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца ; предисл. О. М. Дьяченко. Москва : Изд-во Международного образовательного и психологического колледжа, 1995.
3. Клюева И. Н., Зуйкова Е. Н., Савенкова Л. Г. Калейдоскоп. Интегрированная программа для детей дошкольного возраста. Тольятти, 2000. 120 с.
4. Коменский Я. А. Великая дидактика. Санкт-Петербург : Типография А. М. Котомина, 1875. 321 с.

5. Кумарин В. В. Педагогика природосообразности и реформа школы. Москва : Народное образование, 2004. 624 с.
6. Кумарин В. В. Педагогика стандартности, или Почему детям плохо в школе (педагогическое расследование). Москва, 1996. 64 с.
7. Поддъяков Н. Н. К вопросу о развитии мышления дошкольников // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии / под ред. И. И. Ильцова, В. Я. Ляудис. Москва : Изд-во МГУ, 1981. [Том 2]. Работы советских психологов периода 1946–1980 гг. С. 207–211.
8. Савенкова Л. Г. Изобразительное искусство и среда (природа – пространство – архитектура) : интегративная полихудожественная программа для 1–11 классов. Москва : Издательский дом Магистр-Пресс, 1995. 125 с.
9. Титов К. Наставления оратору. Квинтилиан. Москва : ЛитРес, 2017. 8 с.
10. Юсов Б. П. Современная концепция образовательной области «Искусство» // Известия РАО. 2001. № 4. С. 120–140.

References

1. Disterveg A. [Diesterweg Friedrich Adolph Wilhelm] *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya [Selected pedagogical writings]*. Moscow, 1956. 374 p. (In Russian)
2. Zaporozhets A. V. *Psikhologicheskoe izuchenie razvitiya motoriki rebenka-doshkol'nika [Psychological study of the development of motility of a preschooler child]*. In: Leontyev A. N., Zaporozhets A. V., eds. *Voprosy psikhologii rebenka doshkol'nogo vozrasta. Sbornik statey [Issues of psychology of a child of preschool age. A collection of articles]*. Moscow, Publishing house of the International Educational and Psychological College, 1995. (In Russian)
3. Klyueva I. N., Zuykova E. N., Savtnkova L. G. *Kaleydoskop. Integrirovannaya programma dlya detey doshkol'nogo vozrasta [Kaleidoscope. Integrated program for preschool children]*. Tolyatti, 2000. 120 p. (In Russian)
4. Komensky Ya. A. [Komenský Jan Amos] *Velikaya didaktika [Great Didactics]*. St. Petersburg, 1875. 321 p. (In Russian)
5. Kumarin V. V. *Pedagogika prirodosobraznosti i reforma shkoly [Pedagogy of nature conformity and school reform]*. Moscow, Publishing house “Narodnoe obrazovanie”, 2004. 624 p. (In Russian)
6. Kumarin V. V. *Pedagogika standartnosti, ili Pochemu detyam plokho v shkole (pedagogicheskoe rassledovanie) [Pedagogy of the standard, or Why children feel bad at school (pedagogical investigation)]*. Moscow, 1996. 64 p. (In Russian)
7. Podd»yakov N. N. K voprosu o razvitiy myshleniya doshkol'nikov [To the issue of the development of thinking of preschoolers]. In: Ilyasov I. I., Lyaudis V. Ya., eds. *Khrestomatiya po vozrastnoy i pedagogicheskoy psikhologii. Tom 2. Raboty sovetskikh psikhologov perioda 1946–1980 gg. [Readings on age and educational psychology. Vol. 2. The works of Soviet psychologists of the period of the 1946–1980th]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University, 1981. Pp. 207–211. (In Russian)
8. Savenkova L. G. *Izobrazitel'noe iskusstvo i sreda (priroda – prostranstvo – arkhitektura): integrativnaya polikhudozhestvennaya programma dlya 1–11 klassov [Visual arts and the environment (nature – space – architecture): an integrative poly-artistic program for the 1–11st classes]*. Moscow, Publishing house “Magistr Press”, 1995. 125 p. (In Russian)
9. Titov K. *Nastavleniya oratoru. Kvintilian [Instructions to the speaker. Quintilian]*. Moscow, Publishing house “LitRes”, 2017. 8 p. (In Russian)
10. Yusov B. P. *Sovremennaya kontseptsiya obrazovatel'noy oblasti “Iskusstvo” [The modern concept of the educational field “Art”]*. *News of the Russian Academy of Education*. 2001, no. 4, pp. 120–140. (In Russian)

*

РЕАЛИЗАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРЕБОВАНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

УДК 37.014

Е. С. Сахарчук

Московский государственный институт культуры

Целью статьи является исследование социокультурного аспекта реализации Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования последнего поколения (ФГОС 3++). Актуальность исследования обусловлена тем, что синхронизация ФГОС с профессиональными стандартами связана с рядом изменений в процессах регламентации, формирования структуры и содержания основных профессиональных образовательных программ, появлением новых субъектов этих процессов, а также изменением роли, задач и характера ответственности субъектов образовательной деятельности за результаты образования. Объектом исследования является совокупность взаимодействующих субъектов проектирования, реализации и оценки образования в вузах, предметом – социокультурные изменения, обусловленные трансформациями в совокупности субъектов и целеполагании высшего профессионального образования. На основе научной аргументации, изложенной по результатам анализа содержания регламентирующей документации и первого опыта реализации ФГОС 3++ (на примере направлений подготовки, типичных для вузов культуры), в статье выдвигается идея о развитии нового уровня социального самосознания личности и приращении духовности общества посредством повышения уровня ответственности каждого субъекта образовательной деятельности за качество результатов образования.

Ключевые слова: социокультурный аспект, качество высшего профессионального образования, приращение духовности общества.

E. S. Sakharchuk

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

IMPLEMENTATION OF FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS OF HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF REQUIREMENTS OF PROFESSIONAL STANDARDS: SOCIAL AND CULTURAL ASPECT

The aim of the article is to study the social and cultural aspect of the implementation of the Federal state educational standards of higher education of the last generation. The relevance of the study is due to the fact that the synchronization of the state educational standards with professional standards

САХАРЧУК ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА – доктор педагогических наук, доцент, начальник управления контроля и координации образовательных процессов Московского государственного института культуры

SAKHARCHUK ELENA SERGEEVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of control and coordination of educational processes, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: e.sakharchuk2013@yandex.ru

© Сахарчук Е. С., 2019

is associated with a number of changes in the processes of regulation, the formation of the structure and content of the main professional educational programs, the emergence of new subjects of these processes; changing the role, objectives and nature of the responsibility of subjects of educational activities for the results of education. The object of the study is a set of interacting subjects of design, implementation and evaluation of education in universities, the subject – social and cultural changes caused by transformations in the aggregate of subjects and goal-setting of higher education. On the basis of the scientific argument presented by the results of the analysis of the content of regulatory documentation and the first experience of the implementation of state educational standards (typical for universities of culture and arts), the article puts forward the idea of the development in the new conditions of a new level of social consciousness of the individual and the increment of spirituality of society by increasing the level of responsibility of each subject of educational activities for the quality of education results.

Keywords: social and cultural aspect, the quality of higher professional education, the increment of the spirituality of society.

Для цитирования: Сахарчук Е. С. Реализация Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования в контексте требований профессиональных стандартов: социокультурный аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 164–172.

Проектирование основных профессиональных образовательных программ (далее – ОПОП) на основе принятых в 2017–2018 годах Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), нацеленных на синхронизацию вузовского образования с профессиональными стандартами, как показал опыт, ведёт к трансформации системы взаимодействующих субъектов проектирования, реализации и оценки образовательной деятельности, в связи с чем исследовательский интерес представляют социокультурные аспекты трансформирующихся связей между обществом, культурой и образованием в контексте реализации новой модели подготовки специалистов.

В настоящее время «обратная связь», понимаемая как «причинно-следственная детерминация взаимодействия участников образовательного процесса» [1], реализуется на основе процедур самооценки субъектов образовательной деятельности и независимой (внутренней и внешней) оценки качества образования. Социокультурная доминанта развития системы взаимодействия субъектов высшего профессиональ-

ного образования выражается в обеспечении открытости образования как государственно-общественной системы и реализации модели коллективной ответственности за качество подготовки специалистов. Под качеством образования понимается его комплексная характеристика, отражающая степень соответствия результатов образовательной деятельности существующим (и перспективным) запросам общества, выраженным в профессиональных стандартах [12, пункт 29 статьи 2]. Под субъектами коллективной ответственности понимаются государство, общество и образование [13].

ФГОС, синхронизированные с профессиональными стандартами, в отличие от ФГОС предыдущих поколений, определяют процесс взаимодействия участников образовательных отношений как системообразующий элемент реализации ОПОП, выделяя отдельную часть образовательных программ в «часть, формируемую участниками образовательных отношений». Участие «внешней» для вуза среды, которую представляют работодатели, Федеральные учебно-методические объединения (ФУМО), Со-

веты по профессиональным компетенциям (СПК), в проектировании ОПОП также регламентировано, при этом задачи ФУМО и СПК с принятием ФГОС 3++ отчасти изменились, о чём будет говориться далее [8].

Имеются основания полагать, что переход на синхронизированные с профессиональными стандартами ФГОС *не только расширяет состав категорий субъектов проектирования, реализации и оценки высшего профессионального образования, но и обуславливают изменение социокультурного значения образующегося межсубъектного взаимодействия.*

Охарактеризуем категории участников оценки качества образования в контексте реализуемых вузами процессов проектирования и (или) оптимизации образовательных программ, нацеленных на синхронизацию с профессиональными стандартами.

Категория выпускников ОПОП. В настоящее время не рассматривается (регламентацией проектирования и реализации образовательных программ) как категория субъектов оценки качества образования. При этом очевидно, что работающие по профилю полученного образования выпускники ОПОП способны оценить освоенные ими в период обучения в вузе компетенции по параметрам [10]:

- 1) соответствия запросам работодателей профильной сферы деятельности;
- 2) соответствия своим ожиданиям по возможностям профессионального развития;
- 3) соответствия своим ожиданиям по возможностям социальной мобильности и личностного развития.

Категория обучающихся как субъектов проектирования, реализации и оценки ОПОП. Важнейшими приёмами реализации «обратной связи» в целях совершенствования образовательного процесса

являются самооценка деятельности субъектов образовательного процесса и профессиональная педагогическая рефлексия преподавателей, участвующих в разработке методического обеспечения ОПОП, и разработчиков (руководителей) ОПОП как их концептологов и консолидаторов. Разработчики (руководители) ОПОП учитывают при ежегодной актуализации ОПОП результаты самообследования образовательных программ; процедуры актуализации регламентированы вузами. В ОПОП ежегодно актуализируются отдельные элементы – программы дисциплин и практик, таким образом реализуется механизм отражения результатов педагогической рефлексии преподавателей. Сопряжённые с профессиональными стандартами ФГОС должны расширить, как представляется, предметное поле педагогической рефлексии, поскольку уточняется и конкретизируется собственно целеполагание образовательной деятельности по ОПОП.

Участие обучающихся в независимой внутренней оценке качества образования регламентируется ФГОС. Самооценка деятельности обучающихся обуславливает построение их индивидуальных образовательных траекторий и траекторий профессионализации в заданном вектором ОПОП направлении. Переход на новые ФГОС должен, очевидно, внести коррективы в предметную область оценки обучающихся.

Образовательная организация как субъект оценки качества ОПОП. На основе независимой внутренней оценки образовательной деятельности, осуществляемой административным и преподавательским составом вуза, выстраиваются механизмы совершенствования кадровых, материально-технических, информационно-коммуникационных и других ресурсов, обеспечивающих реализацию ОПОП, повышается

эффективность их использования; актуализируются структура и содержание ОПОП.

Представленная государственными и бизнес-структурами в профильных для ОПОП сферах деятельности, профессиональными сообществами, экспертами по областям профессиональной деятельности *внешняя среда вуза* осуществляет на постоянно действующей основе оценку образовательной деятельности с момента запуска первых компетентностно ориентированных образовательных стандартов. Однако принятие синхронизированных с профессиональными стандартами ФГОС сопровождается реализацией ряда новых организационных механизмов, речь идёт, прежде всего, об ужесточении регламентации структуры и содержания образования, а также оценочных процедур, связанных с новыми задачами Федеральных учебно-методических объединений, и новыми функциями Советов по профессиональным квалификациям.

Прежде чем приступить к исследованию социокультурных аспектов реализации новых образовательных стандартов, связанных с охарактеризованными выше изменениями совокупности и отчасти функций субъектов образовательной деятельности, обратимся к научным публикациям периода подготовки и утверждения ФГОС 3++ и соответствующих им примерных основных образовательных программ по схожей тематике. Научный аппарат педагогических публикаций последних лет отчётливо указывает на формирование методологического вектора исследований, связывающих реализацию моделей качественной подготовки специалистов *с потенциалом внутрисистемных взаимодействий субъектов образовательной деятельности*:

- О. М. Шерехова рассматривает становление межсубъектных отношений как

условие продуктивности образовательной деятельности [14];

- И. Б. Умняшова и Е. Ю. Малышева определяют эффективное взаимодействие субъектов образовательной деятельности как условие организации процесса проектно-исследовательской деятельности [11];

- И. Р. Ляпина и О. А. Строева исследуют пути интеграции бизнеса, образования и науки в целях реализации национальной технологической инициативы [5];

- С. Б. Дохолян определяет социальное партнёрство как инструмент повышения эффективности предоставления образовательных услуг вузом [3];

- Е. А. Коняева определяет социальное партнёрство как основу трудоустройства выпускников вузов [4];

- региональные аспекты и перспективы социального и стратегического партнёрства в контексте повышения качества образования исследуют И. А. Деменко, И. В. Шавырина, А. Ю. Подшивалов, Е. В. Пустынникова и другие [см.: 2; 6; 7];

- А. С. Андриянова исследует современные механизмы обратной связи в контексте построения эффективного образовательного процесса в вузах [1] и другие.

Логичным и актуальным в контексте заданного методологического вектора представляется исследование ценностных аспектов взаимодействия субъектов проектирования, реализации и оценки качества высшего профессионального образования, трансформирующихся при переходе к ФГОС, синхронизированных с профессиональными стандартами.

В основу выводов по статье легли результаты систематизации и интерпретации: 1) ключевых положений, структуры и содержания опубликованных на сайте «Регистр ВО» примерных основных образовательных программ по направлениям под-

готовки уровня высшего образования (по направлениям подготовки, типичным для вузов культуры); 2) содержания реализуемых по ФГОС 3++ ОПОП (на примере направлений подготовки, реализуемых в Московском государственном институте культуры); локальной нормативной документации, в том числе в области управления качеством образования; 3) внутренних и внешних связей, в контексте их ценностных оснований, субъектов проектирования, реализации и оценки качества образования (на примере МГИК).

Наши исследования показали следующее. В связи с тем, что опыт реализации ФГОС 3++ носит локальный и пока недолговременный характер, недостаточно отрафлексирован и обусловлен факторами внутренней и внешней среды конкретной образовательной организации (МГИК), результаты проведённого анализа могут рассматриваться только как самое общее представление о направлении развития ценностных оснований развития межсубъектных связей в сфере высшего профессионального образования. Тем не менее есть основания полагать, что *интеграция субъектов образования в её трансформирующуюся совокупности в контексте реализации новых стандартов потенциально обуславливает актуализацию социального самосознания личности посредством повышения уровня ответственности каждого субъекта образовательной деятельности за качество результатов образования.*

Ориентированные на профессиональные стандарты или, в случае отсутствия профессиональных стандартов, на результаты анализа потребностей разных сфер деятельности в компетентностных характеристиках работников 6-го и выше квалификационных уровней, ФГОСы высшего образования меняют конфигурацию ценност-

ных оснований взаимодействия субъектов образования, сложившуюся с периода начала реализации в России компетентностно ориентированных ФГОС. Новые реалии таковы:

- *обучающиеся и выпускники ОПОП.* Основным критерием оценки качества образования у этих категорий субъектов является соответствие проектируемых (для обучающихся) и реализованных (для выпускников) результатов образовательной деятельности. Преобразование «вариативной» части основной образовательной программы (ФГОС 3+) в часть, «формируемую участниками образовательных отношений» (ФГОС 3++), инкорпорирует представление о повышении уровня ответственности обучающихся за выбор индивидуальной траектории развития. С другой стороны, ФГОСы 3++ отчётливо отражают идею нацеленности на освоение конкретной обобщённой трудовой функции в соответствии с профстандартом: конкретизируется результат образования – критерии оценки его качества обучающимися и выпускниками программ;

- *для обучающихся* в связи с вступлением в силу ФГОС 3++ меняется предметная область самооценки профессиональной деятельности, направленной на конкретные результаты подготовки выпускников по профстандартам; меняется также и предметная область педагогической рефлексии в связи с уточнением требований к самим педагогам, сформулированным в профессиональных стандартах педагогов; в частности, очевидной становится необходимость поддержания и развития методической и дидактической культуры педагога высшей школы;

- *разработчики (руководители) ОПОП.* Основным критерием оценки качества образования здесь является, так же как и у предыдущей категории, соответствие ре-

зультатов образования спроектированным показателям достижений, однако, в отличие от преподавателей по отдельным дисциплинам / модулям / практикам ОПОП, разработчики (руководители), они же консолидаторы и концептологи ОПОП, оценивают результаты её реализации в контексте внешней оценки качества образования (аккредитационные процедуры, процедуры внешней независимой оценки качества образования), а также учёта ожиданий внешней среды: региона, работодателей, экспертов в профессиональной и академической сфере (СПК и ФУМО);

- *администрация вузов* оценивает качество реализуемых ОПОП на уровне соответствия общественным требованиям региона, показателям эффективности вузов, конкурентоспособности вуза, в том числе на международном уровне [9];

- *отраслевое (по сферам профессиональной деятельности) сообщество*, представленное отдельными работодателями, их отраслевыми объединениями, Советами по профессиональным квалификациям. Отметим, что Советы по профессиональным квалификациям участвуют в разработке и оценке (экспертизе на соответствие) примерных основных образовательных программ по направлениям подготовки. Очевидно, что расширение полномочий СПК имеет обратную сторону – повышение их ответственности за согласованные модели профессиональной подготовки;

- *академическое сообщество в сфере, связанной с направлением подготовки*, роль которого в контексте внедрения новых стандартов существенно меняется. Так, Федеральные учебно-методические объединения (ФУМО) формируют в примерных основных образовательных программах по ФГОС 3++ требования к реализации образовательных программ по направлениям

подготовки: обязательные профессиональные компетенции и рекомендуемые профессиональные компетенции, обязательные индикаторы достижения универсальных, общепрофессиональных и обязательных профессиональных компетенций; рекомендуемые типы практик. Очевидно, что разрабатываемые ФУМО требования и «эталонные образцы» ОПОП связаны с существенно более высоким уровнем ответственности за результаты их реализации в практике высшего профессионального образования.

Итак, процесс перехода на новые ФГОС трансформирует как систему субъектов проектирования, реализации и оценки качества ОПОП высшего образования, так и социокультурное значение трансформирующегося межсубъектного взаимодействия. Жёсткая ориентация на профессиональные стандарты требует от обучающихся большей ответственности при выборе своего направления и направленности подготовки, при построении индивидуальной образовательной траектории; ориентация на «входные» требования профессиональной сферы изменяет представления о выпускнике ОПОП, который переходит из объекта статистики трудоустройства в агента обратной связи с профессиональной средой; компетентностное образование нового поколения требует от педагога более ответственного отношения как к содержанию образовательной программы, так и к реализуемым им педагогическим технологиям; востребованы принципиально новые подходы к проектированию ОПОП, способные обеспечить качество профессиональной подготовки и конкурентоспособность ОПОП; растёт уровень ответственности за разработанные модели образования внешней для вуза профессиональной (СПК) и академической (ФУМО) среды. Таким образом, социокультурный аспект трансформации со-

вокупности субъектов образовательной деятельности в сфере высшего профессионального образования в контексте реализации сопряжённых с профессиональными стандартами ФГОС связан с процессом повышения уровня ответственности каждого субъекта образовательной деятельно-

сти за качество образования и, следовательно, с потенциальным повышением духовного уровня современного российского общества, так как именно осознание своей социальной ответственности является ведущим критерием духовной состоятельности личности.

Примечания

1. Андрианова А. С. Особенности обратной связи в процессе обучения в учреждении высшего образования МВД // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сборник научных трудов / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Могилев, 2014-. Выпуск 4 / [редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) и др.]. 2016. С. 238–242.
2. Демененко И. А., Шавырина И. В. Формирование стратегии партнёрства вузов и бизнес-сообществ: региональный аспект // Менеджмент в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 22–28.
3. Дохолян С. Б. Социальное партнёрство как инструмент повышения эффективности предоставления образовательных услуг вузом // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 5 (91). С. 56–63. DOI: <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2018-5-56-63>
4. Коняева Е. А. Социальное партнёрство как основа трудоустройства выпускников вузов и профессиональных образовательных организаций (региональный аспект) // Инновационные технологии в подготовке современных профессиональных кадров: опыт, проблемы : сборник научных трудов Девятой Международной научно-практической конференции (январь, 2018 года) / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Челябинский филиал. С. 93–97.
5. Ляпина И. Р., Строева О. А. Интеграция бизнеса, образования и науки на региональном уровне в целях реализации национальной технологической инициативы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2017. Том 19. № 3 (40). С. 31–38. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2017.3.3>
6. Подшивалов А. Ю. Перспективы развития партнерства вузов и работодателей // Ректор ВУЗа. 2018. № 1-2. С. 54–57.
7. Пустынникова Е. В. Разработка направлений стратегического партнёрства в системе высшего образования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2018. Том 12. № 3. С. 117–126.
8. Сахарчук Е. С. Проблемы формирования компетенции социального взаимодействия в профессиональном туристском образовании // Вестник современных исследований. 2018. № 12-8 (27). С. 355–358.
9. Сахарчук Е. С. Российское профессиональное образование в международном контексте: методологические аспекты исследования. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2018. № 4. С. 161–173.
10. Сахарчук Е. С., Абдулатипова Э. А., Чупанов А. Х. Методологические основы формирования системы профессионального туристского образования : монография. Москва : Русайнс, 2017. 136 с.
11. Умняшова И. Б., Малышева Е. Ю. Условия эффективного взаимодействия педагогов и обучающихся в процессе реализации проектно-исследовательской деятельности // Взаимодействие субъектов образовательных отношений: возможности и ограничения : сборник научных трудов / под ред. И. Б. Умняшовой, А. С. Гильяно. Москва : ФГБОУ ВО МГППУ; ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева ; ФПО России, 2018. С. 57–62.
12. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/>

13. Федудин А. А., Сахарчук Е. С., Лебедева О. Е. Организационные аспекты повышения квалификации специалистов в сфере туризма // Актуальные проблемы экономики. 2015. № 4 (166). С. 332–335.
14. Шерехова О. М. Становление межсубъектных отношений как предпосылка развития продуктивного взаимодействия между участниками образовательного процесса // Конструктивные педагогические заметки. 2018. № 6.2 (10). С. 25–43. URL: [http://kfngrjournal.ru/files/3/2/1/3218/6.2%20\(10\)-2018-Конструктивные%20педагогические%20заметки%20декабрь.pdf](http://kfngrjournal.ru/files/3/2/1/3218/6.2%20(10)-2018-Конструктивные%20педагогические%20заметки%20декабрь.pdf)

References

1. Andrianova A. S. Osobennosti obratnoy svyazi v protsesse obucheniya v uchrezhdenii vysshego obrazovaniya MVD [Features of feedback in the learning process in the higher education institution of the Ministry of Internal Affairs]. In: Shkaplerov Yu. P., ed. *Aktual'nye voprosy prava, obrazovaniya i psikhologii. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 4 [Topical issues of law, education and psychology. A collection of scientific papers. Issue 4]*. Mogilev, 2016. Pp. 238–242. (In Russian)
2. Demenenko I. A., Shavyrina I. V. Formation of the partnership strategy of Universities and business communities: a regional aspect. *Management in Russia and Abroad*. 2018, no. 2, pp. 22–28. (In Russian)
3. Dokholyan S. B. Social partnership as an instrument of increasing the effectiveness of providing educational services by a University. *Regional problems of transforming the economy*. 2018, no. 5 (91), pp. 56–63. DOI: <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2018-5-56-63> (In Russian)
4. Konyaeva E. A. Sotsial'noe partnerstvo kak osnova trudoustroystva vypusnikov vuzov i professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsiy (regional'nyy aspekt) [Social partnership as a basis for employment of university graduates and professional educational organizations (regional aspect)]. In: *Innovatsionnye tekhnologii v podgotovke sovremennykh professional'nykh kadrov: opyt, problemy. Sbornik nauchnykh trudov Devyatoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (yanvar', 2018 goda). [Innovative technologies in the preparation of modern professional staff: experience, problems: a collection of scientific papers of the Ninth International Scientific and Practical Conference (January, 2018)]*. Pp. 93–97. (In Russian)
5. Lyapina I. R., Stroeva O. A. Integration of business, education and science at the regional level for implementing the national technological initiative. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Ekonomika. Ekologiya [Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System]*. 2017, vol. 19, no. 3 (40), pp. 31–38. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2017.3.3> (In Russian)
6. Podshivaylov A. Yu. Perspektivy razvitiya partnerstva vuzov i rabotodateley [Prospects for the development of partnerships between universities and employers]. *Rektor VUZa [Head of the University]*. 2018, no. 1-2, pp. 54–57. (In Russian)
7. Pustynnikova E. V. Development of directions of strategic partnership in the system of higher education. *Bulletin of SUSU. Series "Economics and Management"*. 2018, vol. 12, no. 3, pp. 117–126. (In Russian)
8. Sakharchuk E. S. Problemy formirovaniya kompetentsii sotsial'nogo vzaimodeystviya v professional'nom turistskom obrazovanii [Problems of formation of the competence of social interaction in the professional tourist education]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy [Herald of Modern Research]*. 2018, no. 12-8 (27), pp. 355–358. (In Russian)
9. Sakharchuk E. S. Russian professional education in the international context: methodological problems of the research. *Bulletin MSRU. Serie 'Pedagogics'*. 2018, no. 4, pp. 161–173. (In Russian)
10. Sakharchuk E. S., Abdulatipova E. A., Chupanov A. Kh. *Metodologicheskie osnovy formirovaniya sistemy professional'nogo turistskogo obrazovaniya [Methodological basis for the formation of a system of professional tourism education]*. Moscow, Published by RuScience, 2017. 136 p. (In Russian)
11. Umnyashova I. B., Malysheva E. Y. Conditions for effective interaction between teachers and students in the implementation of project and research activities. In: Umnyashova I. B., Gilyano A. S., eds. *Vzaimodeystvie sub'yektov obrazovatel'nykh otnosheniy: vozmozhnosti i ogranicheniyaya Sbornik nauchnykh trudov [The interaction of subjects of educational relations: opportunities and limitations. A collection of scientific papers]*. Moscow, 2018. Pp. 57–62. (In Russian)

12. Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" [*Federal Law of December 29, 2012 No. 273-ФЗ "On Education in the Russian Federation"*]. Available at: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (In Russian)
13. Fedulin A. A., Sakharchuk E. S., Lebedeva O. E. Organizational aspects of professional skills improvement in tourism. *Actual problems of economics*. 2015, no. 4 (166), pp. 332–335. (In Russian)
14. Sherekhova O. M. Intersubjectivity development as a condition of productive interaction among participants of the educational process. *Konstruktivnye pedagogicheskie zametki [Constructive pedagogical notes]*. 2018, no. 6.2 (10), pp. 25–43. Available at: [http://kfnpgujournal.ru/files/3/2/1/3218/6.2%20\(10\)-2018-Конструктивные%20педагогические%20заметки%20декабрь.pdf](http://kfnpgujournal.ru/files/3/2/1/3218/6.2%20(10)-2018-Конструктивные%20педагогические%20заметки%20декабрь.pdf) (In Russian)

*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ ВОКАЛИСТОВ К ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КЛАССЕ СОЛЬНОГО НАРОДНОГО ПЕНИЯ

УДК 378.978

Л. С. Майковская, О. С. Славина

Московский государственный институт культуры

Формирование профессиональной готовности вокалистов к исполнительской деятельности в классе сольного народного пения – сложный системный процесс, состоящий из взаимосвязанных элементов и подсистем теоретической и практической направленности. При этом данный процесс напрямую связан со спецификой исполнительства народной песни, которая обладает особой ритмической организацией, часто содержит диалектную лексику, при исполнении может сопровождаться народными танцами, имеет собственные средства выражения экспрессии, допускает разные уровни импровизации в зависимости от цели исполнения. Авторские песни в народном стиле – особая категория песен, созданных и стилизованных профессиональными композиторами и поэтами в строгом соответствии с закономерностями народных песен, воссоздающих фольклорный колорит и обеспечивающих преемственность этнокультурных (музыкальных и лингвистических) традиций. Теоретико-методическая модель формирования профессиональной готовности вокалистов к исполнительской деятельности в классе сольного народного пения состоит из четырёх блоков (концептуально-целевого, теоретико-практического, организационно-технологического, оценочно-рефлексивного), включает следующие взаимосвязанные между собой компоненты: цель, задачи, принципы, методы и содержание обучения, этапы, педагогические условия, диагностический инструментарий.

Ключевые слова: модель, профессиональная готовность, исполнительская деятельность вокалиста, авторская песня в народном стиле, сольное народное пение.

¹МАЙКОВСКАЯ ЛАРИСА СТАНИСЛАВОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой музыкального образования факультета музыкального искусства Московского государственного института культуры, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

MAYKOVSKAYA LARISA STANISLAVOVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Music Education, the Faculty of Music Art, the Moscow State Institute of Culture, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation

²СЛАВИНА ОЛЕСЯ СЕРГЕЕВНА – преподаватель кафедры сольного народного пения факультета музыкального искусства Московского государственного института культуры

SLAVINA OLESYA SERGEEVNA – teacher of the Department of Solo Folk Singing, the Faculty of Music Art, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: maykovskaya@gmail.com¹, lesnova-olesya@mail.ru²

© Майковская Л. С., Славина О. С., 2019

L. S. Maykovskaya, O. S. Slavina

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkul'tury),
Bibliotekhnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THEORETICAL-METHODICAL MODEL OF FORMATION OF PROFESSIONAL READINESS OF SINGERS TO PERFORMING ACTIVITY IN THE CLASS OF SOLO FOLK SINGING

Formation of vocalists' professional readiness for performing activities in the class of solo folk singing is a complex system process consisting of interrelated elements and subsystems of theoretical and practical orientation. At the same time, this process is directly related to the specifics of folk song performance, which has a special rhythmic organization, often contains dialect vocabulary, can be accompanied by folk dances, has its own means of expression, allows different levels of improvisation depending on the purpose of performance. Author's songs in folk style – a special category of songs created and stylized by professional composers and poets in strict accordance with the laws of folk songs, recreating folk flavor and ensuring the continuity of ethno-cultural (musical and linguistic) traditions. The theoretical and methodological model of formation of vocalists' professional readiness for performing activities in the class of solo folk singing consists of four blocks (conceptual-target, theoretical-practical, organizational-technological, evaluative-reflexive) and includes the following interrelated components: purpose, objectives, principles, methods and content of training, stages, pedagogical conditions, diagnostic tools.

Keywords: model, professional commitment, and performance activities of singer, original songs in a folk style, solo folk singing.

Для цитирования: Майковская Л. С., Славина О. С. Теоретико-методическая модель формирования профессиональной готовности вокалистов к исполнительской деятельности в классе сольного народного пения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 173–178.

Одним из приоритетных направлений в сфере современного музыкального искусства и образования является сохранение, популяризация и преумножение народных певческих традиций. В рамках данного направления, наравне с работой по дешифровке и распространению аутентичного музыкального фольклора, специалисты выделяют особую категорию народных песен, максимально близких по своим музыкальным и текстологическим характеристикам к первоначальному виду народной песни, однако имеющих авторство и ведущих свою историю не из глубины веков, а с прошлого столетия [1; 4].

Имеется в виду накопленный в отечественной культуре целый пласт песен, стилизованных в строгом соответствии с закономерностями народной песни как са-

модостаточного специфического жанра, воссоздающих фольклорный колорит и обеспечивающих преемственность этнокультурных (музыкальных и лингвистических) традиций, однако созданных профессиональными композиторами и поэтами. Так, например, творчество А. П. Аверкина и многих других российских композиторов-песенников широко популярно в российском обществе.

Несмотря на то, что исполнители, работающие в данном интегрированном жанре, пользуются большой популярностью у слушателей концертов и фестивалей народной песни, творчество отечественных композиторов, писавших в народной песенной традиции, составляет отдельный пласт в системе вокального искусства, требующий

глубокого изучения для понимания и воспроизведения вокалистом соответствующей исполнительской манеры и поведения на сцене, до сих пор отсутствуют специальные исследования, посвящённые подготовке вокалистов к исполнительской деятельности в классе сольного народного пения, а также конкретные методические рекомендации, учебные материалы и технологический инструментарий для педагогов-вокалистов, работающих с исполнителями авторских песен, написанных в народном стиле.

Формирование профессиональной готовности вокалистов к исполнительской деятельности в классе сольного народного пения – сложный системный процесс, состоящий из взаимосвязанных элементов и подсистем теоретической и практической направленности. При этом данный процесс напрямую связан со спецификой исполнительства народной песни, которая обладает особой ритмической организацией, часто содержит диалектную лексику, при исполнении может сопровождаться народными танцами, имеет собственные средства выражения экспрессии, допускает разные уровни импровизации в зависимости от цели исполнения [см.: 2; 3; 5; 6; 7].

Недостаточная разработанность проблемы, её несомненная актуальность явились основанием для создания теоретико-методической модели формирования профессиональной готовности вокалистов к исполнительской деятельности в классе сольного народного пения. Теоретико-методическая модель состоит из четырёх блоков: *концептуально-целевого, теоретико-практического, организационно-технологического и оценочно-рефлексивного.*

Концептуально-целевой блок включает: цель, задачи, объект, субъект и принципы обучения будущих вокалистов – исполнителей авторской песни в народном стиле.

Цель – формирование профессиональной готовности вокалистов к исполнительской деятельности в классе сольного народного пения.

Данная цель диверсифицируется в процессе решения следующих *задач*:

1. Формирование мотивационно-ценностного отношения студентов к исполнению авторской песни в народном стиле и потребности в её изучении.

2. Формирование теоретических знаний и представлений о народной музыке и её особенностях, жанрах авторской песни в народном стиле; о сущности и структуре исполнительской деятельности и т.д.

3. Формирование умений анализа и интерпретации музыкального языка народной песни.

4. Формирование качеств личности, необходимых для успешной профессиональной деятельности в этой области.

5. Формирование специальных качеств для освоения исполнительских традиций народного певческого искусства.

6. Формирование рефлексии, позволяющей оценивать уровень успешности собственного исполнения авторской песни в народном стиле.

Объект – педагогический процесс вуза, осуществляющий профессиональную подготовку студентов по направлению 53.03.04 – «Искусство народного пения», профилю «Сольное народное пение». Данный объект является трансформируемой педагогической системой, которая совершенствуется в процессе реализации поставленных задач.

Субъекты – будущие исполнители авторской народной песни; профессорско-преподавательский состав образовательной организации, осуществляющей подготовку данных специалистов.

Учитывая специфику исполнения авторской песни в народном стиле, предла-

гаются следующие *принципы*, входящие в концептуально-целевой блок теоретико-методической модели.

Культурологический принцип предполагает накопление учащимся информации не только об особенностях народной музыки, но и о других элементах народной культуры в их взаимодействии с музыкальной традицией. Так как народная песня тесно связана с определённым культурным контекстом, её понимание и интерпретация невозможны без знания этого контекста.

Принцип поликультурности рассматривается как внутреннее признание уникальности национальных культур при наличии единых общечеловеческих культурных ценностей. Предполагает воспитание личности в процессе освоения культурного наследия на основе толерантности и взаимодействия различных этнических традиций через сравнение с русской народной традицией, нахождение в них общего и особенного.

Принцип целостной подготовки к исполнительской деятельности означает освоение студентами всех компонентов, входящих в её структуру. В частности, работа над вокальной техникой должна быть связана с формированием индивидуальной манеры исполнения, освоением актёрского мастерства, культуры движения на сцене и т.д. Задачи реализуются комплексно, рациональные и эмоциональные компоненты тесно взаимодействуют.

Принцип диалогичности предполагает самореализацию обучающегося в процессе коммуникации с народной культурой, а также диалог преподавателя и студента в процессе обмена ценностями – культурными, моральными, интеллектуальными, эмоциональными, экспрессивными и другими.

Теоретико-практический блок отвечает за формирование у будущего исполнителя авторской песни в народном стиле тео-

ретических знаний, практических умений и навыков.

Теоретический аспект подготовки включает знания о народной музыке и её специфике (особенности лексики, в том числе диалектной, состав жанров, обряды, характерные для каждой отдельной территории (региона), манера исполнения, многоголосие и его склад, состав народных инструментов и т.д.); о жанрах авторской песни в народном стиле; о сущности и структуре исполнительской деятельности вокалиста и пр.).

Практический аспект подготовки направлен на развитие вокальной техники, в том числе артикуляции и певческого дыхания; формирование индивидуальной манеры исполнения; освоение сценических движений; развитие актёрских способностей; формирование навыков анализа и интерпретации вокальных сочинений.

Организационно-технологический блок модели включает в себя *этапы, методы и педагогические условия* формирования профессиональной готовности вокалистов к исполнительской деятельности в классе сольного народного пения.

Этап 1 – диагностический. На этом этапе диагностируются реальные возможности студента, текущий уровень развития его музыкальных способностей и сценических данных, готовность к исполнительской деятельности.

Этап 2 – аналитический. На данном этапе осуществляется подбор произведения для разучивания и его сценической реализации. Анализируется жанр, текст, идея, выразительные особенности мелодии и т.д.

Этап 3 – операциональный. Предполагает вокальную и сценическую работу над художественным образом песни.

Этап 4 – исполнительский. Включает художественную интерпретацию произве-

дения, разработку деталей индивидуальной трактовки и реализации (вокальных, художественных, психологических), непосредственную подготовку к концерту и выступление на концерте (классном, факультетском, институтском и пр.). Данный этап включает и технические аспекты, такие как работа со звуковой аппаратурой.

Среди *методов* формирования профессиональной готовности вокалиста к исполнительской деятельности в классе сольного народного пения выделяются такие, как:

- метод психологической настройки на успешные действия вокалиста, способствующий развитию мотивации и актёрских способностей исполнителя;
- метод мысленного пропевания произведения, в том числе в условиях воображаемой концертной ситуации;
- метод театрализации, целью которого является использование элементов сценической игры (анализ вокального произведения как драматического, выявление его сверхзадачи и разыгрывание песни как мини-спектакля);
- метод моделирования ситуации концерта в учебном процессе;
- метод ролевой игры (студент воображает себя каким-либо известным исполнителем, копирует его поведение, что способствует преодолению страха сцены и других психологических препятствий, а также усвоению ряда полезных сценических и вокальных приёмов);
- метод выявления сходства и различия (сравнение разных исполнительских трактовок, выявление общего и особенного в народной и классической традициях вокального исполнения);
- метод идентификации (распознавание и отождествление явлений и процессов, например, распознавание региональных особенностей звучащей песни);

- метод перекодирования информации (использование иной семиотической системы для выражения образного содержания музыки, например, на занятиях можно планировать воссоздание содержания народной песни языком танца, обсуждать, как аналогичное содержание можно передать в других музыкальных стилях).

Педагогическими условиями, необходимыми для эффективного функционирования теоретико-методической модели, являются: включение широкого культурологического контекста в учебный материал, адаптация учебных сведений к индивидуальным особенностям учащихся; мотивация учащихся к широкому использованию самостоятельных форм работы.

Оценочно-рефлексивный блок модели направлен на оценку показателей профессиональной готовности вокалистов к исполнительской деятельности в классе сольного народного пения.

Он включает:

1. Оценка мотивации студента (на базе психологических тестов мотивации и экспертной оценки).
2. Оценка уровня развития вокально-исполнительских умений (звукообразование, дыхание, дикция и т.д.).
3. Оценка точности интерпретации произведения, понимания его жанровых, стилевых и иных особенностей, адекватности их отражения на сцене.
4. Оценка уровня креативности (степень оригинальности художественного образа, интерпретации произведения и сценического поведения).
5. Оценка рефлексии (способности к самоанализу, адекватной оценке собственного творчества и его коррекции).
6. Оценка музыкального вкуса (способности исполнителя к эстетической оценке исполняемого произведения).

Таким образом, предложенная теоретико-методическая модель формирования профессиональной готовности вокалиста к исполнительской деятельности в классе сольного народного пения носит комплексный характер, в то же время это целостная система конкретно реализуемых элементов, находящихся в структурно-содержа-

тельной взаимосвязи, относительно каждого из которых возможна его дальнейшая декомпозиция.

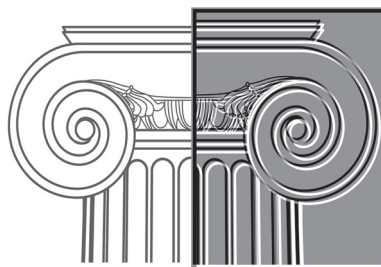
В ключевых моментах модель может быть реализована алгоритмически, допуская инкорпорацию дополнительных педагогических технологий как традиционного, так и инновационного характера.

Примечания

1. *Мякишева Н. М.* Освоение авторской музыки в процессе обучения народного певца // Вопросы певческого искусства : сборник статей. Вып. 1. / под общей редакцией профессора Л. В. Шаминой. Москва, 2003. С. 58–60.
2. *Пашина О. А.* Календарно-песенный цикл у восточных славян : монография. Санкт-Петербург : Композитор, 2006. 279 с.
3. *Пивницкая О. В.* Основные подходы к обучению народному пению в отечественной педагогике // Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». 2015. № 1 (9). С. 123–132.
4. *Смирнова Н. И.* Русская народная песня на эстраде. Москва : Знание, 1985. 48 с.
5. *Топчий А. В.* Специфика наддиалектного общерусского народного пения // Межкультурное взаимодействие в современном музыкально-образовательном пространстве. 2018. № 15. С. 156–162.
6. *Шамина Л. В.* Основы народно-певческой педагогики : учебное пособие / Российская академия музыки имени Гнесиных. Москва : Графика, 2010. 202 с.
7. *Щуров В. М.* Стилевые основы русской народной музыки. Москва : Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, 1998. 464 с.

References

1. Myakisheva N. M. Osvoenie avtorskoy muzyki v protsesse obucheniya narodnogo pevtsa [Familiarization the author's music in the process of learning the national singer]. In: Shamina L. V. , ed. *Voprosy pevcheskogo iskusstva. Vypusk 1 [A questions of singing art. Issue 1]*. Moscow, 2003. Pp. 58–60. (In Russian)
2. Pashina O. A. *Kalendarно-pesennyi tsikl u vostochnykh slavyan [Calendar-song cycle of the Eastern Slavs]*. St. Petersburg, Compozitor Publishing House • Saint-Petersburg, 2006. 279 p. (In Russian)
3. Pivnitskaya O. V. The main approaches to training folk singing in Russian pedagogy. *Bulletin of the UNESCO Chair "Musical Art and Education"*. 2015, no. 1 (9), pp. 123–132. (In Russian)
4. Smirnova N. I. *Russkaya narodnaya pesnya na estrade [Russian folk song on stage]*. Moscow, Publishing house "Znanie", 1985. 48 p. (In Russian)
5. Topchy A. V. Spetsifika naddialektnogo obshcherusskogo narodnogo peniya [The specifics of the over-dialect all-Russian folk singing]. *Mezhkul'turnoe vzaimodeystvie v sovremennom muzykal'no-obrazovatel'nom prostranstve [Intercultural interaction in the modern music and educational space]*. 2018, no. 15, pp. 156–162. (In Russian)
6. Shamina L. V. *Osnovy narodno-pevcheskoy pedagogiki [Fundamentals of folk singing pedagogy]*. Moscow, Publishing house "Grafika", 2010. 202 p. (In Russian)
7. Shchurov V. M. *Stilevye osnovy russkoy narodnoy muzyki [Style foundations of Russian folk music]*. Moscow, Publishing house of the Tchaikovsky Moscow State Conservatory, 1998. 464 p. (In Russian)

БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

БИБЛИОТЕЧНАЯ СФЕРА СССР В 1953–1964 годы

УДК 021 «1953/1964»

М. Н. Глазков

Московский государственный институт культуры

В статье исследуются вопросы истории библиотечной деятельности в годы правления Н. С. Хрущёва. Проанализированы основные статистические показатели развития библиотек. Отмечены кризисные явления, замедление темпов роста библиотечной сети, снижение некоторых важнейших показателей советской библиотечной статистики. Показана связь непродуманных политических решений и ухудшения ситуации в библиотечной сфере. Рассмотрены новые идеологические постулаты и их влияние на работу библиотек. Отмечена противоречивость проблемы цензуры библиотечных фондов после XX съезда КПСС, её усиление применительно к религиозной литературе и т.п. Показаны причины кризиса идеологической деятельности советских библиотек. Подведены аналитические итоги периода 1953–1964 годов библиотечной истории.

Ключевые слова: история библиотечного дела, государственная библиотечная политика в 1953–1964 годы.

M. N. Glazkov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

LIBRARY AREA IN USSR 1953–1964th

In article investigated the questions of library activity history in years of N. S. Hrushiov government. It analyzed the main statistic indicators of library development. We marked crisis phenomena, the important soviet library statistic indicators decline. We show interconnection of ill-considered political decisions and library area situation. It described the new ideological postulates and library work. We marked inconsistency of the censorship library funds problem after XX Communist party Congress, censorship gain against religious literature and so on. It shows ideological activity soviet libraries causes of crisis. We summed up of the period library history 1953–1964th years.

Keywords: history of librarianship, state library politics in 1953–1964th.

Для цитирования: Глазков М. Н. Библиотечная сфера СССР в 1953–1964 годы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 180–188.

ГЛАЗКОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ -- доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры библиотековедения и книговедения факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, академик Международной академии информатизации

GLAZKOV MIKHAIL NIKOLAEVICH -- Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Department of Library Science and Book Science, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Academician of the International Academy of Informatization

e-mail: mguci@mail.ru
© Глазков М. Н., 2019

До сих пор в историко-библиотечной науке период 1953–1964-х годов – время государственной власти Н. С. Хрущёва – изучен крайне мало. По-видимому, это объясняется относительно малым количеством прошедшего времени. Ведь для многих наших современников 1950–1960-е годы – это не история, а недавнее настоящее. Поэтому наука о минувшем просто ещё не подошла к глубокому осмыслению тех лет.

Пожалуй, важнейшим пунктом, который характеризовал состояние библиотечного дела в стране в советское время, являлись основные статистические показатели отрасли. Их анализ действительно способен навести на глубокие размышления.

Мы подробно рассмотрели библиотечную статистику предшествовавшего периода 1945–1952-х годов [см.: 6] и пришли к выводу о невероятно быстром восстановлении сети библиотек СССР и РСФСР после чрезвычайных разрушений военного лихолетья. Отметим также очень высокие темпы роста основных показателей библиотечной статистики. Если бы они сохранились в хрущёвское время, можно было бы говорить о решении наиболее насущных проблем отрасли. Однако этого не произошло. Мало того, в «славное десятилетие» проблемы усугубились.

Мы изучили крупный массив статистических источников. Не все показатели в них адекватно прослеживаются, не всю статистическую информацию можно корректно сопоставить, данные за некоторые годы вообще отсутствуют. Тем не менее общие тенденции достаточно очевидны.

Сначала сравним имеющиеся данные по всем библиотекам Советского Союза. На 1951 год (последний «сталинский» год, по которому опубликована сводная библиотечная статистика) в СССР имелась 351 тыс. библиотек всех типов и видов с суммарным

фондом в 714 млн. экз. [10, с. 292]. На конец 1964 года, то есть на момент смещения Н. С. Хрущёва с поста главы государства, эти показатели равнялись соответственно 367,8 тыс. и 2 330,6 млн. экз. [17, с. 447]. Общий рост советской библиотечной сети и фондов литературы продолжал увеличиваться, хотя значительно менее быстрыми темпами, чем в 1945-м – начале 1950-х годов¹.

Могут возразить, что восстанавливать разрушенные библиотеки после войны в обжитых районах было как бы «проще», чем создавать новые библиотеки на «пустом» месте. Но в послевоенные годы восстанавливались не только библиотеки, а буквально вся страна. Расходы на это тотальное восстановление были огромными. Тем не менее высшие власти тогда изыскивали необходимые ресурсы. И на рубеже 1940–1950-х годов СССР в целом был удивительно быстро возрождён из руин.

Перед хрущёвским правительством такие острые задачи уже не стояли. Казалось бы, вполне реально стало найти средства на библиотечное строительство. К тому же начавшаяся целинная эпопея в первые годы приносила сверхприбыль в госбюджет. Так, за 1954–1959 годы в освоение целинных и залежных земель государство вложило 37,4 млрд. руб., а за счёт полученного из этих регионов товарного зер-

¹ Известно, что на 1941 год в СССР было всего около 280 тыс. библиотек с фондом более 520 млн. экз. По разным, до сих пор не выверенным оценкам за годы Великой Отечественной войны мы потеряли 40–50–55% имевшихся библиотек. Потери совокупного фонда составили 180–250 млн. экз. Даже если учесть, что в 1941–1945 годы некоторое (сравнительно очень небольшое) число библиотек было создано, оно увеличилось в 1945–1951 годы (за 6 лет) по Советскому Союзу более, чем в 2 раза. Между тем за следующие 13 лет прогресс измерялся цифрой лишь в 4,7% [см.: 6; 1, с. 257].

на в бюджет поступило около 62 млрд. руб., то есть на 24,6 млрд. больше! [18, с. 309].

Но искомым денег библиотеки не дождались.

Ещё более показательна в связи с этим библиотечная статистика по РСФСР. На 1953 год в Российской Федерации имелось всего 217,5 тыс. различных библиотек с общим фондом 590,5 млн. экз. [14, с. 517]. А в 1964 году в России число библиотек всех типов и видов не увеличилось, а напротив, сократилось до 205,4 тыс. при продолжавшемся сниженными темпами росте их фондов (1221,9 млн. экз.) [15, с. 501].

Отметим, что сеть общедоступных массовых библиотек в РСФСР также уменьшилась. Если в 1953 году в неё входило на начало года 68,1 тыс. [14, с. 517], а на конец того же года – 71,0 тыс. библиотек [19, с. 151], то в 1964 году этот показатель составил 64,0 тыс. [19, с. 151] или, по другим источникам, 62,8 тыс. библиотек [15, с. 501].

Остановимся на этом сокращении. Начиная с середины 1920-х годов в Советской России (исключая время Великой Отечественной войны) общее число библиотек, как и сеть библиотек массовых, неизменно выросло. Да, во многом рост достигался за счёт создания небольших библиотек, особенно на селе. И некоторые библиотековеды (в частности, профессор К. И. Абрамов) усматривали в этом признак экстенсивного, в ущерб интенсивному, развития.

Однако в тех конкретно-исторических обстоятельствах (о чём мы подробно писали [см.: 5, с. 210–212]) экстенсивное библиотечное строительство было неизбежно и необходимо для огромной страны, только вступившей на путь стопроцентного ликбеза, всеобщего среднего образования, создания массовой интеллигенции из народа. Совершенно логично, что вначале надо было построить «экстенсивный фундамент»

для последующей интенсификации библиотечной работы. Этим и занимались власти. Причём весьма успешно, если вспомнить о подъёме народной культуры и образования, выдающейся индустриализации страны, невозможной без роста квалификации и сознательности трудящихся, достойного военно-патриотического воспитания и т.д. Правильность данной политики проверила и подтвердила величайшая из войн.

Но завершился ли объективно необходимый экстенсивный этап в гигантских масштабах Советской России ко второй половине 1950-х – началу 1960-х годов?

Обратимся к одному из центральных библиотечных документов тех лет: постановлению ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране» (22 сентября 1959 года). Перечисляя основные недостатки отрасли, постановление заключает, что ныне «... значительная часть населения остаётся вне библиотечного обслуживания, не получает необходимой помощи в самостоятельной работе над книгой» [3, с. 1]. Директива правящей партии требовала всё-таки «решить задачу обслуживания библиотеками каждого населённого пункта, каждой семьи» [3, с. 3], что без экстенсивных мер не представлялось возможным.

Правда, в том же документе указывалось, что партийным структурам совместно с профсоюзами и хозяйственными организациями надо «... рассмотреть вопрос об объединении мелких библиотек различных ведомств, находящихся на небольшом расстоянии друг от друга, а также библиотек, расположенных на территории одного предприятия или учреждения» [3, с. 3]. Но эта разумная формулировка отнюдь не противоречит вышеназванным оценкам о недостаточности библиотечной сети для охвата всего населения страны.

Подобная же задача была определена как одна из важнейших на высшем советском форуме – XXI съезде КПСС (январь – февраль 1959 года). В его резолюциях намечалось не сокращать, а значительно увеличить в 1959–1965-х годах общее число массовых библиотек [1, с. 341].

Почему же в реальной жизни ситуация оказалась совсем иной? По-видимому, данный вопрос носит системный характер, и, чтобы вполне осветить его, потребуются самостоятельные политологические и экономические исследования. В этой статье обратим внимание на один существенный общегосударственный фактор. С конца 1950-х годов целинная эпопея не только перестала приносить сверхдоходы, но пошёл экономический откат.

Фактически целина явилась плохо продуманной революционной штурмовой кампанией. Между тем «революционный натиск» на природу не может не иметь негативных последствий. Приехавшие в степи по призыву партии люди, среди которых было много замечательных энтузиастов, содрали по принципу «давай гони, потом разберёмся» с целинной земли защитный дёрн. Природа ответила земляными бурями и чёрным небом. Пошли неурожаи. Энтузиазм людей понемногу снижал, они покидали ставшие крайне негостеприимными целинные степи. Если в 1960 году здесь было получено 58,7 млн. тонн зерна, то в 1963 году – всего 37,9 млн. тонн, более чем на треть меньше [11, с. 363]. Теперь уже потребовались большие государственные средства на минимизацию потерь от вызванной руками человека разрушительной стихии. Возможно, часть этих «запланированных» денег и не получило российское библиотечное дело¹.

¹ Надо учесть, что ещё в 1960 году мы продавали зерно социалистическим и, частично, капита-

Впервые за тридцать с лишним лет в Советской России начали ликвидировать библиотеки. Впрочем, официально сокращение сети библиотек объяснялось «объединением самостоятельных библиотек Министерства культуры с библиотеками при клубных учреждениях, а также в связи с объединением некоторых государственных библиотек с колхозными» [13, с. 503].

В рассматриваемые годы были запущены крайне опасные процессы, безусловно затронувшие библиотечное дело. Фактически произошёл вывод материальных ресурсов из центральной и северной «коренной» России в районы освоения целины, прежде всего в Казахстан. На долгие годы российская сельская глубинка оказалась обделена. При этом хрущёвское руководство допустило выпадение из народно-хозяйственного оборота традиционных земель: если на целине было освоено 45 млн. га, то в европейской части страны более 13 млн. га в 1954–1959 годах было потеряно [18, с. 312].

Судя по библиотечной статистике, зеркальной оказалась ситуация и с библиотеками центра и севера сельской РСФСР. На начало 1953-го года в российской сельской провинции насчитывалось 55,3 тыс. массовых библиотек [14, с. 517], а в год снятия «дорогого Никиты Сергеевича» (1964) – 44,0 тыс. [15, с. 501]. И это при лозунговых «ударных» финансовых вложениях в нужды села!

Важно сказать ещё об одном геополитическом обстоятельстве. 2 апреля 1951 года Политбюро ЦК ВКП(б) в закрытом письме партийным комитетам на местах «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением колхозов» раскритиковало

листоческим странам в объёме 7–9 млн. тонн ежегодно. А с 1963–1964 годов СССР сам стал покупать до 12 млн. тонн, причём закупки хлеба постоянно возрастали [2].

идеи Н. С. Хрущёва, высказанные в статье в газете «Правда» от 4 марта того же года, об объединении множества малых деревень в некие единые конгломераты – агрогорода. Никита Сергеевич незамедлительно написал покаянное письмо И. В. Сталину, признав ошибочность своей позиции [18, с. 320]. Однако в 1958 году новый Президиум ЦК КПСС отменил упомянутое письмо Политбюро. Стала осуществляться политика деления сельских населённых пунктов на «перспективные» и «неперспективные». Такая сортировка проводилась по всей стране, проектные организации составили планы по каждому сельскому району. Из «неперспективных» сел начали убирать объекты социальной инфраструктуры: магазины, школы, медицинские и детские учреждения, библиотеки. На севере, северо-западе, да и в центре России нередко «объединялись» 20–30–40 деревень в один колхоз или совхоз [18, с. 320]. Был спровоцирован уход из малых сёл населения, прежде всего молодёжи. Закономерно наступило запустение земель, депопуляция отечественной деревни. Библиотеки из «неперспективных» районов были «слиты», укрупнены, то есть преимущественно ликвидированы. Назвать это прогрессивной мерой, направленной на интенсификацию библиотечной сферы, для нас не представляется возможным.

В целом анализ основных показателей библиотечной статистики даёт основания для негативных выводов. По-видимому, можно говорить о недооценке и глубоком непонимании хрущёвской властной элитой сущности и значения библиотечного дела для благосостояния страны и народа.

После материальных вопросов следует обратиться к идеологической стороне бытования отечественных библиотек в 1953–1964 годы. Библиотеки, как важные идеологические учреждения, не могли не вклю-

читься в новые процессы, развернувшиеся в СССР. Пожалуй, центральным из них стала «борьба с культом личности», объявленная в известной речи Н. С. Хрущёва в феврале 1956 года.

Мы не ставим целью провести общеполитический анализ политики «десталинизации». Что касается её влияния на библиотечное дело, можно сказать следующее. Несомненно, предшествующая эпоха имела свои болезненные язвы. Отвратительным явлением были незаконные репрессии по политико-идеологическим мотивам, в том числе в среде библиотечных кадров. Заметим, что до сих пор в библиотековедении, к сожалению, нет документальных исследований об общем количестве работников библиотечной сферы, осуждённых в 1917–1953-х годах, с исследованием степени ложности предъявляемых обвинений. Появились только первые крупные аналитические публикации о драматичных судьбах видных в отечественном библиотечном мире персоналий [см.: 7; 4] Но как бы то ни было, а отказ хрущёвских властей от широкого уголовного преследования инакомыслящих стал благом для страны.

Однако в развернувшейся борьбе с перегибами культа личности сплошь и рядом имелись свои перегибы. Так, после 1956 года были реабилитированы известные персоналии, незаконно репрессированные в 1920-х – начале 1950-х годов, что привело к отмене цензурных запретов на их сочинения. Они возвратились из спецхранов библиотек в общедоступный фонд, вновь начали издаваться, ими свободно комплектовались библиотеки и т.д.

Но одновременно с этим из библиотек стали изыматься или переводиться в закрытые фонды печатные труды других ярких государственных и партийных деятелей, в частности В. М. Молотова и Л. М. Кагано-

вича, оказавшихся в политической опале уже у Н. С. Хрущёва. На деле получалось, что цензура была просто переведена с одной властной группировки на другую!

Могут заметить, что цензура в библиотечной сфере всё же была в целом заметно смягчена по сравнению со сталинским периодом. Однако чистки библиотечных фондов в годы «оттепели» – тоже «белое пятно» нашей истории. И чтобы сделать окончательные выводы о смягчении библиотечной цензуры в 1953–1964-х годах, надо глубоко изучить проблему.

В связи с этим позволим себе напомнить читателям, что до исследований автора статьи [см.: 9; 8] общим местом в рассуждениях даже специалистов-историков библиотечного дела был тезис о резком усилении цензуры в 1930-е годы. Однако, судя по архивным и иным документам, до убийства члена Политбюро ЦК ВКП(б), руководителя Северной столицы С. М. Кирова (декабрь 1934 года) чистки библиотечных фондов некоторое время были вообще официально запрещены приказами народного комиссара просвещения. И хотя в «ежовщину» цензура опять «разгулялась», нельзя не отметить её специфики. С середины 1930-х годов она была направлена прежде всего (и более всего) на сочинения прямой политической оппозиции (Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин и их соратники). В то время как классическая философская, художественная и т.п. литература фактически вышла из-под цензурного гнёта. Даже резкая критика революционного движения в произведениях Ф. М. Достоевского, Н. М. Лескова и других не явилась основанием для их запрещения.

Поэтому, предположительно говоря об общем смягчении цензуры в «славное десятилетие», будем помнить, например, что чистки некоторых разделов библио-

точных фондов даже ужесточились. Речь идёт о книгах и периодике, где так или иначе присутствовали религиозные мотивы. При активном участии Н. С. Хрущёва в государственной идеологии был реанимирован воинствующий атеизм, а целью государственной политики стало «искоренение попов и храмов». Любой иной подход к религии в «славное десятилетие» оказался под официальным запретом. В конце 1980-х годов старые библиотечные работники рассказывали мне о грузовиках, переполненных изъятой «неудобной» библиотечной литературой, отправлявшихся на пункты переработки макулатуры. И происходило это после знаменитого XX съезда, «съезда демократизации».

Очень важно заметить, что советское массовое библиотечное обслуживание оказалось не готово и не способно воспринять идеологические реформы, начатые Н. С. Хрущёвым и его ближайшим окружением. Ведь фактически они вели к отрицанию предшествующей исторической эпохи. Конечно, в прежней идеологической системе были свои изъяны, квазиидеи, демагогия и т.п. Но идеология 1940-х – начала 1950-х годов доказала свою удивительную прочность и эффективность в годы Великой Отечественной войны, а также в скорейшем послевоенном возрождении.

Вместо неё Никита Сергеевич и его команда попытались предложить нечто не всегда вразумительное и последовательное. Даже изначально привлекательный лозунг реабилитации пострадавших от незаконных репрессий лиц проводился односторонне и предвзято. Сейчас хорошо известно по документам, что Н. С. Хрущёв был одним из самых ярких инициаторов массовых репрессий в период своего руководства московской партийной организацией и ЦК Компартии Украины в 1930-е

годы, да и в послевоенной его биографии есть немало «тёмных» пятен весьма кровавого свойства [см.: 20, с. 120–122]. В этом контексте идеологическая и юридическая борьба с «незаконными сталинскими репрессиями», широко развёрнутая после хрущёвского XX съезда КПСС (февраль 1956 года), не могла быть до конца понятной и принятой народом.

Относительная идейная монолитность и стабильность советского общества оказались поколеблены. У простых людей – рядовых читателей библиотек, естественно, возникало много новых мыслей и вопросов, требующих решения. Но на эти новые интеллектуально-духовные искания людей библиотеки, как государственные идеологические учреждения, не могли должным образом ответить в рамках заявленной тогда официальной государственной политики.

Отсюда стали нарастать критические противоречия в системе «библиотека – читатель». Массы советских людей, не находя в библиотеках печатного слова, аргументированно, глубоко и честно отвечавшего их запросам и ожиданиям, теряли доверие и неформальный интерес к библиотекам. Советский народ продолжал заслуженно считаться самым читающим в мире, советская молодёжь, как и раньше, жадно училась и тянулась к книге, общее число читателей библиотек в стране росло, но фатальное противоречие между идейными запросами и ответами на них углублялось. Терялась почти неуловимая статистикой, но чрезвычайно важная доверительно-творческая компонента в библиотечном обслуживании советских читателей. Был посеян не просто идеологический, но духовный кризис в сознании народа.

В заключение следует обязательно подчеркнуть, что советский период 1953–1964-х

лет имел свои великие достижения. В июне 1954 года состоялся пуск первой в мире атомной электростанции. В октябре 1957 года – запуск первого космического спутника и спуск на воду первого атомного ледокола. В октябре 1959 года впервые произошло прилунение межпланетной станции. Наконец, в апреле 1961 года состоялось одно из величайших событий в истории человечества – полёт первого человека в космос!

Советское библиотечное дело тоже успешно развивалось в ряде направлений. Продолжал увеличиваться сводный библиотечный фонд. По всем библиотекам СССР с 1951 по 1964 год он вырос в 3,3 раза [10, с. 292; 17, с. 447], а по РСФСР – в 2,1 раза [14, с. 517; 15, с. 501].

Наша держава, бесспорно, оставалась самой читающей в мире. Статистика тех лет не приводит всех сводных цифр по числу читателей, однако мы обнаружили сопоставимые показатели по одной из крупнейших библиотечных сетей – самостоятельным массовым библиотекам системы Министерства культуры СССР. Если в 1950 году в них было зарегистрировано 23,3 млн. читателей, то в 1965 году – уже 62,7 млн., что на 269% больше! [16, с. 447]. В России по сети самостоятельных массовых библиотек Министерства культуры РСФСР эти цифры составили 18,651 млн. читателей в 1952 году и 33,413 млн. – в 1962 году, то есть на 179% больше [14, с. 524]. Тягу к чтению и знанию следует признать национальной чертой нашего народа.

Многие тысячи советских библиотекарей сделали всё возможное на своём месте, чтобы достойно развивать отечественную культуру, науку, образование и просвещение [12]. Новаторским шагом стало введение с конца 1950-х годов открытого доступа к библиотечным фондам. Теперь читатели могли сами выбирать интересующие их

книги у библиотечных полок. Вообще, читая периодику тех лет, в частности журнал «Библиотекарь», можно встретить примеры энтузиазма и мудрого профессионализма советских библиотечных работников.

Итак, для глубокого осмысления истории и позитивного развития современной библиотечной практики следует продолжить тщательное изучение периода 1953–1964-х годов.

Примечания

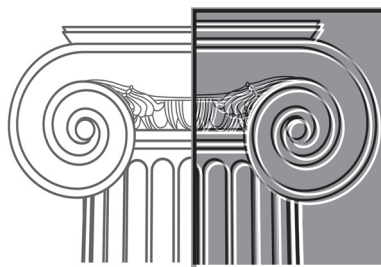
1. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в СССР : [учебник для библиотечных факультетов институтов культуры, педагогических вузов и университетов]. 3-е издание, перераб. и доп. Москва : Книга, 1980. 352 с.
2. Вопросы истории. 1989. № 2.
3. В ЦК КПСС // Библиотекарь. 1959. № 12. С. 1–4.
4. *Глазков М. Н.* Директор Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина М. М. Добраницкий: жизнь, библиотечная деятельность, причины ареста // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 2 (76). С. 154–162.
5. *Глазков М. Н.* Массовые библиотеки в контексте культурно-исторического пути России 1921–1941 гг. : монография. Москва : МГУКИ, 2004. 236 с.
6. *Глазков М. Н.* Массовые библиотеки России (РСФСР) в послевоенный период (1945–1952) // Актуальные проблемы библиотечно-информационных наук : коллективная монография. Москва : МГИК, 2017. С. 42–55.
7. *Глазков М. Н.* Репрессированные советские библиотечно-библиографические деятели 1930–1941 гг. : учебное пособие. Москва : МГУКИ, 2014. 106 с.
8. *Глазков М. Н.* Цензура общедоступных библиотечных фондов в России в 1930-е – начале 1940-х гг. Москва : МГУКИ, 2007. 75 с.
9. *Глазков М. Н.* Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917–1939). Москва : Пашков дом, 2001. 104 с.
10. Достижения советской власти за сорок лет в цифрах : статистический сборник / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. Москва : Госстатиздат, 1957. 370 с.
11. *Кожин В. В.* Россия. Век XX-й (1939–1964). Москва : Алгоритм, 1999. 400 с.
12. *Мазурицкий А. М.* Идеология и библиотеки // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 182–186.
13. Народное хозяйство РСФСР в 1960 году : статистический ежегодник / ЦСУ при Совете Министров РСФСР. Москва : Госстатиздат, 1961. 572 с.
14. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году : статистический ежегодник / ЦСУ при Совете Министров РСФСР. Москва : Госстатиздат, 1963. 560 с.
15. Народное хозяйство РСФСР в 1963 году : статистический ежегодник / ЦСУ при Совете Министров РСФСР. Москва : Госстатиздат, 1965. 600 с.
16. Народное хозяйство СССР за 60 лет : юбилейный статистический ежегодник / ЦСУ при Совете Министров СССР. Москва : Статистика, 1977. 709 с.
17. Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. : юбилейный статистический сборник / ЦСУ СССР. Москва : Статистика, 1972. 848 с.
18. *Никонов А. А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). Москва : Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с., [1] л. портр.
19. Российский статистический ежегодник 1995 : статистический сборник / Госкомстат России. Издание официальное. [б. м.] Москва, 1995. 976 с.
20. *Столяров К. А.* Палачи и жертвы : [Репрессии 30–40-х гг. в СССР] / [комментарий А. Ф. Кагусева]. Москва : ОЛМА-пресс, 1997. 363 с., [16] л. ил., факс.

References

1. Abramov K. I. *Istoriya bibliotechnogo dela v SSSR [History of Librarianship in the USSR]*. 3rd edition. Moscow, Publishing house “Book”, 1980. 352 p. (In Russian)

2. *Voprosy istorii [Questions of History]*. 1989, no. 2. (In Russian)
3. V TsK KPSS [To the Central Committee of the CPSU]. *Bibliotekar' [Librarian]*. 1959, no. 12, pp. 1–4. (In Russian)
4. Glazkov M. N. Director of State Public Library named after M. E. Saltykov-Shchedrin M. M. Dobranistky: life, librarian activity, reasons of arrest. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2017, no. 2 (76), pp. 154–162. (In Russian)
5. Glazkov M. N. *Massovye biblioteki v kontekste kul'turno-istoricheskogo puti Rossii 1921–1941 gg. [Mass libraries in the context of the cultural and historical path of Russia 1921–1941st]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2004. 236 p. (In Russian)
6. Glazkov M. N. *Massovye biblioteki Rossii (RSFSR) v poslevoynenny period (1945–1952) [Mass Libraries of Russia (RSFSR) in the Post-War Period (1945–1952)]*. In: *Aktual'nye problemy bibliotechno-informatsionnykh nauk. Rollektivnaya monografiya [Actual problems of library and information sciences. A collective monograph]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2017. Pp. 42–55. (In Russian)
7. Glazkov M. N. *Repressirovannye sovetskiye bibliotechno-bibliograficheskie deyateli 1930–1941 gg. [Repressed Soviet library and bibliographic figures of 1930–1941st]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2014. 106 p. (In Russian)
8. Glazkov M. N. *Tsenzura obshchedostupnykh bibliotechnykh fondov v Rossii v 1930-ye – nachale 1940-kh gg. [Censorship of public library collections in Russia in the 1930th – early 1940th]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2007. 75 p. (In Russian)
9. Glazkov M. N. *Chistki fondov massovykh bibliotek v gody sovetskoy vlasti (oktyabr' 1917–1939) [Purges of funds of mass libraries in the years of Soviet power (October 1917–1939th)]*. Moscow, Russian State Library 'Pashkov Dom' Publishing, 2001. 104 p. (In Russian)
10. *Dostizheniya sovetskoy vlasti za sorok let v tsifrakh: statisticheskiy sbornik [Achievements of the Soviet authorities in forty years in numbers: a statistical compilation]*. Moscow, State Statistical Publishing, 1957. 370 p. (In Russian)
11. Kozhinov V. V. *Rossiya. Vek 20-y (1939–1964) [Russia. 20th century. (1939–1964)]*. Moscow, Algoritm Publishing House, 400 p. (In Russian)
12. Mazuritsky A. M. Ideology and libraries. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 2 (64), pp. 182–186. (In Russian)
13. *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1960 godu: statisticheskiy ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1960th: statistical yearbook]*. Moscow, State Statistical Publishing, 1961. 572 p. (In Russian)
14. *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1962 godu: statisticheskiy ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1962th: statistical yearbook]*. Moscow, State Statistical Publishing, 1963. 560 p. (In Russian)
15. *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1963 godu: statisticheskiy ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1963rd: statistical yearbook]*. Moscow, State Statistical Publishing, 1965. 600 p. (In Russian)
16. *Narodnoe khozyaystvo SSSR za 60 let: yubileynny statisticheskiy yezhegodnik [National Economy of the USSR in 60th: anniversary statistical yearbook]*. Moscow, Publishing house "Statistics", 1977. 709 p. (In Russian)
17. *Narodnoe khozyaystvo SSSR 1922–1972: yubileynny statisticheskiy yezhegodnik [National Economy of the USSR 1922–1972: anniversary statistical yearbook]*. Moscow, Publishing house "Statistics", 1972. 848 p. (In Russian)
18. Nikonov A. A. *Spiral' mnogovekovoy dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII–XX vv.) [The spiral of centuries-old drama: agrarian science and politics of Russia (18–50th centuries)]*. Moscow, Publishing House "Encyclopedia of Russian villages", 1995. 574 p. (In Russian)
19. *Rossiyskiy statisticheskiy yezhegodnik 1995: statisticheskiy sbornik [Russian Statistical Yearbook 1995: statistical compilation]*. Moscow, 1995. 976 p. (In Russian)
20. Stolyarov K. A. *Palachi i zhertvy [Executioners and Victims]*. Moscow, OLMA Media Group, 1997. 363 p. (In Russian)

НОВЫЕ КНИГИ

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ОТ МИФА К РЕАЛЬНОСТИ

УДК 130.2:001.891

Е. В. Мареева

Московский государственный институт культуры

Рецензия на книгу: Климова С. М. Интеллигенция в поисках идентичности: Достоевский – Толстой. Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. 248 с.

Ключевые слова: русская интеллигенция, бинарное сознание, квазирелигиозность, русская идея, философия жизни, Чаадаев, Лев Толстой, Достоевский.

E. V. Mareeva

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA: FROM MYTH TO REALITY

Review of the edition: Klimova S. M. *Intelligentsiya v poiskakh identichnosti: Dostoyevsky – Tolstoy* [Intelligentsiya in search of the identity: Dostoyevsky – Tolstoy]. Sankt-Petersburg, Aletheia Publishing House, 2018. 248 p. (In Russian)

Keywords: the Russian intellectuals, binary consciousness, quasi-religion, the Russian idea, philosophy of life, Chaadaev, Lev Tolstoy, Dostoevsky.

Для цитирования: Мареева Е. В. Русская интеллигенция: от мифа к реальности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 190–196.

Слово «интеллигенция» у большинства образованных людей, как известно, ассоциируется с Россией. Сам термин “intelligentia” в западных словарях сопровождается пометкой «рус». Правда, существует компетентное мнение о том, что прообразом интеллигенции стали гуманисты итальянского

Возрождения. И уже там первых представителей этого «сословия» объединял вовсе не социальный статус, а образ мысли и стиль жизни, подчинённый великим античным идеалам [1]. То же обычно приписывают и русскому интеллигенту, который, в отличие от современного интеллектуала, был не про-

МАРЕЕВА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

MAREEVA ELENA VALENTINOVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of philosophy, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

© Мареева Е. В., 2019

сто образован и воспитан, но обладал высокими нравственными качествами. Если возрожденческая интеллигенция поклонялась Античности, то русская интеллигенция болела душой за простой народ. В этом смысле её продолжением можно в определённой степени считать советскую интеллигенцию, а именно: ту её часть, которая исповедовала искренние демократические идеалы. Свидетельством этого является выдающаяся проза советских писателей-«деревенщиков», советская военная проза и т.д.. Речь, однако, пойдёт о конкретном исследовании русской интеллигенции, результатом которого стала монография доктора философских наук С. М. Климовой «Интеллигенция в поисках идентичности: Достоевский – Толстой» (Москва, 2018). Об исследовательском духе этой работы следует сказать особо, так как автор предложила видение истории русской интеллигенции, связанное с собственным пониманием сложной и противоречивой сути этого феномена. Проблема, как указывает С. М. Климова, рассматривается в историко-философском и историко-культурном срезе.

Первая часть монографии посвящена историческому становлению русской интеллигенции. Речь идёт о рождении национально-гуманитарной культуры в России XVIII века, а также о роли Петра Чаадаева в формировании того особого культурного пространства, в котором и будут разворачиваться споры о судьбах России у русских интеллигентов XIX – начала XX века. Уже в первых параграфах С. М. Климова ясно обозначает собственную методологию, основу которой составляет критический анализ того, как именно русская интеллигенция обсуждала центральные вопросы национального самосознания и как она выстраивала свои взаимоотношения с властью и народом. Нельзя не согласиться с авто-

ром в том, что истина рождается в диалоге, а не в споре, тем более, не в ожесточенной полемике, которая по законам жанра и в наши дни упрощает позиции, доводя их до бесплодных антитез «нового и старого», «прогрессивного и реакционного», «своего и чужого» и пр.

С. М. Климова развёрнуто характеризует ту историческую ситуацию, в которой формировались образованное высшее сословие, наука и система образования в России, полагая, что усилиями Е. Дашковой, Екатерины II и других закладывались основы для продуктивного диалога общества с властью. В качестве убедительного доказательства автор монографии приводит два примера такого диалога: в XVIII веке «Екатерина – Д. И. Фонвизин, в XIX веке Александр I – Н. М. Карамзин» [5, с. 26]. Но всё радикально меняется после «Философических писем» П. Чаадаева.

Именно Пётр Чаадаев, по мысли Климовой, спровоцировав обсуждение публикации своего «Философического письма» в журнале «Телескоп», сделал проблематику национального самосознания предметом широкой публичной дискуссии. Из университетских аудиторий и стен Академии наук обсуждение указанных проблем окончательно перемещается в светские салоны и на страницы журналов, а полем формирования интеллектуальной оппозиции интеллигенции властям становится литература и философия, художественная критика – вся русская духовная культура. «Сформировав общественную полемическую среду, П. Я. Чаадаев, – отмечает автор, – создал пространство интеллектуальной оппозиции, идеи которой были принимаемы полуобразованной разночинной публикой за “истины в последней инстанции”. Оппозиционность не только к власти, но и к своему народу, своей истории, культуре, родному языку, друг другу становится новой устойчивой формой интеллигентской “любви к родине”, самоидентичности, о которой так мечтал П. Я. Чаадаев, однако не только не скрепив этим общество, но расколов его окончательно» [5, с. 37].

Здесь напрашивается аналогия с реакцией против умонастроений и поведения русской интеллигенции, выраженной в сборнике «Вехи» (Москва, 1909). Авторами указанного «Сборника статей о русской интеллигенции» были религиозно мыслящие философы Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, С. Л. Франк и другие, которые утверждали, что русская «интеллигентщина» идейно бесплодна и крайне опасна. Автора монографии сближает с «веховцами» представление об «искусственной выделенности» этих людей из общенациональной жизни, так называемой кружковщине, а также характеристика их

«народопоклонничества» как ложной любви к простым людям – крестьянству и пролетариату. Речь в «Вехах» шла об агрессивности русской интеллигенции и о её склонности к нигилизму. Но убеждения этой части общества, утверждали «веховцы», не имеют никакого отношения к строю народной души. И доказательством этого стала трагедия русской революции 1905–1907 годов, поскольку народ не принял ни идеалов русской интеллигенции, ни её заботы о народном благе [5].

Понятно, что в сборнике «Вехи» имелась в виду прежде всего интеллигенция, близкая к социал-демократам, хотя высказанные обвинения касались и либерально мыслящей интеллигенции, и народников, и радикалов-бомбистов. Стоит напомнить, что в советский период, вслед за Лениным, сборник «Вехи» считался крайне реакционным и расценивался как пасквиль на революционную интеллигенцию.

С другой стороны, сам Ленин указывал на двойственность в поведении интеллигенции, которая способна ориентироваться и на власти, и на запросы «низов» общества. Иначе говоря, всё тут не так однозначно и требует дальнейшего анализа. Где здесь правда о русской интеллигенции, а где миф, сотворённый ею самой или её недоброжелателями?

Что касается С. М. Климовой, то она стремится в первую очередь разобраться с тем, что сегодня именуют «парадигмой», то есть способом постановки и решения главных вопросов русской жизни, а через это – с проблемой идентичности русской интеллигенции. Одной из важнейших характеристик этой идентичности, по мысли автора, является поза учителя и пророка, «властителя дум» и «совести нации», которую предложил и воплотил Пётр Чаадаев. А поклонение народу и апелляция к вере

позволяют говорить о мифомышлении и мифотворчестве в отношении русской интеллигенции XIX века. «Философско-литературный (а затем и любой художественный) текст, – пишет автор о тех произведениях, вокруг которых шли дискуссии в интеллигентской среде XIX века, – обрёл каноническую незыблемость и форму “религиозного” первообраза, претендуя на то место, которое до этого занимал другой текст – Библия. Новый дискурс рождался в ходе спекулятивного использования предыдущего (христианского) языкового каркаса для озвучивания новой истории и описания новых героев» [5, с. 60].

Ярко и эмоционально во второй части книги в параграфе 1.5. «Русская интеллигенция: история и судьба» учёный описывает как у И. Киреевского, Н. Станкевича, А. Герцена увлечение философией и политикой было лично и эмоционально окрашено, охватывая всё их существо, а потому здесь можно говорить об «идее-силе» в том смысле, в каком М. Бахтин в начале XX века характеризует героев Ф. Достоевского. С другой стороны, здесь применимо понятие цельного знания, о котором писал Иван Киреевский, рассуждая о внутреннем единстве, которое возможно между разумом и верой.

Но ситуация радикально меняется во второй половине XIX века, когда, как утверждает С. М. Климова, эта цельность разрушается и на поверхности интеллигентского сознания оказываются рассудочные схемы, а от веры остаётся идеологическая солидарность и агрессивный принцип партийности. В последующих дискуссиях западников и славянофилов в публичном пространстве русской жизни, как показано в монографии, обнаруживает себя именно этот стиль мышления, превратно представляющий и разум, и веру.

Мышление классического русского интеллигента, как мы видим, соткано из противоречий, что автор характеризует как бинарность сознания. Это оппозиции «власть – народ», «Восток – Запад», «прогрессивное – реакционное» и т.д. Но, как показывает учёный, бинарность дополняется инверсивностью, поскольку противоположные характеристики, в зависимости от позиции и ситуации, могут в одночасье поменяться местами, и тогда народ из Богоносца способен обернуться «тёмным царством» и источником Зла.

С методологическим аппаратом, который использует С. М. Климова в исследовании сознания русских интеллигентов, можно спорить. Интересно то, что его истоки стоит искать в работах философов, культурологов и литературоведов, которые были популярны в 70–80-х годах XX века, когда формировалась собственная методологическая парадигма автора. Здесь идеи диалогичности в духе М. Бахтина [2] и В. Библера [3], влияние семиотики в духе Ю. Лотмана [6]. С другой стороны, автор не боится вводить в ткань своего анализа идеи известных западных мыслителей XX века, сопоставляя, например, позицию Льва Толстого со взглядами Макса Вебера и Ханны Арендт.

Здесь следует уточнить, что критика русской интеллигенции в монографии С. М. Климовой не касается тех учителей, врачей и других представителей русского «разночинья», которые действительно «уходили в народ», оказывая помощь людям на местах, в отличие от тех, кто лишь учил, как народу нужно сострадать и как его любить. Были, однако, такие «хождения в народ», которые имели деятельно-пропагандистский характер. Так, в 1874 году, надев крестьянскую одежду и подражая крестьянской речи, молодые интеллигенты, а среди них было много студентов, отправились в

Московскую, Тульскую и другие губернии, агитируя за свержение царизма. Но крестьяне относились к ним с опаской, а рассказы о «светлом будущем», как вспоминали сами народники, воспринимали как сказки. Об этом писал в своих воспоминаниях революционер С. Степняк-Кравчинский, который агитировал крестьян Тульской и Тверской губерний и делал это, используя Евангелия, на основе которых развивал социалистические идеи [8].

Понятно, что в разработке данной темы автор не могла обойти фигуры Фёдора Достоевского и Льва Толстого, которого Ленин в своё время назвал «зеркалом русской революции». При этом образ Достоевского в интерпретации С. М. Климовой двоятся. Речь идёт о том, что художественное творчество Достоевского основано на полифонии и диалоге, о чём прекрасно писал М. Бахтин. Но как идеолог, отстаивающий русскую идею, Достоевский не выходит за рамки бинарной логики, прежде всего – в решении национального вопроса. После трагедии, связанной с увлечением социалистическими идеями, Достоевский уже не противопоставлял себя властям. Но при решении проблем национального самосознания он выстраивает оппозицию. На одной стороне у него оказывается русский народ – Богоносец, а на другой – инородцы, евреи и поляки, среди которых много революционеров. Они манифестируют в русской жизни западную цивилизацию с её эгоизмом и меркантилизмом. А поляки к тому же представляют враждебную русскому человеку католическую веру. Таким образом, почвенничество Достоевского оборачивается всё тем же поклонением народу-мессии, миссия которого неотделима от русской монархии и традиционного православия.

Между третьей и пятой частями в книге С. М. Климовой расположен фрагмент,

посвящённый литературному критику Н. Страхову, переписка с которым, как считает автор, стала важной вехой в религиозно-философских исканиях Толстого. Нужно сказать, что в своей реконструкции позиций Достоевского и Толстого учёный опирается на дневниковые записи и переписку, полагая их аутентичность глубинным движениям человеческой души. Именно из переписки Толстого со Страховым она делает вывод о недооценённости духовных качеств последнего, что позволило ему стать «соавтором» Льва Толстого.

С. М. Климова явно не на стороне социалистов-атеистов. Но её позиция не вписывается и в традиционную религиозность. Здесь она, вслед за Толстым, ищет новую религиозность, основанную не на интеллигентском поклонении Народу, а на сочувствии ближнему. Автор пишет: «Любить всех, не имея ни капли любви к реальным родителям, женщине, ребёнку, “былинке” какой-нибудь – страшная метаморфоза русских “страдальцев” – источник всех социалистических идей» [5, с. 83]. Именно в этом пункте, по её мнению, проходит водораздел между Львом Толстым как подлинным авторитетом эпохи и интеллигенцией того времени.

Но С. М. Климова уверена также в том, что Толстой был не только гениальным писателем и общественным деятелем, но и выдающимся философом. Более того, она считает, что Толстой стал «основоположником философии жизни в России, антиметафизической, неклассической по своей сути. Вся его философия основана на “Я”, которое переживает (живёт, то есть сознаёт жизнь), в том числе и мировую философию, и религиозные учения, и собственную жизнь ... важнейшая категория в философии Толстого – *жизнь*, субъективно осмысленная и представленная им в специальном философском трактате “О жизни” (1886–1887)» [5, с. 155].

Толстому, утверждает С. М. Климова, удалось отыскать «формулу целостной жизни», которая основана на единении с Богом как «бесконечным, живым, объединяющим в себе всё». В неканонических религиозных представлениях Толстого Бог есть безбрежный океан жизни и любви, отчего у верующих в него возникает особое чувство единения с миром и главное – сочувствие другим людям и всему мирозданию. Такое чувство, считает автор, основа нашей субъективности, и именно Толстой смог сделать его «основой эпохального жизнетворчества. Все его поступки носили оттенок личного переживания истории, в частности субъективного переживания исторического христианства и мировой культуры» [5, с. 117].

Толстой в монографии С. М. Климовой оказывается не только мыслителем, воплощающим свою философию в реальной жизни, но и тем, кто углубляет философию жизни до экзистенциальных размышлений. В этом контексте в монографии присутствуют сопоставления Толстого с Артуром Шопенгауэром – основоположником философии жизни в мировой философии, который и вправду отдавал большую роль в деле обуздания Мировой Воли христианскому самоограничению. При этом в тексте монографии никак не представлено понимание жизни Фридрихом Ницше, хотя как раз его последователем был Лев Шестов. Ницшеанским пониманием жизни как жажды самоутверждения определяются оценки Шестова в работе «Добро в учении гр. Толстого и Ницше: философия и проповедь» [9]. Именно на данном этапе творчества Шестов воспринимает «живую

жизнь» как витальную силу, способную не выразить, а заменить нам Бога. И в свете трактовок Ницше, для которого «Бог умер» и «Падающего подтолкни», Шестов возносит «подпольного человека» Достоевского, принижая Толстого как бессильного моралиста и проповедника, у которого не культ жизненной силы, а культ слабости и, по существу, умирания.

В тексте присутствуют ссылки на Шестова как участника хора гонителей Толстого [5, с. 145]. Но было бы интересно рассмотреть, как в русской жизни XIX–XX веков проявили себя и даже столкнулись две версии неклассической философии, а именно: философии и жизни как реакции на кризис цивилизации. У Толстого культ жизни связан с обновлением христианства, у Ницше и Шестова, по сути, с раскультириванием человека и возвращением его к непосредственности и естественности природной жизни. Интересно, что взгляды Шестова этого периода, где жизнь не сочувствие ближнему, а эгоистическое самоутверждение, часто относят к русскому «предэкзистенциализму».

Каким же образом в противоборстве двух версий философии жизни и экзистенциализма на русской почве проявила себя сущность русской интеллигенции?

Здесь, на наш взгляд, один из важных пунктов дальнейших размышлений над вопросами, поставленными в серьёзном и весьма интересном исследовании С. М. Климовой. Тем более что в свете теперешних взаимоотношений в России между властями, народом и либеральной интеллигенцией такой разговор отнюдь не окончен.

Примечания

1. Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. Москва : РГГУ, 1995. 448 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е издание. Москва : Искусство, 1986. 446 с.
3. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. Москва : Политиздат, 1991. 415 с.

4. Вехи : сборник статей о русской интеллигенции / Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон и др. Репринт. изд. 1909 г. Москва : Новости, 1990. 216 с.
5. Климова С. М. Интеллигенция в поисках идентичности: Достоевский – Толстой. Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. 248 с.
6. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 томах. Таллин : Александра, 1992–1993. Том 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. 1992. С. 9–247.
7. Мареева Е. В. П. Чаадаев: социальный критик, философ, резонёр // Человек. 2017. № 1. С. 163–173.
8. Степняк-Кравчинский С. М. Избранное / предисл. А. И. Володина ; худож. А. Виноградов. Москва : Художественная литература, 1972. 584 с.
9. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше: философия и проповедь. Москва : Директ-Академия, 2008. 160 с.

References

1. Batkin L. M. *Ital'yanskie gumanisty: stil' zhizni i stil' myshleniya [Italian humanists: way of life and mentality]*. Moscow, Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 1995. 448 p. (In Russian)
2. Bakhtin M. M. *Eстетика slovesnogo tvorchestva [The aesthetics of verbal creativity]*. 2nd edition. Moscow, Art Publishing House, 1986. 445 p. (In Russian)
3. Bibler V. S. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek [From the science of science to the logic of culture. Two Philosophical Introductions to the 21st century]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1991. 415 p. (In Russian)
4. Berdyaev N. A., Bulgakov S. N., Gershenson M. O., etc. *Vekhi: sbornik statey o russkoy intelligentsia. Reprint izd. 1909 g. [Milestones: collection of articles about the Russian intelligentsia. Reprint. ed. 1909]*. Moscow, Publishing house “Novosti”, 1990. 216 p. (In Russian)
5. Klimova S. M. *Intelligentsiya v poiskakh identichnosti: Dostoyevsky – Tolstoy [Intelligentsiya in search of the identity: Dostoyevsky – Tolstoy]*. Sankt-Petersburg, Aletheia Publishing House, 2018. 248 p. (In Russian)
6. Lotman Yu. M. *Izbrannyye stat'i. V 3 tomakh. Tom 1. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury [Selected articles. In 3 volumes. Vol. 1. On semiotics and topology of culture]*. Tallinn, Publishing house “Aleksandra”, 1992. P. 9–247. (In Russian)
7. Mareeva E. V. P. Chaadaev: social'nyy kritik, filosof, rezone [P. Chaadaev: social critique, philosopher, arguer?]. *Chelovek [Human]*. 2017, no. 1, pp. 163–173. (In Russian)
8. Stepanyak-Kravchinsky S. M. *Izbrannoe [Selected works]*. Moscow, Publishing house “Imaginative literature”, 1972. 584 p. (In Russian)
9. Shestov L. *Dobro v uchenii gr. Tolstogo i Nicshe: filosofiya i propoved' [The good in the teaching of Tolstoy and Nietzsche: philosophy and teaching]*. Moscow, Publishing house “Direct Academy”, 2008. 160 p. (In Russian)